

Журнал основан в 2008 г.
Выходит ежеквартально

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Реестровая запись ПИ № ФС77–70644 от 3 августа 2017 г.

Территория распространения журнала – Российская Федерация, зарубежные страны

Подписной индекс – 42059

Учредитель и издатель:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»
430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68

Адрес редакции:

430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68
Телефон: +7 8342 481424
WWW: <http://csfu.mrsu.ru>
E-mail: finno-ugric.world@mail.ru

Главный редактор *Н. П. Макаркин*

Дата выхода 30.09.2024.
Формат 70 × 108 1/16. Усл. печ. л. 10,5.
Тираж 1000 экз. (1-й завод – 100 экз.).
Цена свободная. Заказ № 521

Отпечатано в типографии
Издательства Мордовского университета
430005, Россия, Республика Мордовия,
г. Саранск, ул. Советская, 24

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2024

The journal was founded in 2008.
Published quarterly

Registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. Registry Entry ПИ № ФС77–70644 August 3, 2017

Distributed In Russian Federation and foreign countries

Subscribe index – 42059

Founder and Publisher:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “National Research Ogarev Mordovia State University”
68 Bolshevistskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia

Editorial board:

68 Bolshevistskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia
Phone: +7 8342 481424
WWW: <http://csfu.mrsu.ru>
E-mail: finno-ugric.world@mail.ru

Editor in Chief *N. P. Makarkin*

Released on September 30, 2024.
Format 70 × 108 1/16. Press sheets 10.5.
Circulation 1000 copies (1st – 100 copies).
Free price. Order No. 521

Printed in the Publishing House of National Research Ogarev Mordovia State University
24 Sovetskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia

© National Research Mordovia State University, 2024

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И ЭТИКА

Редакция журнала «Финно-угорский мир Finno-Ugric World» строит политику издания на общепринятых этических принципах научных публикаций. Редакция поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, а также руководствуется Декларацией Ассоциации научных редакторов и издателей «Этические принципы научных публикаций».

Редакционная политика формулируется с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала (Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors), разработанном Комитетом по публикационной этике (Committee on Publication Ethics).

Редакция открыта для взаимодействия с профессиональными научными ассоциациями и отраслевыми сообществами с целью обеспечения высокого качества работы ученых.

Редакция не оказывает платных или агентских услуг. Публикация в Журнале бесплатная. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Редакция не навязывает авторам цитирование статей, ранее опубликованных в Журнале, с целью искусственного улучшения его наукометрических показателей, а также принципиально не оказывает такую «помощь» другим изданиям или конкретным авторам.

«Финно-угорский мир Finno-Ugric World» – журнал открытого доступа (Open Access): все пользователи могут абсолютно свободно и бесплатно читать, загружать, копировать, передавать, а также ссылаться на публикуемые материалы в соответствии с принципами Будапештской инициативы открытого доступа (BOAI).

Авторы сохраняют за собой авторские права и предоставляют Журналу право публикации работы. Неисключительные права на использование материалов Журнала принадлежат ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» как учредителю и издателю.

В Журнале может быть опубликован любой автор, представивший ранее не опубликованный материал.

Журнал считает своей миссией распространение на территории Российской Федерации и за рубежом научных знаний о финно-угорских народах, популяризацию их языков, народной культуры и искусств, истории. Исходя из понимания данной миссии, редакция Журнала публикует материалы, посвященные результатам исследований лингвистических, исторических и этнографических, культурологических проблем финно-угорских народов. Также публикуются информационные сообщения о важных научных событиях, семинарах, симпозиумах и конференциях, связанных с тематикой издания.

Допускается свободное воспроизведение материалов Журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации. При цитировании ссылка на Журнал обязательна. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Материалы Журнала доступны по лицензии
Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная

EDITORIAL POLICY AND ETHICS

The editorial board of the journal “Finno-Ugric World” is committed to generally accepted ethical principles of Journal publications. The editors support Code of Ethics of Journal Publications, developed by Committee on Ethics of Journal Publications (Moscow, Russia), and Declaration of the Association of Journal Editors and Publishers “Ethical Principles of Journal Publications”.

The editorial policy is based on ethical norms of the work of editors and publishers written in Code of Conduct and Guidelines for Best Practice for the Editor of the Journal, developed by the Committee on Publication Ethics.

The Editors shall be open for cooperation with professional scientific associations and industry-specific communities to ensure high quality work of scientists.

The editorial board does not provide paid services. All publications in the Journal are free. The editorial board does not charge the authors for the preparation, download and printing of materials.

The editors shall never impose citing papers, which were previously published in the Journal, on the authors, for the purpose of improving its scientometric indicators, as well as shall not provide other journals or specific authors with such “help”.

The “Finno-Ugric World” is an open access Journal which means that all content is freely available without charge to the user or his/her institution. Users are allowed to read, download, copy, distribute, print, search, or link to the full texts of the articles, or use them for any other lawful purpose, without asking prior permission from the publisher or the author. This is in accordance with the BOAI definition of open access.

The authors retain copyright holder exclusive rights over their articles and assign copyright to the Journal. Non-exclusive rights to use the papers of the Journal belong to National Research Mordovia State University as a founder and publisher.

The Journal publishes any author, if he presents a material not released before and not supposed to be published simultaneously in other journals. Receipt of articles for publication is effected permanently.

The Journal seeks to develop Finno-Ugric Studies, dissemination of their languages, folk culture and arts, and the history in the territory of the Russian Federation and abroad. In order to fulfil these aims the Journal welcomes the articles on the various aspects in linguistics, literature, culture, history and ethnography of the Finno-Ugric peoples. It also regularly includes the information about important sciences events, seminars, symposiums and conferences relevant to the Journal.

Free reproduction of the Journal’s materials is allowed for personal, information, research, academic or cultural purposes in accordance with the Civil Code of the Russian Federation. When quoting, a link to the Journal is required. Other types of reproduction are only possible following the written agreement of the copyright holder.

All the materials of the “Finno-Ugric World” journal are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Макаркин Николай Петрович** – главный редактор, председатель совета, доктор экономических наук, профессор, президент ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», руководитель Межрегионального научного центра финно-угроведения (г. Саранск, Россия), makarkin@mrgsu.ru
- Мосина Наталья Михайловна** – заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), natamish@rambler.ru
- Никонова Юлия Николаевна** – ответственный секретарь редакции научных журналов Высшей школы развития научно-образовательного потенциала ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), ulanikonova@yandex.ru, finno-ugric.world@mail.ru
- Бахлова Ольга Владимировна** – доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), olga.bahlova@mail.ru
- Бояркин Николай Иванович** – доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), bojarkin_ni@mail.ru
- Братчикова Надежда Станиславовна** – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорской филологии ФГБОУ ВО «МГУ имени М. В. Ломоносова» (г. Москва, Россия), n.bratchikova@mail.ru
- Вичинене Дайва** – доктор гуманитарных наук, профессор, заведующий кафедрой этномузыкологии Литовской академии музыки и театра (г. Вильнюс, Литва), daivarster@gmail.com
- Жеребцов Игорь Любомирович** – доктор исторических наук, профессор, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), zherebtsov@mail.illhkomisc.ru
- Илюха Ольга Павловна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия), iljuha@krc.karelia.ru
- Кауппала Пекка** – доктор философии, доцент Центра изучения России и Восточной Европы Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия), pekka.kauppala@saunalahti.fi
- Кондратьева Наталья Владимировна** – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (г. Ижевск, Россия), nataljakondratjeva@yandex.ru
- Корнишина Галина Альбертовна** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), g.kornihina@mail.ru
- Луутонен Йорма** – доктор философии, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания Туркуского университета (г. Турку, Финляндия), luutonen@utu.fi
- Мартынова Марина Юрьевна** – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра европейских исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, (г. Москва, Россия), martynova@iea.ras.ru
- Матичак Шандор** – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорского языкознания Дебреценского университета (г. Дебрецен, Венгрия), maticsak.sandor@arts.unideb.hu
- Мишанин Юрий Александрович** – доктор филологических наук, профессор, заместитель директора по межэтническим отношениям Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, председатель Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского и эрзянского) народа (г. Саранск, Россия), mordvarf@mail.ru
- Муллонен Ирма Ивановна** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия), mullonen@krc.karelia.ru
- Нуриева Ирина Муртазовна** – доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (г. Ижевск, Россия), nurieva-59@mail.ru
- Попов Александр Александрович** – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), doctor_porov@mail.ru
- Пустаи Янош** – доктор филологии, профессор, директор NH «Collegium Fenno-Ugricum» (г. Бадачоньтомай, Венгрия), janos_pusztay@hotmail.com
- Ракин Анатолий Николаевич** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), anatolij.rakin@mail.ru
- Сейленталь Тьну** – доктор филологии, заведующий финно-угорским отделением Тартуского университета, председатель Программы родственных народов (г. Тарту, Эстония), seilu@ut.ee
- Тултаев Петр Николаевич** – председатель президиума Совета ООД «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» (г. Саранск, Россия), afunrf@yandex.ru
- Тулуз Ева** – доктор философии, профессор Центра исследований Европы и Евразии Национального института восточных языков и цивилизаций (г. Париж, Франция), evatoulouze@gmail.com
- Шаланки Жужанна** – доктор филологии, доцент кафедры финно-угроведения Университета им. Лоранда Этвеша (г. Будапешт, Венгрия), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu
- Шилов Николай Владимирович** – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук и менеджмента НОУ ВО «Московский социально-педагогический институт» (г. Москва, Россия), n_shilov@uni21.org
- Шкалина Галина Евгеньевна** – доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культуры и искусств ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» (г. Йошкар-Ола, Россия), gshkalina@mail.ru

EDITORIAL BOARD

- Nikolay P. Makarkin** – Editor-in-Chief, Chairman of the Board, Dr.Sci. (Econ.), Professor, President of National Research Mordovia State University, Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies (Saransk, Russia), makarkin@mrsu.ru
- Natalya M. Mosina** – Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci. (Philol.), Professor, Department of English for Professional Communication, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), natamish@rambler.ru
- Yuliya N. Nikonova** – Executive Secretary of the Editorial Board of Scientific Journals of the Higher School of Development of Scientific and Educational Potential, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), ulanikonova@yandex.ru, finno-ugric.world@mail.ru
- Olga V. Bakhlova** – Dr.Sci. (Polit.), Professor, Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), olga.bahlova@mail.ru
- Nikolay I. Boyarkin** – Dr.Sci. (Arts), Professor, Leading Researcher, Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), bojarkin_ni@mail.ru
- Nadezhda S. Bratchikova** – Dr.Sci. (Philol.), Head of the Department of Finno-Ugric Philology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), n.bratchikova@mail.ru
- Daiva Vyčiniénė** – Doctor of Arts, Professor, Head of the Department of Ethnomusicology, Lithuanian Academy of Music and Theater (Vilnius, Lithuania), daivarster@gmail.com
- Igor L. Zherebtsov** – Dr.Sci. (Hist.), Professor, Director of the Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), zherebtsov@mail.illhkomisc.ru
- Olga P. Ilyukha** – Dr.Sci. (Hist.), Lead Research Fellow, History Section, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia), iljuha@krc.karelia.ru
- Pekka Kauppala** – Ph.D., Associate Professor, Center for the Study of Russia and Eastern Europe, Helsinki University (Helsinki, Finland), pekka.kauppala@saunalahti.fi
- Natalia V. Kondratyeva** – Dr.Sci. (Philol.), Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, Udmurt State University (Izhevsk, Russia), nataljakondratjeva@yandex.ru
- Galina A. Kornishina** – Dr.Sci. (Hist.), Professor, Department of History of Russia, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), g.kornihina@mail.ru
- Jorma Luutonen** – Ph.D., Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, University of Turku (Turku, Finland), luutonen@utu.fi
- Marina Yu. Martynova** – Dr.Sci. (Hist.), Professor, Head of the Center for European Studies, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, (Moscow, Russia), martynova@iea.ras.ru
- Sándor Maticsák** – Ph.D. (Philol.), Professor, Head of the Department of Finno-Ugric Linguistics, University of Debrecen (Debrecen, Hungary), maticsak.sandor@arts.unideb.hu
- Yuri A. Mishanin** – Dr.Sci. (Philol.), Professor, Deputy Director for Interethnic Relations of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Chairperson of Interregional Public Organization of Mordovian (Moksha and Erzya) People (Saransk, Russia), mordvarf@mail.ru
- Irma I. Mullonen** – Dr.Sci. (Philol.), Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia), mullonen@krc.karelia.ru
- Irina M. Nurieva** – Dr.Sci. (Arts), Leading Researcher, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russia), nurieva-59@mail.ru
- Alexander A. Popov** – Dr.Sci. (Hist.), Professor, Senior Research Fellow, Sector of Domestic History, Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), doctor_popov@mail.ru
- János Pusztay** – Ph.D. (Philol.), Professor, Director of the Collegium Fenno-Ugricum (Badacsonytomaj, Hungary), janos_pusztay@hotmail.com
- Anatoly N. Rakin** – Dr.Sci. (Philol.), Senior Research Fellow, Language Sector, Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), anatolij.rakin@mail.ru
- Tõnu Seilenthal** – Ph.D. (Philol.), Head of the Finno-Ugric Branch of the University of Tartu, Chairperson of the Kindred Peoples Programme (Tartu, Estonia), seilu@ut.ee
- Pyotr N. Tultaev** – Chairperson of the Presidium of the Council of Association of Finno-Ugric Peoples of the Russian Federation (Saransk, Russia), afunrf@yandex.ru
- Eve Toulouse** – Ph.D., Professor, Center for European and Eurasian Studies, National Institute of Oriental Languages and Civilizations (Paris, France), evatoulouse@gmail.com
- Zsuzsanna Salánki** – Ph.D. (Philol.), Associate Professor, Department of Finno-Ugric Studies, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu
- Nikolai V. Shilov** – Dr.Sci. (Hist.), Professor, Department of Social and Humanitarian Sciences and Management, Moscow Social Pedagogical Institute (Moscow, Russia), n_shilov@uni21.org
- Galina E. Shkalina** – Dr.Sci. (Cult.), Professor, Head of the Department of Culture and Arts, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russia), gshkalina@mail.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Норманская Ю. В.** Оценка классификационной принадлежности северо-западного диалекта марийского языка с точки зрения глоттохронологии 272
- Ваганова Е. Н., Лаптева И. В.** Мордовский диалектологический словарь как лингвистический, этнографический и фольклорный источник 284
- Шеянова С. В., Казаева Н. В.** Антропонимическое пространство прозы Тамары Барговой 298

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Дианова Е. В.** Кооперативное кино в деревенском прокате Карелии в 1920-е гг. 310
- Мацук А. М.** Кадры среднего звена в финно-угорских республиках РСФСР в середине 1950-х – середине 1970-х гг.: динамика численности и удельного веса в общем числе рабочих и служащих . 322

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Пакшина И. А., Маскаева Е. Н.** Этноязыки в медиапространстве Республики Мордовия 334
- Антипкина Е. Н., Кондратенко Ю. А., Святогорова В. С.** Формирование сценических традиций национального балета Мордовии на примере творчества композитора Н. Кошелевой 348
- Шахнович М. М., Коливатов Е. Б.** Часовня Рождества Христова Лявозерского саамского погоста 361

СОБЫТИЯ, ЛЮДИ, КНИГИ

- Бурнаев А. Г.** Мордовский танец в картине художника А. А. Рыбиной-Егоровой 373
- Помыткин И. А.** Марийская вышивка: традиции, исследования, творческий поиск 375
- Иванова Л. И., Чикина Н. В.** Вклад Т. А. Коски в сохранение музыкальной культуры (к 100-летию со дня рождения) 378
- К сведению авторов** 382

PHILOLOGY

Normanskaja Ju. V. Assessment of the Classification of the Northwestern Dialect of the Mari Language from the Perspective of Glottochronology	272
Vaganova E. N., Lapteva I. V. Mordovan Dialectological Dictionary as a Linguistic, Ethnographic and Folklore Source	284
Sheyanova S. V., Kazaeva N. V. Anthroponymic Space in the Prose by Tamara Bargova	298

HISTORICAL STUDIES

Dianova E. V. Cooperative Cinema in Rural Distribution in Karelia in the 1920s	310
Matsuk A. M. Mid-Level Personnel in the Finno-Ugric Republics of the RSFSR in the mid-1950s – mid-1970s: Proportion within the Total Number of Workers and Employees	322

CULTURAL STUDIES

Pakshina I. A., Maskaeva E. N. Ethnolanguages in the Media Space of the Republic of Mordovia	334
Antipkina E. N., Kondratenko Yu. A., Svyatogorova V. S. Formation of the Stage Traditions of Mordovian National Ballet through the Work of Composer N. Kosheleva	348
Shakhnovitch M. M., Kolivatov E. B. Chapel of the Nativity of the Lovozersky Sami Churchyard	361

EVENTS, PEOPLE, BOOKS

Burnaev A. G. Mordovian Dance in a Painting by the Artist A. A. Rybina-Egorova	373
Pomytkin I. A. Mari Embroidery: Traditions, Research, Creative Exploration	375
Ivanova L. I., Chikina N. V. T. A. Koski's Contribution to the Preservation of Musical Culture (on the 100 th Anniversary of Her Birth)	378
Information for Authors	382

Оценка классификационной принадлежности северо-западного диалекта марийского языка с точки зрения глоттохронологии

Юлия Викторовна Норманская

*Институт системного программирования им. В. П. Иванникова
Российской академии наук,
Институт языкознания Российской академии наук,
Москва, Россия*

Введение. Классификационная принадлежность северо-западного наречия марийского языка в настоящее время не вполне очевидна. В Энциклопедии Республики Марий Эл отмечается, что «северо-западный марийский язык обладает некоторыми особенностями как горного, так и лугово-восточного марийских языков». Г. Берецки же считал, что северо-западное наречие относится к горномарийскому языку. Цель исследования – проанализировать оценку близости языка первого Евангелия, созданного священником С. Бобровским (1821), и диалекта XX в. по данным И. Г. Иванова и Г. М. Тужарова к горному и луговому марийским языкам с точки зрения глоттохронологии.

Материалы и методы. Для оценки близости северо-западного говора марийского в XVIII–XIX вв. к луговому и горному марийскому были использованы методики фонетических изоглосс и глоттохронологии. Для этого на ЛингвоДоке был размещен глоссированный корпус первого Евангелия, из него был создан конкорданс, к которому для сравнительно-исторического анализа были применены авторские программы ЛингвоДока.

Результаты и их обсуждение. В результате было выявлено, что в XIX в. у первого северо-западного Евангелия с луговым марийским процент совпадения в базисной лексике составляет 97 %, а с горным марийским – 94 %. У словника, собранного в XX в., уже наблюдается значительно меньшая близость как с луговым, так и с горным языками, но сохраняется то же соотношение: лексически северо-западный диалект и в XIX в., и в XX в. был ближе к луговому марийскому. Словарь XVIII в. Кренина, Платунова практически полностью совпадал с луговомарийской книгой «Начатки христианского учения...», созданной в начале XIX в., лишь в одной диагностической позиции наблюдалась дублетная рефлексия. В Евангелии, переведенном священником С. Бобровским, уже в трех позициях наблюдалась рефлексия, характерная для горномарийской грамматики А. Альбинского.

Заключение. Изначально северо-западный марийский в XVIII в. практически не отличался от лугового марийского языка, а в XIX в. он стал уже гораздо ближе к горномарийскому диалекту. Материалы статьи могут быть полезны для специалистов по финно-угорским языкам.

Ключевые слова: марийские диалекты, северо-западное наречие, глоттохронология, фонетика, классификация диалектов

Финансирование: работа выполнена при поддержке РНФ № 20-18-00403 «Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных».

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Норманская Ю. В. Оценка классификационной принадлежности северо-западного диалекта марийского языка с точки зрения глоттохронологии // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 3. С. 272–283. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.03.272-283>

Введение

В настоящее время в Институте языкознания РАН принято решение о существовании двух марийских языков, которое, как указывают и сами авторы, не является очевидным: «Горномарийский и лугово-восточный марийский иногда считаются наречиями единого марийского языка. В настоящем списке они выделяются как два самостоятельных языка. Статус марийских идиомов в различных источниках определяется по-разному. Не во всех русскоязычных энциклопедиях горномарийский и лугово-восточный марийский выделяются как отдельные языки. Так сделано, например, в энциклопедии “Языки мира”. В энциклопедии “Языки Российской Федерации и соседних государств” горномарийский и лугово-восточный марийский фигурируют как самостоятельные языки. В Конституции Республики Марий Эл статус горномарийского и лугово-восточного марийского (являются ли они наречиями или самостоятельными языками) четко не прописан. В ресурсах Ethnologue и Glottolog горномарийский и лугово-восточный марийский выделяются как отдельные языки¹».

Как мы видим, статус горномарийского и луговомарийского не являлся однозначным. Еще менее очевидна принадлежность северо-западного наречия, носители которого проживают на территории Кировской и Нижегородской областей РФ, Килемарского и Медведевского районов Республики Марий Эл РФ, к луговомарийскому или к горномарийскому языку. Это отмечается в Энциклопедии Республики Марий Эл: «Северо-западный марийский язык обладает некоторыми особенностями как горного, так и лугово-восточного марийских языков» [1, с. 337].

Обзор литературы

Г. Березки же считает, что северо-западное наречие относится к горномарийскому языку [2–4]. Однако В. А. Мухин, который еще в 1930-х гг. руководил многочислен-

ными экспедициями по сбору материала, не ставил знака равенства между горномарийским и северо-западным диалектами. В 1950-х гг. И. С. Галкин и Л. П. Грузов вновь подняли вопрос о самостоятельности этой языковой группы как отдельного наречия и ясно высказывали мысль о том, что нет достаточных оснований считать ее отдельным говором горного наречия и в то же время называть разновидностью лугового наречия. Они предлагали назвать эту языковую общность северо-западным наречием марийского языка [5]. Позже И. Г. Иванов и Г. М. Тужаров в результате комплексного обследования всех уровней языковой системы северо-западного наречия пришли к выводу, что оно представляет собой диалектную разновидность марийского языка, содержащую в себе целый ряд особенностей характерных как для лугового, так и для горного наречия. Они писали, что «с луговым наречием сближает его явление цоканья, последовательное соблюдение лабиальной гармонии, наличие фонемы *h*, совпадение во многих отношениях морфологических форм. А наличие фонем *й*, *би*, действие закона палатальной гармонии, одинаковые моменты в морфологии, в некоторой мере выступление словесного ударения являются общими с горным наречием» [5, с. 13].

Есть и точка зрения, согласно которой северо-западный диалект относится к луговомарийской литературной норме: «В то же время в марийском языке различают четыре основных диалекта: луговой, горный, восточный и северо-западный, на базе которых сложились две литературные нормы – луговая и горномарийская» [6]. Однако более общепринятым считается мнение, согласно которому к луговой норме литературного языка относят восточных марийцев, луговых и северо-западных, к горной литературной норме – горных марийцев [7].

Как было показано в предыдущих работах, посвященных описанию памятников, классификации удмуртских [8],

¹ Уральские языки: Марийские и мордовские языки [Электронный ресурс]. URL: <https://jazykirf.iling-ran.ru/groups/Mari-Mordvin.shtml> (дата обращения: 09.07.2024).

саамских [9], коми [10], восточно-хантыйских [11], селькупских [12], крымско-татарских [13], кыпчакских [14] диалектов значительно изменились с XVIII–XIX вв. Поэтому в настоящей работе мы решили проанализировать не только современное северо-западное наречие, но и наиболее ранний перевод текста на яранский диалект северо-западного наречия.

Материалы и методы

Материалами исследования послужила рукопись марийского Евангелия от Матфея, подготовленная священником Вятской епархии С. Бобровским в 1821 г., найденная нами в архиве СПб РАН А. Шёгрена; а также «Краткой черемиской словарь с российским переводом», созданный Василием Крекниным и Иоанном Платуновым в 1785 г.

М. А. Ключева осуществила ввод и глоссирование рукописного текста Евангелия в программе Элан, ввела параллели словоформ из литературного марийского языка и разместила его на платформе ЛингвоДок². Далее глоссированный корпус, размером более 13 тыс. словоформ, был превращен в конкорданс, который проэтимологизирован и полексемно связан этимологическими связями с другими марийскими и финно-угорскими диалектами³. Для оценки близости говора этого корпуса к луговому и горному марийскому нами были использованы методики фонетических изоглосс и глоттохронологии. В рамках метода фонетических изоглосс выбираются фонетические отличия в корнях слов. После анализа всех словоформ был получен список фонетических соответствий между рукописью Евангелия на северо-западном диалекте (1821 г.), современным луговым и горным марийским, «Кратким черемиским словарем с российским переводом» (1785 г.).

В рамках анализа с помощью метода глоттохронологии были выбраны стословные списки базисной лексики на совре-

менных горном, луговом, северо-западном марийском и из рукописи Евангелия. В настоящее время на платформе ЛингвоДок в разделе «Инструменты» для каждого словаря, который был создан пользователем, или на который он получил права, доступна опция «Глоттохронологический анализ диалектов». В «Глоттохронологии» инсталлирована формула скорости распада языков в зависимости от количества различий в списках базисной лексики, предложенная С. А. Старостиным; на основании этой формулы был также создан алгоритм построения генеалогического древа языков, реализованный в СУБД Starling⁴ [15]. На ЛингвоДоке опция «Глоттохронология...» позволяет сравнивать между собой словари, содержащие не менее 50 слов из стословного списка М. Сводеша, которые предварительно соединены этимологическими связями. В приведенных ниже таблицах представлены результаты расчета по формуле и проценты этимологически родственных слов в стословных списках, график близости в формате 2d и 3d, список родственных слов и лексем, которые не имеют когнатов в стословных списках и заимствований. Все эти данные можно также скачать в виде файла в формате XLSX.

Результаты исследования и их обсуждение

В статьях Ю. В. Норманской, О. А. Сергеева представлены подробные графики первых текстов на северо-западном диалекте [16–19]. В таблице 1 продемонстрированы основные фонетические отличия лугового, горного языков и северо-западного марийского наречия [4; 5]. И. Г. Иванов, Г. М. Тужаров опирались на обширные экспедиционные материалы, собранные в разных районах Горьковской (ныне Нижегородской) и Кировской областях. Они показали, что в целом фонетические отличия между отдельными говорами северо-западного наречия незначительны.

² Lingvodoc: языковая платформа [Электронный ресурс]. URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/2110/5/perspective/2110/8/view> (дата обращения: 09.07.2024).

³ Lingvodoc: языковая платформа [Электронный ресурс]. URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3527/5/perspective/3527/6/view> (дата обращения: 09.07.2024).

⁴ An Etymological Database Project [Электронный ресурс]. URL: starlingdb.org (дата обращения: 09.07.2024).

Таблица 1. Фонетические отличия лугового, горного и северо-западного марийского
Table 1. Phonetic differences between Meadow, Hill and Northwestern Mari

	Прамарийский язык / Proto Mari	Горномарийский язык (западный) / Hill (West) Mari	Северо-западный марийский язык / North-West Mari	Луговомарийский язык (восточный) / Meadow (East)
Гласные первого слога / First syllable's vowel	*o	a	a	<i>o</i>
	*a	ä	ä//a	a
	*i	ə	ə	<i>i, ê</i>
	*u	â, u	ə	<i>u</i>
	*ü	ê, ü	ə	<i>ü</i>
Гармония гласных / Vowel harmony		Последовательная рядная гармония / Consistent vowel backness	Нарушения рядной гармонии / Disruption of vowel backness	Последовательная рядная и губная гармония / Consistent vowel backness and roudness
Ударение / Stress		Ударение на предпоследнем слоге / Penultimate stress	Ударение зависит от качества гласных в словоформе / The stress depends on the quality of the vowels in the word form	Ударение на предпоследнем слоге, но есть исключения / Penultimate stress with exceptions

Примечание: полужирным шрифтом выделены совпадающие фонемы в северо-западном наречии, в луговом и горномарийском.

Note: Matching phonemes in the Northwestern dialect, in Meadow and Hill Mari are highlighted in bold.

Источник: составлено по [4; 5].

Source: Compiled by [4; 5].

Можно увидеть, что по признакам, которые Г. Берецки выделяет как диалектно-дифференцирующие, северо-западные диалекты, бесспорно, более близки к горномарийскому.

Далее мы проанализировали по диалектно-дифференцирующим признакам книги на северо-западном диалекте, созданные в XVIII–XIX вв.:

1) «Краткой черемиской словарь с российским переводом», созданный Василием Крекниным и Иоанном Платуновым в 1785 г., опубликованный с комментариями в монографии [18];

2) рукопись марийского Евангелия от Матфея, подготовленную священником Вятской епархии С. Бобровским в 1821 г., представляющую собой наиболее ранний перевод текста на яранский диалект северо-западного наречия.

Мы их сравнили не с современным горным и луговым марийским, а с первыми текстами, написанными на этих языках: 1) с «Грамматикой черемисского языка», изданной в 1837 г., подготовленной бывшим протоиереем Андреем Альбинским из с. Пертнуры Козьмодемьянского уезда, которая является наиболее известной книгой начала XIX в. на горномарийском языке. В настоящее время из ее слов и фраз создан онлайн-словарь, который доступен на платформе ЛингвоДок, в нем приведены параллели из современного горномарийского языка⁵; 2) и с текстом «Начатки христианского учения...», изданным в Казани в 1841 г., который в настоящее время введен в Элан и отгlossирован М. А. Ключевой⁶.

Результаты сравнения этих книг представлены в таблице 2.

⁵ Lingvodoc: языковая платформа [Электронный ресурс]. URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/6514/5/perspective/6514/6/view> (дата обращения: 09.07.2024).

⁶ Lingvodoc: языковая платформа [Электронный ресурс]. URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/418/3/perspective/418/4/view> (дата обращения: 09.07.2024).

Таблица 2. Отличия северо-западного, лугового, горного мари́йского в конце XVIII – начале XIX в.
Table 2. Phonetic differences between Meadow, Hill and Northwestern Mari in the late 18th to early 19th century

	Прамари́йский язык / Proto Mari	Северо-западное наречие (Словарь Крекнина и Платунова, 1785) / North West Mari (Dictionary by Kreknin, Platunov, 1785)	Северо-западное наречие (Евангелие, 1821) / North West Mari (New Testament, 1821)	Горномари́йский язык (по грамматике А. Альбинского, 1837) / Hill Mari (According to the Grammar by A. Albinsky, 1837)	Луговомари́йский язык (по «Начатки...», 1841) / Meadow Mari (according to “The Beginning...”, 1841)
Гласные первого слога / First syllable's vowel	*o	o	a	a	o
	*e	e	e	ä	e
	*č	ц/ч	ц/ч	ц	ч
	*ńč, *ńž, *nž	нз/нж	нз	нз	нъж/нџж/нџз
	*j	0	0	?	0
Ударение / Stress		?	Ударение парадигматическое / Paradigmatic stress	Ударение парадигматическое / Paradigmatic stress	Ударение зависит от качества гласных в словоформе / The stress depends on the quality of the vowels in the word form
Аффикс мн. числа / Plural affix		-шамыць	-шамець	-вля	-шамычь

Источник: здесь и далее в статье все таблицы составлены автором.

Source: Hereinafter in this article all the tables were drawn up by the author.

Из таблицы видно, что Словарь Крекнина, Платунова практически полностью совпадал с луговомари́йской книгой «Начатки христианского учения...», созданной в начале XIX в., и лишь в одной диагностической позиции – рефлексе ПМар. *č – наблюдалась дублетная рефлексация, которая частично сближала его с горномари́йской грамматикой А. Альбинского. Через 36 лет в Евангелии, переведенном священником С. Бобровским, уже в трех позициях (рефлексе ПМар. *o, ПМар. *ńč, *ńž, *nž, ударение) наблюдалась рефлексация, характерная для горномари́йской грамматики А. Альбинского. В одном случае сохранялись дублеты (ПМар. *č), и лишь в двух позициях (ПМар. *e, аффиксе множественного числа, который этимологически соответствует аффиксу в тексте «Начатки...») сохранялся луговой рефлекс.

Так, с точки зрения диалекто-дифференцирующих признаков северо-западный диалект стал ближе к горномари́йскому на рубеже XVIII–XIX вв. Однако принято считать, что степень близости должна оцениваться не только с точки зрения фонетических изоглосс, но, главное, с точки зрения глоттохронологии.

Далее мы приведем результаты глоттохронологического анализа двух источников по северо-западному диалекту (словника XX в., собранного по монографии [5]; конкорданса текста Евангелия, переведенного на вятский говор священником С. Бобровским в 1821 г.), сравнив их между собой, литературным мари́йским и горным мари́йским языками, стословные списки которых собраны от носителей языка по анкете [20]. Список родственных слов представлен в таблице 3⁷.

⁷ По принципу, предложенному С. А. Старостиным, заимствования при анализе стословных списков не рассматриваются.

Таблица 3. Список родственных слов базисной лексики, составленный на основе четырех марийских источников

Table 3. A list of cognate on basic vocabulary based on 4 Mari sources

1. Фрагмент словаря марийского литературного языка ⁸ / Fragment of the Mari Literary Language Dictionary	2. Стословный список горномарийского языка ⁹ / Hundred word list of Hill Mari language	3. Стословный список северо-западного диалекта марийского языка ¹⁰ / Hundred word list of North West Mari language	4. Конкорданс Евангелия от Матвея, переведенный со славянского на черемисский язык (вятский) священником С. Бобровским, 1821 г. ¹¹ / Concordance of the Gospels of Matthew, translated from Slavic into the Cheremisian language (Vyatka) by priest S. Bobrovsky, 1821
белый <i>ошо</i>	белый <i>ош</i>	белый <i>ошо</i>	белый <i>ошо</i>
большой <i>кугу</i>	большой <i>кого</i>	большой <i>кугу</i>	большой <i>кугу</i>
видеть <i>ужаши</i>	видеть <i>ужаши</i>	видеть <i>ужаши</i>	видеть <i>уж-</i>
вода <i>вуд</i>	вода <i>вбид</i>	вода <i>вбит</i>	вода <i>пют</i>
вошь <i>тий</i>	вошь <i>ти</i>	вошь <i>ти</i>	
все <i>чыла</i>	все <i>циля</i>	все <i>циля</i>	все <i>чыля</i>
глаз <i>шинча</i>	глаз <i>сбнзй</i>	глаз <i>шбнцй</i>	глаз <i>шинза</i>
голова <i>вуй</i>	голова <i>вуй</i>	голова <i>вуй</i>	голова <i>вуй</i>
гора <i>курык</i>	гора <i>кырык</i>	гора <i>кырык</i>	гора <i>курук</i>
гореть <i>йулаш</i>	гореть <i>йылаш</i>		гореть <i>юл-</i>
грудь <i>он</i>	грудь <i>он</i>	грудь <i>он</i>	
дать <i>пуаши</i>	дать <i>пуаши</i>		дать <i>пу-</i>
два <i>кок</i>	два <i>кок</i>	два <i>кок</i>	два <i>кокъ</i>
дерево <i>пу</i>	дерево <i>пушангы</i>	дерево <i>пу</i>	дерево <i>пу</i>
дождь <i>йур</i>	дождь <i>юр</i>	дождь <i>йуран</i>	дождь <i>юръ</i>
дорога, тропа <i>корны</i>	дорога, тропа <i>корны</i>	дорога, тропа <i>корно</i>	дорога, тропа <i>корна</i>
дым <i>шики</i>	дым <i>шыки</i>		
есть (кушать) <i>кочкаши</i>	есть (кушать) <i>кочкаши</i>	есть (кушать) <i>кацкаши</i>	есть (кушать) <i>качк-</i>
женщина <i>удырамаши</i>	женщина <i>бидбрамши</i>	женщина <i>удрамши</i>	женщина <i>удурьмашъ</i>
живот <i>мушкыр</i>	живот <i>мбшкыр</i>	живот <i>мушкыр</i>	живот <i>мушкур</i>
жир <i>коя</i>		жир <i>кайа</i>	
звезда <i>шудыр</i>	звезда <i>шбдыр</i>	звезда <i>шудыр</i>	звезда <i>шудуръ</i>
зелёный <i>ужарге</i>	зелёный <i>ыжаргы</i>	зелёный <i>ыжаргы</i>	
земля <i>мландым</i>	земля <i>мланды</i>	земля <i>мбланды</i>	земля <i>милянда</i>
знать <i>палаши</i>	знать <i>палаши</i>	знать <i>палаши</i>	
знать <i>шинчаш</i>			знать <i>шинзашъ</i>
зуб <i>пуй</i>	зуб <i>пуй</i>	зуб <i>пуй</i>	зуб <i>пю, пю</i>
имя <i>лум</i>	имя <i>лым</i>	имя <i>лум</i>	имя <i>люмъ</i>
камень <i>кю</i>	камень <i>кю</i>	камень <i>кю</i>	камень <i>кю</i>
кожа <i>кова</i>	кожа <i>каваиты</i>		
колени <i>пулвуй</i>	колени <i>пылвуй</i>	колени <i>пулвуй</i>	колени <i>пулвуй</i>
кора <i>шум</i>		кора <i>шум</i>	
корень <i>важ</i>	корень <i>важ</i>	корень <i>важ</i>	корень <i>важъ</i>
кость <i>лу</i>	кость <i>лу</i>	кость <i>лу</i>	кость <i>лу</i>
красный <i>йошкарге</i>	красный <i>яшар</i>	красный <i>йакшаргы</i>	красный <i>якиарга</i>
кровь <i>вур</i>	кровь <i>быр</i>	кровь <i>быр</i>	кровь <i>пюр</i>
круглый <i>йыргешке</i>	круглый <i>йыргешка</i>		

⁸ Материал доступен онлайн <http://lingvodoc.ru/dictionary/6487/1/perspective/6487/2/view>.⁹ Материал доступен онлайн <http://lingvodoc.ru/dictionary/7179/1/perspective/7179/2/view>.¹⁰ Материал доступен онлайн <http://lingvodoc.ru/dictionary/7183/1/perspective/7183/2/view>.¹¹ Материал доступен онлайн <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3527/5/perspective/3527/6/view>.

кто <i>кõ</i>	кто <i>кү</i>	кто <i>кү</i>	кто <i>кю</i>
кусать <i>пураш</i>	кусать <i>пырылаш</i>		кусать <i>пурлашъ</i>
лежать <i>киеш</i>	лежать <i>киайш</i>	лежать <i>кийайш</i>	лежать <i>кe-, кi-</i>
летать <i>чонгештылаш</i>	летать <i>чонгештайш</i>	летать <i>чонгештайш</i>	
лист <i>лышташ</i>	лист <i>блйшитайш</i>	лист <i>блйшитайш</i>	лист <i>лишташ</i>
луна <i>тылзе</i>	луна <i>тылзэ</i>	луна <i>тылызы</i>	луна <i>тыльза</i>
маленький <i>изи</i>	маленький <i>изи</i>	маленький <i>изи</i>	маленький <i>изи</i>
много <i>шучо</i>	много <i>шучы</i>	много <i>шучу</i>	много <i>шучу'</i>
мужчина <i>пõррeн</i>	мужчина <i>пүэргбй</i>	мужчина <i>пõррeн</i>	
мы <i>ме</i>	мы <i>мã</i>	мы <i>ме</i>	мы <i>мe, ме</i>
не <i>огыл</i>	не <i>агыл</i>	не <i>агыл</i>	не <i>õголъ</i> не <i>ãголъ, áголъ, áгалъ</i>
новый <i>у</i>	новый <i>у</i>	новый <i>у</i>	новый <i>у</i>
нога (стопа) <i>йол</i>	нога (стопа) <i>ял</i>	нога (стопа) <i>йал</i>	нога (стопа) <i>ял</i>
ноготь <i>күч</i>	ноготь <i>кбйч</i>	ноготь <i>күц</i>	
нос <i>нер</i>	нос <i>нер</i>	нос <i>нер</i>	
ночь <i>йүдышкõ</i>	ночь <i>йыд</i>	ночь <i>йыт</i>	ночь <i>юдъ, јютъ</i>
облако <i>пыл</i>	облако <i>пыл</i>	облако <i>пыл</i>	облако <i>пиль</i>
огонь <i>тул</i>	огонь <i>тыл</i>	огонь <i>тыл</i>	огонь <i>тулъ</i>
один <i>икте</i>	один <i>ик</i>	один <i>ик</i>	один <i>иктытъ, икъ</i>
перо <i>пыстыл</i>		перо <i>пиштили</i>	
песок <i>ошма</i>	песок <i>ошма</i>	песок <i>ошма</i>	
печень <i>мокиш</i>	печень <i>мокиш</i>	печень <i>мокиш</i>	
пить <i>йүаш</i>	пить <i>йүаш</i>	пить <i>йүаш</i>	пить <i>юашъ</i>
полный <i>тич</i>		полный <i>тиц</i>	полный <i>тицъ, тисъ</i>
приходить <i>толаш</i>	приходить <i>толаш</i>	приходить <i>толаш</i>	приходить <i>толeшъ</i>
рог <i>шур</i>	рог <i>шур</i>	рог <i>шур</i>	
рот <i>умиша</i>	рот <i>ымиша</i>	рот <i>ымиша</i>	рот <i>умишã</i>
рука (кисть) <i>кид</i>	рука (кисть) <i>кид</i>	рука (кисть) <i>кид</i>	рука (кисть) <i>кид</i>
рыба <i>кол</i>	рыба <i>кол</i>		рыба <i>коль</i>
сердце <i>шүм</i>	сердце <i>шүм</i>	сердце <i>шүм</i>	сердце <i>шум</i>
сидеть <i>шинчаш</i>	сидеть <i>шынзайш</i>	сидеть <i>шынцайш</i>	сидеть <i>шинз-</i>
сказать <i>каласаш</i>	сказать <i>келесайш</i>	сказать <i>келесайш</i>	сказать <i>келесeшъ</i>
слышать <i>колаш</i>	слышать <i>колаш</i>	слышать <i>колаш</i>	слышать <i>колeшъ</i>
собака <i>пий</i>	собака <i>пи</i>	собака <i>пи</i>	собака <i>пи</i>
солнце <i>кече</i>	солнце <i>кечбй</i>	солнце <i>кецбй</i>	солнце <i>кeчe, кeчe'</i>
спать <i>малаш</i>	спать <i>амалаш</i>	спать <i>амалаш</i>	спать <i>амал-</i>
стоять <i>шогаш</i>	стоять <i>шалгаш</i>	стоять <i>шалгаш</i>	стоять <i>шалг-</i>
сухой <i>кукишо</i>	сухой <i>кукишы</i>		сухой <i>күкишу, кукишу'</i>
этот, это <i>тиде</i>	этот, это <i>ти</i>	этот, это <i>те</i>	этот, это <i>теде, тэде, те</i>
этот, это <i>тудо, ту, ты</i>	тот, то <i>тбй</i>	тот, то <i>тү</i>	тот, то <i>түду, тү</i>
ты <i>тый</i>	ты <i>тбйн'</i>	ты <i>тбйн'</i>	ты <i>тынь</i>
умирать <i>колаш</i>	умирать <i>колаш</i>	умирать <i>колаш</i>	умирать <i>кол-ашъ</i>
ухо <i>пылыш</i>	ухо <i>пылбйш</i>	ухо <i>пылбйкш</i>	ухо <i>пылйкшъ</i>
хвост <i>поч</i>		хвост <i>пац</i>	
холодный <i>йүштõ</i>	холодный <i>ушты</i>	холодный <i>йүкбйштõ</i>	холодный <i>юкшита, укшита</i>
хороший <i>сайрак, сай</i>		хороший <i>сай</i>	хороший <i>спай</i>
человек <i>ен</i>		человек <i>йенг</i>	человек <i>генъ</i>
что <i>мо</i>	что <i>ма</i>	что <i>ма</i>	что <i>ма</i>
чёрный <i>шем(е)</i>	чёрный <i>шимбй</i>	чёрный <i>шимбй</i>	чёрный <i>шими, шимe</i>
я <i>мый</i>	я <i>мбйн'</i>	я <i>мбйн'</i>	я <i>минъ, ме</i>
язык (орган) <i>йылмы</i>	язык (орган) <i>йылмбй</i>		язык (орган) <i>ильме, ильми, ильме</i>
яйцо <i>муно</i>	яйцо <i>мыны</i>	яйцо <i>мыны</i>	
	семя <i>нүшмбй</i>	семя <i>нүшмõ</i>	
	тёплый <i>ливбй</i>	тёплый <i>ливбй</i>	

Особые слова были зафиксированы для словника XX в., собранного по монографии [5]: *цици* ‘мясо’, *цӓмӓрӓ* ‘круглый’, *суран* ‘кожа’, *кыццӓк* ‘дым’, *пӓт’ӓ* ‘жёлтый’. Для горномарийского языка: *каргыж* ‘кора’, *шел* ‘жир’, *пын* ‘перо’, *тӓрӓс* ‘полный’, *пай* ‘мясо’. Для лу-

гового марийского языка: *манаш* ‘сказать’, *саде* ‘тот, то’, *шыл* ‘мясо’, *шокшо* ‘тёплый’.

Заключение

В результате анализа были получены следующие данные (таблица 4).

Таблица 4. Близость 4 марийских идиомов в процентах родственных слов в базисной лексике
Table 4. The proximity of 4 Mari idioms in the percentage of cognates in the basic vocabulary

	1. Фрагмент словаря марийского литературного языка / A Fragment of the Mari Literary Language Dictionary	2. Стословный список горномарийского языка / A Hundred-word list of Hill Mari language	3. Стословный список северо-западного диалекта марийского языка ¹² / A Hundred-word list of North West Mari language	4. Конкорданс Евангелия от Матвея / A Concordance of the Gospels of Matthew
1	n/a	0,86 (93 %)	0,80 (93 %)	0,54 (97 %)
2	0,86 (93 %)	n/a	1,05 (90 %)	0,79 (94 %)
3	0,80 (93 %)	1,05 (90 %)	n/a	0,56 (96 %)
4	0,54 (97 %)	0,79 (94 %)	0,56 (96 %)	n/a

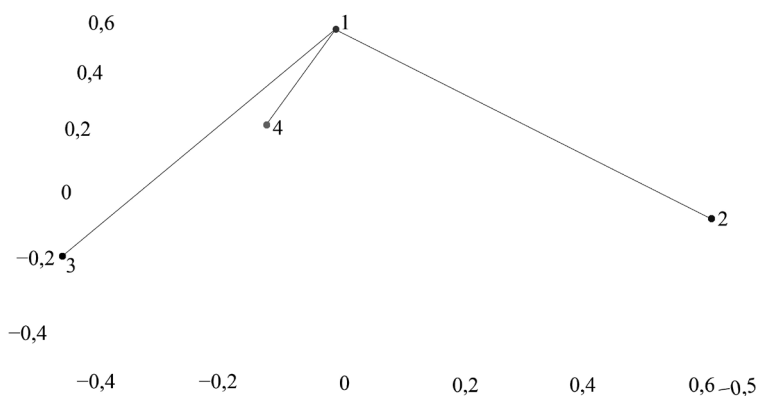
Согласно таблице 4 наибольшая близость у первой известной нам книги на северо-западном диалекте с луговым марийским – 97 %, а с горным – 94 %.

У словника, собранного в XX в., наблюдается значительно меньшая близость и с

луговым (93 %), и с горным (90 %) языками, но сохраняется то же соотношение: лексически северо-западный диалект и в XIX в., и в XX в. был ближе к луговому марийскому.

Результаты этих подсчетов в ЛингвоДоке отображены на графике.

Минимальное связующее дерево (выстраивание относительного расстояния в 3d) / Minimum spanning tree (3d relative distance embedding)

1. Фрагмент словаря марийского литературного языка / Fragment of the Mari Literary language dictionary.
2. Стословный список горномарийского языка / Hunderd word list of Hill Mary language.
3. Стословный список северо-западного диалекта марийского языка / Hunderd word list of North West Mari language.
4. Конкорданс Евангелия от Матвея / Concordance of the Gospels of Matthew

Источник: составлено автором.
Source: Compiled by the author.

¹² Материал доступен онлайн <https://lingvodoc.ru/dictionary/7183/1/perspective/7183/2/view>.

Эти подсчеты подтверждают результаты, полученные нами при анализе памятников по диалекто-дифференцирующим чертам, согласно результатам в начале XXI в. северо-западное

наречие было диалектом лугового марийского языка, а в XIX и XX вв. оно постепенно приобретало различия как на фонетическом, так и на лексическом уровнях [16].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Диалекты марийского языка // Энциклопедия Республики Марий Эл / отв. ред. Н. И. Сараева. Йошкар-Ола, 2009. С. 337–338. URL: <https://djvu.online/file/jMnCeiv1VLwjt> (дата обращения: 09.07.2024).
2. Beke Ö. Tscheremissische Märchen, Sagen und Erzählungen: gesammelt und herausgegeben von Ödön Beke, SUST LXXVI. Helsinki, 1938. URL: <https://archive.org/details/tscheremissischemarchen/page/n7/mode/2up> (дата обращения: 09.07.2024).
3. Beke Ö. Mari nyelvjárásai szótár (Tscheremissisches Wörterbuch).
4. Berezki G. Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte : Universitas Szegediensis de Attila József Nominata, 1992.
5. Иванов И. Г., Тужаров Г. М. Северо-западное наречие марийского языка. Диалекты марийского языка. Йошкар-Ола : Марийское книжное изд-во, 1970. Вып. 1. 216 с. URL: <https://clck.ru/3VmAfZ> (дата обращения: 09.07.2024).
6. Васильев В. М., Саваткова А. А., Учаев З. В. Марийско-русский словарь. Йошкар-Ола : Марийское книжное изд-во, 1991.
7. Юзыкайн Э. Некоторые аспекты информационной среды марийцев : дис. ... магистра истории культуры. Таллин, 2000. URL: <https://www.suri.ee/r/mari/erik/infstr3112.html> (дата обращения: 09.07.2024).
8. Безенова М. П., Норманская Ю. В. Классификация диалектов удмуртского языка на основе анализа с помощью цифровых методов современных данных и книг XIX – начала XX в. // Кириллические памятники на уральских и алтайских языках. Т. 1. Графико-фонетические особенности книг XIX в. М., 2022. С. 112–129.
9. Норманская Ю. В., Бакула В. Б. Евангелие от Матфея на саамском языке как доказательство точности прасаамской реконструкции Й. Лехтиранта // Кириллические памятники на уральских и алтайских языках. Т. 1. Графико-фонетические особенности книг XIX в. М., 2022. С. 14–31.
10. Норманская Ю. В. Как может за сто лет поменяться классификация языков? // Кириллические памятники на уральских и алтайских языках. Т. 1. Графико-фонетические особенности книг XIX в. М., 2022. С. 103–111.
11. Норманская Ю. В. Учебник васюганского хантыйского языка, созданный св. Макарием (Невским) в 1887 г., как источник сведений о прахантыйской системе гласных фонем // Кириллические памятники на уральских и алтайских языках. Т. 1. Графико-фонетические особенности книг XIX в. М., 2022. С. 215–227.
12. Норманская Ю. В. Как изменилось селькупское ударение за сто лет? // Кириллические памятники на уральских и алтайских языках. Т. 1. Графико-фонетические особенности книг XIX в. М., 2022. С. 276–285.
13. Норманская Ю. В. Кто стоял у истоков создания крымско-тагарского литературного языка? // Кириллические памятники на уральских и алтайских языках. Т. 1. Графико-фонетические особенности книг XIX в. М., 2022. С. 520–527.
14. Норманская Ю. В. Уточнение степени близости кыпчакских языков между собой в сравнении с финно-угорскими на основе анализа словарей XVIII в. // Oriental Studies. 2023. Т. 16, № 2. С. 417–427. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-66-2-417-427>
15. Бурлак С. А., Старостин С. А. Сравнительно-историческое языковедение : учебник для студ. высш. учеб. заведений. М. : Издательский центр «Академия», 2005. 432 с. URL: <https://clck.ru/3CtEnL> (дата обращения: 09.07.2024).
16. Норманская Ю. В. Первый черемисский словарь – архаический текст или конкорданс слов из нескольких марийских диалектов? (О. А. Сергеев, Василий Крекнин, Иоанн Платунов «Краткой черемиской словарь с российским переводом»: лингвистический анализ (с приложением словаря). Йошкар-Ола, 2020, 348 с.) // Урало-алтайские исследования. 2021. № 3 (42). С. 83–90. URL: [https://ural-altai.ru/userfiles/files/publications/Uralaltai-42%20\(2\)-91-100.pdf](https://ural-altai.ru/userfiles/files/publications/Uralaltai-42%20(2)-91-100.pdf) (дата обращения: 09.07.2024).
17. Норманская Ю. В. Северо-западное наречие – это горный или луговомарийский язык? // Linguistica Uralica (в печати).
18. Сергеев О. А. Василий Крекнин, Иоанн Платунов «Краткой черемиской словарь с российским переводом»: лингвистический анализ (с приложением словаря). Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2020. 348 с.

19. Сергеев О. А. Передача специфических звуков марийского языка в памятниках марийской письменности конца XVII–XVIII вв. // *Linguistica Uralica*. 2022. № 4 (58). С. 275–286. <https://doi.org/10.3176/lu.2022.4.02>
20. The Swadesh Wordlist. An Attempt at Semantic Specification / A. Kassian [et al.] // *Journal of Language Relationship*. 2010. Vol. 4. P. 46–89. URL: [https://www.jolr.ru/files/\(50\)jlr2010-4\(46-89\).pdf](https://www.jolr.ru/files/(50)jlr2010-4(46-89).pdf) (дата обращения: 09.07.2024).

Поступила 09.07.2024; одобрена после рецензирования 08.08.2024; принята к публикации 14.08.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ю. В. Норманская – доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующий лабораторией «Лингвистические платформы» Института системного программирования им. В. П. Иванникова Российской академии наук (109004, Российская Федерация, г. Москва, ул. Александра Солженицына, д. 25), ведущий научный сотрудник отдела Урало-алтайских языков Института языкознания Российской академии наук (125009, Российская Федерация, г. Москва, Большой Кисловский переулок, д. 1, стр. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2769-9187>, julianor@mail.ru

Assessment of the Classification of the Northwestern Dialect of the Mari Language from the Perspective of Glottochronology

Julia V. Normanskaja

*Ivannikov Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences,
Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Introduction. The classification of the Northwest dialect of the Mari language is currently not entirely clear. According to the Encyclopedia of the Mari El Republic, the “Northwest Mari language exhibits some features of both Hill Mari and Meadow-Eastern Mari languages.” However, G. Bereczki believed that the Northwest dialect belongs to the Hill Mari language. The aim of the study is to analyze the linguistic similarity assessment of the language of the first Gospel created by Priest S. Bobrovsky (1821) and the dialect of the 20th century according to the data of I. G. Ivanov and G. M. Tuzharov, in relation to the Hill and Meadow Mari languages from the perspective of glottochronology.

Materials and Methods. To assess the proximity of the Northwestern Mari dialect of the 18th–19th centuries to the Meadow and Hill Mari dialects, phonetic isoglosses and glottochronology were analysed. For this purpose, a glossed corpus of the first Gospel was uploaded on LingvoDoc, from which a concordance was created. Proprietary LingvoDoc programs were applied to it for comparative-historical analysis.

Result and Discussion. As a result, it was found that in the 19th century, the first Northwest Mari Gospel showed a lexical similarity of 97% with Meadow Mari and 94% with Hill Mari. In the dictionary compiled in the 20th century, there was already significantly less similarity with both Meadow and Hill languages, but the same pattern persisted: lexically, the Northwest dialect in the 19th century and in the 20th century was closer to Meadow Mari. Kreknin’s and Platunov’s 18th-century dictionary practically matched the Meadow Mari book “Beginnings of Christian Doctrine...” created in the early 19th century, with only one diagnostic position showing double reflection. In the Gospel translated by Priest S. Bobrovsky, three positions already showed reflection typical of the Hill Mari grammar by A. Albinsky.

Conclusion. Therefore, it becomes clear that initially in the 18th century, Northwestern Mari differed little from the Meadow Mari language, while by the 19th century, it had become much closer to the Hill Mari dialect. The materials of the article may be useful for specialists in the Mari and Finno-Ugric languages.

Keywords: mari dialects, Northwestern dialect, glottochronology, phonetics, classification of dialects

Funding: The work was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant No. 20-18-00403 “Digital description of Uralic language dialects based on big data analysis”.

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Normanskaja J.V. Assessment of the Classification of the Northwestern Dialect of the Mari Language from the Perspective of Glottochronology. *Finno-Ugric World*. 2024;16(3):272–283. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.03.272-283>

REFERENCES

- [Dialects of the Mari Language]. In: N.I. Saraeva (ed.). Encyclopaedia of the Republic of Mari El. Yoshkar-Ola; 2009. p. 337–338. (In Russ.) Available at: <https://djvu.online/file/jMnCeIVlVlwjt> (accessed 09.07.2024).
- Beke Ö. Tscheremissische Märchen, Sagen und Erzählungen: gesammelt und herausgegeben von Ödön Beke, SUST LXXVI. Helsinki; 1938. URL: <https://archive.org/details/tscheremissischemarchen/page/n7/mode/2up> (дата обращения: 09.07.2024).
- Beke Ö. Mari nyelvjárásai szótár (Tscheremissisches Wörterbuch).
- Bereczki G. Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte. Universitas Szegediensis de Attila József Nominata, 1992. (In German)

5. Ivanov I.G., Tuzharov G.M. [The Northwestern Dialect of the Mari Language]. Issue 1. Dialects of the Mari Language. Joshkar-Ola; 1970. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3BmAfZ> (accessed 09.07.2024).
6. Vasilev V.M., Savatkova A.A., Uchaev Z.V. [Mari-Russian Dictionary]. Joshkar-Ola: The Mari Book Publishing House; 1991. (In Russ.)
7. Juzykajn Je. [Some Aspects of the Mari Information Environment: Thesis for the Degree of Master of Cultural History]. Tallinn, 2000. (In Russ.) Available at: <http://www.suri.ee/r/mari/erik/infr3112.html> (accessed 09.07.2024).
8. Bezenova M.P., Normanskaja Ju.V. [Classification of Dialects of the Udmurt Language Based on Analysis Using Digital Methods of Modern Data and Books from the 19th to the Early 20th Centuries]. In: Kirillicheskiye Pamyatniki na Uralskikh i Altayskikh Yazykayh. T. 1. Grafiko-foneticheskie Osobennosti Knig XIX v. Moscow; 2022. p. 112–129. (In Russ.)
9. Normanskaja Ju.V., Bakula V.B. [The Gospel of Matthew in the Sami Language as Proof of the Accuracy of the Proto Saam Reconstruction by J. Lekhtirant]. In: Kirillicheskiye Pamyatniki na Uralskikh i Altayskikh Yazykayh. T. 1. Grafiko-foneticheskie Osobennosti Knig XIX v. Moscow; 2022. p. 14–31. (In Russ.)
10. Normanskaja Ju.V. [How Can the Classification of Languages Change in a Hundred Years?]. In: Kirillicheskiye Pamyatniki na Uralskikh i Altayskikh Yazykayh. T. 1. Grafiko-foneticheskie Osobennosti Knig XIX v. Moscow; 2022. p. 103–111. (In Russ.)
11. Normanskaja Ju.V. [Textbook of the Vasyugan Khanty Language, Created by St. Macarius (Nevsky) in 1887, as a Source of Information about the Proto-Khanty System of Vowel Phonemes]. In: Kirillicheskiye Pamyatniki na Uralskikh i Altayskikh Yazykayh. T. 1. Grafiko-foneticheskie Osobennosti knig XIX v. Moscow; 2022. p. 215–227. (In Russ.)
12. Normanskaja Ju.V. [How has the Stress Pattern in Selkup Changed over the Past Hundred Years?]. In: Kirillicheskiye Pamyatniki na Uralskikh i Altayskikh Yazykayh. T. 1. Grafiko-foneticheskie Osobennosti Knig XIX v. Moscow; 2022. p. 276–285. (In Russ.)
13. Normanskaja Ju.V. [Who Stood at the Origins of the Creation of the Crimean Tatar Literary Language?]. In: Kirillicheskiye Pamyatniki na Uralskikh i Altayskikh Yazykayh. T. 1. Grafiko-foneticheskie Osobennosti Knig XIX v. Moscow; 2022. p. 520–527. (In Russ.)
14. Normanskaja J.V. Defining Proximity Levels between Kipchak Languages in Comparison to Finno-Ugric Ones: Analyses of Eighteenth-Century Dictionaries. *Oriental Studies*. 2023;16(2):417–427. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-66-2-417-427>
15. Burlak S.A., Starostin S.A. [Comparative Historical Linguistics: a Textbook for University Students]. Moscow: Publishing House Academia; 2005. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3CtEnL> (assessed 09.07.2024).
16. Normanskaja Ju.V. The First Mari Dictionary – an Archaic Text or Concordance of the Words from Different Mari Dialects? (O. A. Sergeev. Vasilii Kreknin, Ioann Platonov “A Short Mari Dictionary with Russian Translation”: A Linguistic Analysis (Supplied with a Dictionary). Yoshkar-Ola, 2020. 348 p.). *Ural-Altai Studies*. 2021;(3):83–90. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: [https://ural-altai.ru/userfiles/files/publications/Uralaltai-42%20\(2\)-91-100.pdf](https://ural-altai.ru/userfiles/files/publications/Uralaltai-42%20(2)-91-100.pdf) (accessed 09.07.2024).
17. Normanskaja Ju.V. Is the Northwestern Dialect a Mountain or Meadow Dialect? *Linguistica Uralica* (submitted for publishing).
18. Sergeev O.A. [“A Short Cheremisk Dictionary with a Russian Translation”: Linguistic Analysis (with a Dictionary Attachment)]. Joshkar-Ola: MarNIIJaLI; 2020. (In Russ.)
19. Sergeev O.A. Transmission of Specific Speech Sounds of Mari in Monuments of Writing from the Late 17th–18th Centuries. *Linguistica Uralica*. 2022;(4):275–286. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.3176/lu.2022.4.02>
20. Kassian A., Starostin G., Dybo A., Chernov V. The Swadesh Wordlist. An Attempt at Semantic Specification. *Journal of language Relationship*. 2010;(4):46–89. (In End.) Available at: [https://www.jolr.ru/files/\(50\)jlr2010-4\(46-89\).pdf](https://www.jolr.ru/files/(50)jlr2010-4(46-89).pdf) (accessed 09.07.2024).

Submitted 09.07.2024; revised 08.08.2024; accepted 14.08.2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ju. V. Normanskaja – Dr.Sci. (Philol.), Professor, Principal Researcher, Head of the Laboratory “Linguistic Platforms”, Ivannikov Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences (25 Alexandr Solzhenitsyn St., Moscow 109004, Russian Federation), the Leading Research Fellow, Department of Ural-Altai Languages, Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences (1-1 B. Kislovskiy per., Moscow 125009, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2769-9187>, julianor@mail.ru

Мордовский диалектологический словарь как лингвистический, этнографический и фольклорный источник

Елена Николаевна Ваганова

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Ирина Валерьевна Лаптева

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
Саранск, Россия*

Введение. Изучение лексики диалектологического словаря, которая имеет свои фонетические, грамматические и лексико-семантические особенности в зависимости от ареала распространения, считается актуальным, поскольку позволяет осознать богатство национального языка. Словарь содержит сотни местных народных слов и выражений, которые представляют собой культурно-историческую ценность, оставаясь при этом слабо изученными с точки зрения отражения в них «языка» народной культуры. В статье уделяется внимание лексическим единицам, которые являются релевантными для народного языкового сознания, делается акцент на структурной вариативности диалектной лексики, сохранности старой лексики определенных семантических полей. Цель исследования заключается в рассмотрении лексических единиц диалектологического словаря, этнолингвистической интерпретации изучаемого материала, направленной на реконструкцию соответствующего фрагмента языковой картины мира. **Материалы и методы.** Материалом для исследования послужили лексические единицы Мордовского диалектологического словаря, которые передают самые разные стороны жизни. Статья выполнена в русле этнолингвистических исследований. В работе использовались методы отбора словарного материала, выделения семантических групп, метод семантического анализа, а также описательный, сравнительный и сопоставительный методы.

Результаты и их обсуждение. Впервые осмысление региональной картины мира рассматривается на основе Мордовского диалектологического словаря. Анализ и краткой лингвокультурологической оценке подвергнута бытовая лексика: народные названия кухонной утвари и пищи, одежды, головных уборов, вышивки и украшений, игр и праздников, отдельные предметы быта, их функции в бытовой жизни крестьянина. Особенностью этой лексики является ее тесная связь с жизнью народа, указывается на территориальное распространение в быту определенных групп населения. В статье систематизируется лексика, обозначающая флору и фауну, терминологию родства и свойства, особое внимание уделяется лексемным комплексам, которые являются ярким выразительным средством фольклорных произведений.

Заключение. Словарь представлен как лексикографический способ отражения материальной и духовной культуры этноса, как способ сохранения народной речевой культуры. Дальнейшее исследование диалектных лексем, объединенных в другие тематические группы, позволит существенно расширить наше представление о материальной и духовной культуре мордовского народа.

Ключевые слова: мордовский язык, диалектологический словарь, диалекты, говоры, сбор лингвистического материала, финно-угорские народы

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ваганова Е. Н., Лаптева И. В. Мордовский диалектологический словарь как лингвистический, этнографический и фольклорный источник // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 3. С. 284–297. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.03.284-297>

Введение

Диалектологический словарь хранит память одного из самых многочисленных финно-угорских народов России, вводит нас в мир народной культуры, содержит знания о многогранных сторонах жизнедеятельности народа. Предлагаемая статья посвящена изучению самых разных тематических групп и анализу отдельных лексико-семантических единиц диалектологического словаря как национально-культурной сокровищницы знаний, из которой можно черпать сведения о культуре, быте, обычаях, традициях и нравах мордвы. Познание нашедших отражение в диалектологическом словаре значимых жизненных реалий важно как для изучения самого языка, для сохранения памяти этнической культуры мордвы, так и для будущих поколений исследователей народа. Четырехтомный словарь является одним из самых богатых словарей в мордовском языкознании. В нем представлены особенности более 100 эрзянских и около 100 мокшанских говоров.

Диалектологический словарь закрепляет в своих единицах мифологические, нравственные, религиозные, этические представления носителей языка, которые отражают опыт мордовского народа и являются результатом его познавательной деятельности. В единицах диалектологического словаря органично сопряжены разнофакторные знания о жизни народа, поэтому они могут успешно привлекаться в качестве источника для изучения материальной и духовной культуры мордвы, его исторического прошлого и связи с другими народами, поскольку содержат заимствования и другие реликтовые явления. Словарь позволяет изучить пласт лексики, который забыт, утрачен, не употребляется, но сохраняет свой след в словаре как достоверном источнике. Диалектологический словарь дает богатый материал для дальнейшего изучения темы лингвистами, этнографами, историками и т. д., помогает народу осознать собственную значимость, понять и оценить истинный размер своего наследия, приложить усилия по его сохранению. Цель исследования – рассмотрение лексических единиц диалектологического словаря, этнолингвистической интерпретации изучаемого материала.

Обзор литературы

Сбором лингвистических, историко-этнографических, историко-культурных материалов занимались исследователи XVIII в. И. Г. Георги, Г. Ф. Миллер, П. С. Паллас, Ф. И. Страленберг. Они знакомились с элементами духовной и материальной культуры представителей средневожских народов, пытались закрепить диалекты в списках слов и небольших словарях. В их трудах были найдены мордовские названия предметов домашнего обихода, частей тела и внутренних органов, термины родства и свойства, земледелия и скотоводства, охоты и рыболовства, флоры и фауны, атмосферных явлений, небесных тел, рельефа местности.

Голландский ученый Н. Витсен, находясь в составе свиты голландского посольства в Московии с 1664 по 1665 г., занимался сбором этнографического и лингвистического материала народов России. В своем двухтомном труде *Noord en oost Tartarye* (Северная и Восточная Татария), который включал описание особенностей жизни, нравов, обычаев и быта народов сибирских земель, в том числе и мордвы, а также около 300 словарных статей голландско-мордовского словаря, Н. Витсен впервые указал на родство мордвы и черемисов. В данном труде слова объединены в тематические группы и переданы в латинице, транскрипция опирается на правила голландской (немецкой) орфографии.

А. Альквист был первым финским ученым, который впервые описал язык и фольклор мордовского народа. С 1856 по 1859 г. он путешествовал по среднему течению Волги и устью Оби с целью сбора обширного материала о местных языках, жизни, занятиях, экономическом положении, промышленной деятельности марийцев, мордвы, чувашей, татар, манси и хантов. Ему принадлежит одна из первых грамматик мокша-мордовского языка, которая была опубликована им в Петербурге на немецком языке в 1861 г.

Его ученик Х. Паасонен выиграл конкурс на получение стипендии Финно-угорского общества, в рамках которой осуществлял сбор лингвистического материала мордовских диалектов для будущего словаря и опи-

сания грамматического строя мордовского языка [1, с. 32]. Х. Паасонен совершил две экспедиции к финно-угорским народам России. В 1893 г. ему присуждается ученая степень доктора, а в 1904 г. он становится профессором кафедры финно-угорских языков в Хельсинкском университете. В своих научных поездках Х. Паасонен исследовал финно-угорские языки: марийский, хантыйский, мордовские (эрзянский и мокшанский), а также тюркские языки (чувашский и татарский). Ему удалось собрать большие объемы лексических и грамматических данных. Особой ценностью пользовались текстовые коллекции, большая часть из которых была опубликована П. Равилой и др. после смерти М. А. Кастрена, российского филолога финского происхождения. Большой словарь мордовских диалектов, созданный на основе собранных материалов Х. Паасонена, был издан в 1990-е гг.

Наряду с лингвистическими материалами Х. Паасонен собирал образцы устного народного творчества мордовского народа, с особой скрупулезностью документировал духовное наследие [2, с. 17]. Особенностью его подхода было бережное отношение к произведениям устного народного творчества, поэтому они считаются достоверными образцами мордовского фольклора. Итогом его поездок в 1889–1890 гг. в эрзянские и мокшанские села стал богатый лексический и архаический фольклорный материал, который был опубликован в выпусках журнала Финно-угорского общества с переводом на немецкий язык.

Х. Паасонен, вместе с Э. Н. Сетяля, является одним из основоположников младограмматической школы в Финляндии. Его докторская диссертация по исторической фонетике мордовских языков (1893) считается классическим образцом применения методов младограмматики, как и его работы по историко-сравнительной фонологии и этимологии уральских языков. Х. Паасонен заложил основы для развития фонетической системы диалектов мордовских языков, способствовал зарождению сравнительно-исторического подхода. С его именем связано издание первой монографии по исторической фонетике, которая считается значимым явлением в финно-угорской

лингвистике. Его труд «Вклад в историю звукового строя финно-угорских и самодийских языков» является первой попыткой представления фонологической истории финно-угорских и уральских языков и в течение многих десятилетий служит первоисточником и справочником по этой теме [3].

Х. Паасонена интересовали контакты уральских языков с другими языками, он изучал тюркские заимствования в мордовских (1897) и в хантыйском (1902) языках. В своем исследовании о близости финно-угорских и индоевропейских языков он вступил в дискуссию, начатую ранее Х. Свитом и К. Б. Виклундом. Приводя значительное число своих собственных и.е.-уральских лексических параллелей, Х. Паасонен приходит к выводу, что приведенное число и характер грамматических и лексических параллелей не подтверждает гипотезу генетического родства.

Материалы, собранные с невероятным терпением и усердием Х. Паасоненом, сохраняют свое значение как бесценный источник языковых данных для исследователей. Современное состояние знаний о мордовских диалектах во многом базируется на его работах. Он считается основоположником современной историко-сравнительной фонологии уральских языков. Целый ряд публикаций посвящен деятельности Х. Паасонена и его вкладу в исследование языков, фольклора и этнографии мордовского народа [1; 4].

Причина устойчивого интереса зарубежных исследователей к изучению мордовских говоров, на наш взгляд, кроется в самих говорах, представляющих собой огромный самобытный пласт мордовских языков, в котором в полном объеме отразилась материальная и духовная культура мордовского народа за весь период его существования.

Научное изучение диалектов и говоров представлено разносторонними работами [5–8]. К анализу словарного состава, истории создания и структуре Мордовского диалектологического словаря обращались Е. Н. Ваганова, М. С. Сураева [9; 10]. Д. В. Бубрих, ученик А. А. Шахматова, указывал на значительные расхождения в эрзя-мордовском и мокша-мордовском языках и необходимость создания двух

литературных языков [11]. Д. В. Цыганкин фокусирует свое пристальное внимание на грамматических категориях имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка [12]. М. З. Левина классифицирует диалекты мокшанского языка, устанавливает типичные языковые черты [13]. Н. А. Агафонова, И. Н. Рябов высказывают мысль о необходимости создания диалектологического атласа мордовских языков как важного этапа в развитии диалектологии эрзянского и мокшанского языков [14]. По их мнению, метод лингвистической географии в дальнейшем будет способствовать изучению различных аспектов языка. С. В. Богдашкина делает краткий экскурс в историю изучения диалектных слов мокшанского языка [15]. Н. Ф. Кабаева, А. В. Дивеев рассматривают фонетические особенности говора с. Адашево, юго-восточный диалект мокшанского языка они сравнивают с другими наречиями и диалектами мокшанского языка [16]. Г. В. Рябова в ходе синхронно-описательного анализа эрзянских фитонимов – диалектных наименований флоры – выявляет изменения в семантическом значении слова [17]. Мордовские ученые работают над созданием словаря шокшанского диалекта эрзянского языка, который имеет лексические, фонетические, грамматические особенности и отличается от мордовских литературных языков [18]; над созданием полноценного национального корпуса мордовских языков [19], который в идеале будет включать электронные версии орфографических, орфоэпических словарей, словарей антонимов и синонимов, а впоследствии и диалектологического словаря и др.

Материалы и методы

Словарь рассматривается в рамках этнолингвистического подхода и является бесценным источником изучения лексического состава народных слов и выражений, которые представляют собой культурно-историческую ценность, оставаясь при этом слабо изученными с точки зрения отражения в них «языка» народной культуры. Словарные материалы позволяют вскрыть не исследованные еще пласты лексики, воссоздать облик

лексики народных говоров. Содержащаяся в словарных статьях локально окрашенная лексика, сведения этнографического, социокультурного плана имеют непреходящее значение для диалектной лексикографии, лексикологии, истории и этнографии.

В статье уделяется внимание лексическим единицам, которые являются релевантными для народного языкового сознания и обладают значительным этнографическим и культурологическим потенциалом, делается акцент на структурной вариативности диалектной лексики, сохранности старой лексики определенных семантических полей, отражающих быт, занятия, обычаи мордовского народа. Материалом для рассмотрения выбраны отдельные лексико-семантические единицы тематических групп «Кухонная/хозяйственная утварь», «Пища», «Напитки», «Одежда», «Вышивка», «Украшения», в которых содержится информация об этнических, культурных, языковых особенностях. Помимо понятий сферы материальной культуры в статье уделяется внимание терминам родства, лексике, называющей растения и животных, а также лексическим единицам, которые связаны с праздниками и народными играми. В работе использовались методы отбора, первичной обработки и систематизации исследуемого материала, выделения семантических групп и семантического анализа, а также описательный, сравнительный и сопоставительный методы.

Результаты исследования и их обсуждение

Диалектологический словарь построен на большом иллюстративном материале записей народной речи, который позволяет восстановить историю обрядов, профессионально-производственной деятельности (косьба, пахота, пчеловодство). Привлекаемые фольклорные тексты служат иллюстративным материалом к словарным статьям. «Занимаясь диалектологией, исследователь неизбежно становится и этнографом, и фольклористом, так как диалектология сама по себе есть дисциплина вспомогательная и частью она входит в языкознание, а частью в этнографию» [20, с. 15]. Диалектологический словарь является ценным источником для изучения картины мира

мордовского этноса, для моделирования системы народного мышления. «Любой диалектный словарь, заключая в себе сотни и сотни местных народных слов и выражений, представляет собой подлинную энциклопедию материальной и духовной культуры народа. Народная лексика позволяет глубже, полнее и, главное, более детально проникнуть в историю народной культуры, в происхождение отдельных слов, в описание самих реалий и предметов» [21, с. 11].

Лексика, являясь самой изменчивой частью языка, осуществляет «связь времен», в ней можно обнаружить информацию о прежней материальной и духовной культуре народа – недавней или более отдаленной. Словарь является тем источником, который хранит живую народную речь прошедших эпох, считается надежным гарантом обеспечения объективных сведений о прошлом. «Лексика – очень чувствительный показатель культуры народа, и изменение значений, утеря старых слов, создание или заимствование новых – все это зависит от истории самой культуры» [22, с. 243].

Лексический состав Мордовского диалектологического словаря Х. Паасонена очень интересен и многообразен. Словарное ядро адекватно отражает истинное состояние лексики мордовских языков конца XIX – начала XX в. В словарь не вошли многочисленные изменения, происшедшие в лексике в бурные 20–30-е гг., не оставил свой след трудный послереформенный период (1938). Словарь располагает богатыми сведениями, например, по земледелию, пастушеству, пище, напитках, кухонной утвари, одежде мордовского этноса. В словаре присутствуют имена собственные: топонимы, антропонимы, фитонимы, зоонимы, некоторые из них очень редкие, почти не известные рядовым носителям современного эрзя-и мокша-мордовских языков и непонятные без соответствующих лексикографических дефиниций.

Словарь хранит пласт лексики, связанный с хозяйственной домашней утварью: *šaka* (*šakañä*, *šakañäñä*), *šavañä*, *gužña*, *inēpenč*, *jandava*, *ploška*, *pekška*, *pař*, *čapla-ška*, *tutəl* и др. Каждая словарная единица сопровождается иллюстративным пояснением. Так, в Нижнем Катмисе Сосновоборского района

Пензенской области мокшане высказывали друг другу такое пожелание *žara šakať esa jamksta, šäña-ra šumbra* ‘сколько крупы в горшке, столько благ и здоровья тебе’, где слово *šaka* [23, с. 2083] означает горшок.

При обращении к словарной статье ключевого слова *ploška* E: Mar Bug Večk Bag – *ploška* [M: Sel] [23, с. 1703], удивляет прежде всего многофункциональность этой кухонной утвари. Как показывают условные обозначения, это была распространенная посуда в основном у эрзи в селах Большое и Малое Маресево Чамзинского р-на Мордовской АССР, Бугульминском р-не Татарской АССР, Бугусланском р-не Оренбургской обл., с. Старое Вечканово и Новое Вечканово Иса克林ского р-на, с. Багана Шенталинского р-на Куйбышевской обл., у мокши в с. Покровские Селищи Zubovo-Полянского р-на Мордовской АССР, но имеются некоторые оттенки в значениях в зависимости от места проживания: *плошка*, *плоский сосуд*; *деревянная кружечка*; *чайная чашка*. Данная лексема употребляется также в составе композитов *norov-ploška* ‘большая, деревянная пивная кружка’, *pija-ploška* ‘пивная кружка’, *řadovoj ploška* ‘передаваемая по ряду посуда для питья в большие праздники, к примеру, Пасхи, Рождества’. Это слово употребляется в сравнительных конструкциях. Так, про человека с большими глазами говорят *inē ploškat šelmenze* ‘его глаза словно плошки’.

Широкой популярностью, как известно, у мордвы из всех предметов домашнего обихода пользовался *pař*, употребляемый в быту для разных хозяйственных целей. В словаре Х. Паасонена приводятся следующие значения данного понятия: *кадка*, *кадушка*, *нудовка*, *круглый сундук* [23, с. 1550–1552]. Этот вид хозяйственной утвари выдалбливался из единого ствола толстого дерева – вековой липы. В зависимости от размера и назначения, парь имел соответствующие названия: *šapaks-pař*, *kadmo-pař*, *piřtəm-pař*, *pondo-pař*, *poza-pař*. Например, *кадка для масла oj-pař* в с. Старое Вечканове; *бочка для медового напитка puře-pař* у эрзи в Маресево, у мокши в Пензенской области – *puřä-pař*; *кадушка под квас* в с. Старое Пшенево Ковылкинского района Мордовии – *kvas-pařñe*; *лохань, ушат для полоскания белья ošks-pař* – в Белинском районе Пензенской области; *ведро*

для воды *véd-par* – в деревне Коляево Теньгушевского района Мордовии, в с. Кадом звучит как *véd-bar*.

Имелись и другие разновидности парей: кадушка для муки, теста, браги, маслобойки, соли, для обгоревших лучин и т. д. Среди них выделялся свадебный парь, который отличался от обычного своим сакральным предназначением – быть хранилищем счастья невесты. Отсюда его название *e'ato-par* 'большой липовый или осиновый сундук для одежды' – «сундук жизни». По этой причине он покрывался особыми письменами, родовыми знаками, орнаментом, своего рода письменным фольклором, имеющим смысл благопожеланий в предстоящей семейной жизни. Сундук для хранения приданого *sovato-par* покупал отец. Свита жениха привозила его в дом невесты в момент обсуждения и назначения дня свадьбы *čii putomo-čine*.

Большое место в словаре уделяется названиям предметов домашней утвари, в частности посуде для хранения пищевых продуктов, их переработки и употребления. В словаре дается характеристика предмета, отмечается, что мордва издревле изготовляла утварь в основном из дерева и глины: горшки, чашки, кувшины. Как сваренные жидкие блюда, так и каши подавали на стол в деревянной или глиняной чашке, накладывали деревянным черпаком, ели деревянными ложками. Из домашней утвари глиняный горшок под названием *pekška* М: Čemb Sel, служащий для подогревания каши и молока в Белинском районе Пензенской области и в с. Покровские Селищи Zubovo-Полянского района Мордовии, не отмечен пометой Е, а значит, не использовался в хозяйстве эрзян [23, с. 1596].

Традиционным напитком мордвы наряду с квасом, вином, брагой считается *puře* 'медовуха, медовый квас' [23, с. 1852–1853], как свидетельствует словарь, в разных мордовских селениях это слово имеет свои особенности произнесения, хотя и незначительные: *puře, puřä, puřä*. Более того, корни этого слова восходят к тюркским языкам – Түг. *bira*. «Оказывается, пишет М. Е. Евсевьев в письме к А. А. Шахматову, что почти каждая мордовская деревушка имеет свои слова и особенности

в языке, что, конечно, вполне естественно при разрозненности мордвы. Кроме того, мордовский язык немало запутан взаимным влиянием наречий эрзянского и мокшанского. В одних местностях эти наречия близко подходят друг другу, в других расходятся весьма далеко» [24, с. 99]. Конечно, звуковой облик слов в разных говорах может несколько отличаться, но генетическая общность этих слов всегда очевидна.

Вышеупомянутый медовый напиток (пуре) употреблялся в будни и праздники: *ihečii pure* 'пасхальный, медовый напиток'. Хранили его в бочках – *pure lagun*. Встречается и другое название *pure par* в Маресеве и *purä-par* в Пензенской области. Х. Пасонен и составители словаря в качестве сопроводительных помет указывают сферу бытования и использования понятия. Подавали напитки в деревянных и глиняных братинах, глиняных кувшинах, горшках, пили их из деревянных и глиняных стаканов, кружек, ковшей. Другое обозначение этого широко употребляемого домашнего напитка заимствовано из русского языка и известно как квас *kvas* Е: Mar – kvas М:Р, *kuva:s* М: Sučк [23, с. 988], уменьшительно-ласкательное – *kvaske* Е:Pičel, *kvaskä* М: Р Pš. В с. Вертелиле Старошайговского района Мордовии была распространена примета – *kvas [-] tusttnä väri kepädišt, pižam tuj* 'если пивные дрожжи поднимутся, пойдет дождь'.

В словаре рассматриваются и оттенки значения слова. Так, плохой не совсем ядреный квас после второй заливки в с. Маресеве Чамзинского района назывался *ivaška* Е: Mar VVr [23, с. 471], чуть иначе, подчеркивая ударный слог, в с. Кадом Теньгушевского района – *ivaška* Е:Kad Kal, в с. Баевка Николаевского района Ульяновской области звучит как *mäi-lks*, в других эрзянских районах – *mejlks, kajaš*, у мокши Пензенской области (без западных районов) – *səno-k*. Контекст дает полное представление о сфере бытования лексики в языковом, духовном пространстве этноса.

Интерес представляют те страницы словаря, которые связаны с терминологией мордовской одежды, обладающей яркой национальной самобытностью. Сообщается, что рубаху – один из основных элементов мор-

довского национального костюма – в будничные и праздничные дни опоясывали. Очень разнообразны по внешнему виду, расцветке, технике изготовления и назначению пояса морденок. Женская одежда носит разные названия в зависимости от того, какие на ней вышивки и когда она надевается – в праздник или будни. Праздничная одежда обозначалась словом *pokaj* [23, с. 1718]. В этой одежде, но более удлиненной по форме и обильно украшенной вышивкой, выдавали замуж. Такую торжественную туникообразную рубашку, похожую, по словам И. Н. Смирнова, на праздничные облачения византийских императоров (дивитисий), надевали по большим праздникам – Пасху, Рождество, Троицу, а также на вечерние гуляния, в воскресные дни. Словарь ценен тем, что дает названия различных вариантов рубашки, отличающейся наличием или отсутствием вышивки, длины и т. д. Носили также укороченные рубашки – *viška panar*. Это самая верхняя праздничная одежда. В словаре уделяется также внимание терминам, обозначающим способы орнаментальной одежды. Вышивка на праздничной эрзянской одежде обозначалась словом *pokaj-targavks* [Е: МКly] Večk.

Изучение статей словаря показывает терминологическое богатство названий способов вышивания, узоров, орнаментальных мотивов. Приведем лишь некоторые из них: *alge* ‘вышивка на женской праздничной рубашке’ [23, с. 34], *oža-arst* ‘нарукавная вышивка’ [23, с. 63], *avalga sorma* ‘темьянная вышивка’ [23, с. 159], *čapor-art* ‘вышивка понизу подола мордовской женской рубашки’ [23, с. 90], *karks-čamaks* ‘вышивка в женском поясном украшении’ [23, с. 205], *panar-eňžar* ‘вышивка на шве рубашки’ [23, с. 365], *gigaga* ‘вид вышивки’ [23, с. 410], *ikelga targavkst* ‘вышивки на передней стороне рубашки’ [23, с. 445], *sure-ki* ‘вышивка на рукаве женской рубашки’ [23, с. 2062], *surčeme* ‘гребневидная вышивка’ [23, с. 2062], *prême-č-sorma* ‘голубиная вышивка, вышивка внизу в женской рубашке’ [23, с. 1679], *kuz-uma-rgeč algiñeñ* ‘вышивка в виде еловой шишечки’ [23, с. 2455], *sozma tev* ‘искусное, тонкое рукоделие’ [23, с. 2078] и т. д. Уточняется тот факт, что по количеству вышитых ручных изделий

судили о трудолюбии девушки, ее готовности к семейной жизни и состоятельности. В терминологии мордовской вышивки нашли отражение зооморфные, растительные, антропоморфные мотивы. Приведенные многочисленные примеры показывают нам, что эти названия возникли у вышивальщиц как соответствующие ассоциации с явлениями окружающей природы – растениями, плодами, насекомыми, животными.

Среди видового разнообразия национальной женской одежды эрзи и мокши наиболее употребительная «руця». Данные словаря свидетельствуют о многозначности слова *ruća* [23, с. 1903]. Территориальные различия внесли свои дополнительные оттенки значения в содержательную структуру данной лексической единицы: *льняная куртка или верхняя сорочка женщины, платок, пеленка или детская простынка, платок, шаль, головной платок, третья самая верхняя рубашка невесты*. Заметим, что по числу рубаш, надеваемых мордовкой на гулянье, определялась состоятельность невесты. Зажиточные девушки имели много различных рубашек, надеваемых в определенные, строго установленные традицией дни. Немецкая интерпретация вносит дополнительные уточнения при толковании данного понятия в значении «платок». Авторы словарной статьи указывают на отсутствие строгой разницы между замужней и незамужней девушкой, тем не менее существовала традиция завязывать концы платка в узелок (пучок) для замужней женщины и наоборот расправлять свободно по спине для незамужней.

В словаре нашла отражение и терминология, связанная с головными уборами женщин, которые считались неотъемлемым компонентом народного костюма. Они служили не только важным маркером субэтнического разделения на эрзю и мокшу, но только выполняли эстетическую функцию, но и были социовозрастными маркерами – существовали девичьи и женские. К головным уборам тесно примыкают различные украшения, представляя ансамблевое единство с костюмом. Так, согласно словарю, различают височные, налобные, ушные и накосные украшения. В старину женщины и девушки носили в два пальца шириной на-

лобные повязки из ткани – *aškətf* [23, с. 75], которые украшали купленными на базаре лентами и пришитыми по центру пуговицами (рядами пуговиц). Например, *piñdəl-vañdəl šijän aškətf soñ koñasənza* ‘у нее на лобная повязка, отливающая серебром’. В с. Вертелим Старошайговского района Мордовии – *šlapaňac päškšä särs lentičkada, särs lentačkada, [štirän] aškəfta* ‘его шляпа полна до краёв девичьими головными и на лобными повязками’.

В словарной статье *suře* [23, с. 2062–2063] в разделе сложных слов встречается другое название данного понятия *pra-suře(t), pra-suře* – головной платок, налобник у девушек, состоящий из бисеринок, бусинок, металлических пластинок или птичьих перьев (селезня). Уточняется к тому же, что носили по три таких налобника одновременно: нижний – более широкий, средний – уже, а третий (с блестками, пуговицами, металлическими пластинами) – самый узкий, завязывался высоко. Платок, которым покрывают налобник невесты, у мокшанок в Пензенской области (без западных районов) называется *soldu-ručä* [23, с. 2010]. Весьма ценно то, что в словаре даются сведения о форме и манере ношения головных уборов. В письме Н. М. Могилянскому М. Е. Евсеев подчеркивает, что «костюм мордовских женщин находится в связи с говором мордвы, малейшая перемена в костюме всегда указывает и на перемену в говоре, а также и на разницу в обычаях и обрядах. <...> В мордовском женском костюме так много разных мелочей, частью связанных с разными обрядами и тем положением, которое женщина занимает в семье» [24, с. 484; 486].

В значительной мере представлена лексика, обозначающая флору и фауну; терминология родства; народные названия болезней; топонимическая лексика; этнонимы; гидронимы и т. д. Приведем примеры этой лексики:

1. Флора: *raz-čikše, raz-čišä, roman-čikšä* ‘ромашка’ [23, с. 2405]; *avaka-kilejgje* ‘берёза бородавчатая’ [23, с. 90]; *lakšt-uma-ř* ‘ежевика’; *ofto-umar, oftoma-ř* ‘плод шиповника’; *moda-umar* ‘картофель’; *šija-ma-ř, šija-ma-ř, aita-umar* ‘вишня’ [23, с. 2453–2454]; *še-j-uma-ř, šej-uma-ř* ‘клюква’ [23, с. 231]; *veřgištj* ‘жимолость’ [23,

с. 783]; *dura-k-kuja-r* ‘тыква’ [23, с. 333]; *kañšuro* ‘конопля’ [23, с. 2143]; *čičžaramo* ‘подсолнух’ [23, с. 2543]; *elde-načko* ‘конёвник’ [23, с. 364]; *čirej-łopa* ‘подорожник’ [23, с. 179]; *čapur-tikše* ‘богородская трава’ [23, с. 160]; *šije-řaň* ‘колокольчик’ [23, с. 630]; *inal-tikše, kuda-n tišä* ‘папоротник’ [23, с. 461; 2404]; *pičipalaks* ‘жгучая крапива’ [23, с. 1662; 1651]; *kañiz-čikše* ‘анис’ [23, с. 2405]; *tum-umar* ‘желудь’ [23, с. 2454]; *iñdər* ‘клещевник, жимолость’ [23, с. 461]; *pakša-puloks* ‘ковыль’ [23, с. 1508]; *gujpaňgo* ‘шампиньон’ [23, с. 1532]; *puřgiñe-palaks* ‘чертополох’; *karvo-paňgo* ‘мухомор’ [23, с. 1532]; *pekše-paňgo* ‘белый гриб’ [23, с. 1532] и др.

2. Фауна: *pakša-čirñä* ‘кузнечик’ [23, с. 180]; *pakša-čirki-ň* ‘сверчок полевой’ [23, с. 179]; *čej-guj* ‘болотная змея’ [23, с. 230]; *norov-jožni* ‘житная змея’ [23, с. 1352]; *čeř-kju* ‘волосатник’ [23, с. 240]; *pakša-guj* ‘змейка’ [23, с. 1508]; *peškš-guj* ‘медяница’ [23, с. 933]; *šeřa-präkuj* ‘уж’ [23, с. 933]; *kuja-suks* ‘дождевой червь’ [23, с. 2049]; *ved-saraz* ‘бекас, трясогузка’ [23, с. 1954]; *viř-saras* ‘куропатка, глухарка’ [23, с. 1954]; *pakša-po-va* ‘куропатка’ [23, с. 1508]; *ved-waran, ved-baran* ‘кулик’ [23, с. 117; 2587]; *tulevks* ‘поросёнок’ [23, с. 110; 1118]; *šardo-ava, šard-ava* ‘лосиха’ [23, с. 291; 2091]; *ved-gal* ‘сом’ [23, с. 110; 2587; 2387]; *ved-baca* ‘выдра речная’; *norov-zorc* ‘жаворонок’ [23, с. 110; 1353]; *keđ-čever* ‘летучая мышь’ [23, с. 110; 232]; *keđ-šovna* ‘летучая мышь’ [23, с. 2573]; *pokš pra korš* ‘филин’ [23, с. 859; 839]; *kengalks* ‘ноктед’ [23, с. 700]; *pakša-buka* ‘какое-то насекомое, божья коровка, букашка’ [23, с. 1507]; *pondo-baba* ‘паук’ [23, с. 110]; *avaka-gala* ‘гусыня’ [23, с. 90]; *pakša-keñdal* ‘ягодный клоп’ [23, с. 1507]; *pakša-čejeř* ‘полевая мышь’ [23, с. 1507] и др.

3. Терминология родства и свойства: *jukso pata* ‘средняя сестра’ [23, с. 1557]; *täiat-avat* ‘родители’ [23, с. 2397]; *paitat-sazort* ‘брат и сестра’ [23, с. 1557]; *od ava* ‘мачеха’ [23, с. 90]; *avaň pola* ‘вдова’ [23, с. 89]; *krosn ava* ‘крёстная’ [23, с. 904]; *kud-ava* ‘мать жениха’ [23, с. 921]; *šeř-a-tä* ‘отец отца, дядя отца, предок’ [23, с. 86]; *pokšta* ‘дед, отец отца, прадед’ [23, с. 1726];

avat-čejčert ‘мать с дочерью’ [23, с. 26]; *tétat-čorat* ‘отец с сыном’ [23, с. 1658]; *kijalt-pátat* ‘жены братьев’ [23, с. 2:753]; *átat-babat* ‘предки’ [23, с. 109]; *urvat-avavt* ‘сноха и свекровь’ [23, с. 1703]; *pátat-jalakst* ‘сестра с младшим братом’ [23, с. 1429]; *kuda-baba* ‘мать невестки’ [23, с. 921]; *kel-avás* ‘жена старшего брата мужа’ [23, с. 92]; *lomañ tata* ‘свёкор’ [23, с. 2397] и др.

В словаре нашли отражение как исконно мордовские слова, так и заимствованные. Длительное дисперсное проживание мордвы с русскими, татарами, чувашами повлияло на уклад жизни и семейно-общественные воззрения этноса. Некоторые заимствованные слова вошли в житейскую мудрость народа. Заимствование русской, татарской лексики осуществлялось непосредственным переносом в мордовский язык, калькированием, т. е. буквальным переводом слова по его частям. Мордовский словарь Х. Паасонена сохранил следы большого количества русских заимствований: *poltiñnik* ‘полтинник’ [23, с. 1737], *rub’la* ‘рубль’ [23, с. 1903], *pokrov* ‘покрывало’ [23, с. 1724], *saraḥ’an* ‘сарафан’ [23, с. 1952], *samovar* ‘самовар’ [23, с. 1944], *skateř* (*skateřt*, *skateř*, *skateřt*) ‘скатерть’ [23, с. 1992], *skaska* ‘сказка’ [23, с. 1992], *soka* (*soka*) ‘соха’ [23, с. 2006], *šelanka* ‘селянка’ [23, с. 2126], *soroka* ‘сорока’ – головной убор замужних женщин [23, с. 2017], *mudraj* ‘мудрый’ [23, с. 1293], *mirna* ‘мирный’ [23, с. 1266] и др.

В словаре нашёл отражение значительный пласт тюркизмов, которые передают различные стороны жизни и деятельности человека, окружающей природы: *karakš* ‘вор’ тат. [23, с. 611], *sorgā* ‘серьга’ тат., чув. [23, с. 2014], *sa’kal* ‘борода’ тат. [23, с. 1935], *sapuñ* ‘мыло’ тюрк. [23, с. 611], вероятно, из тюркских языков заимствовано слово *čeklik* ‘маленький головной убор’ [23, с. 611].

Из диалектологического словаря можно установить редкие названия народных праздников и игр, которые отсутствуют в современных лексикографических источниках и открывают удивительные страницы прошлого: *laba* ‘праздник жертвоприношения весной в Петров день’ [23, с. 1091], *baltaj-ozks* ‘праздник жертвоприношения’ [23, с. 114], *pakša-osks* ‘праздник жертвоприношения поля’ [23, с. 1508], *avañ*

poza-ozks ‘женский праздник’ [23, с. 90], *soldat-osks* ‘солдатское жертвоприношение’ [23, с. 1940]. Эти лексемы запечатлели тот отрезок времени, когда существовали еще жертвоприношения и общинные моления, языческие игрища. Именно в языковых единицах, которые являются отголосками жертвенного культа, обнаруживаются следы древнего восприятия мира, что особенно ценно при исследовании давно прошедших эпох и культуры народа.

Словарь зафиксировал и более поздние народные игры. Так, в Пензенской области среди мокши была популярна «игра яйцами» – *pućama* [23, с. 1828], в Белинском районе Пензенской области популярной была «игра в горелки» – *ojda* (*kućka-ojda*) [23, с. 1434].

Не менее интересны и широко представлены в словаре типичные для мордовского языка дилексемные комплексы, состоящие из повторяющихся элементов на уровне разных частей речи: существительных, прилагательных, глаголов или наречий. Они изобилуют в фольклорных текстах, украшают поэтическую речь, делают ее более яркой и выразительной. О. В. Юдаева, занимаясь изучением глагольных дилексемных комплексов, пишет о фольклоризированной окраске и культурно-значимом восприятии дилексем: «Они возникли в глубочайшей древности в произведениях устного народного творчества, когда поэтическая функция в качестве образующего момента глагольных дилексем превалировала над семантическими и грамматическими моментами, стояла на первом плане» [25, с. 271]. Приведем примеры некоторых из них. Существительные: *viřt-ukštirt* ‘лес’ [23, с. 637], *kšj-sal* ‘хлеб-соль’ [23, с. 907], *karť-prakstat* ‘лапти, портянки, онучи’, *kšit-šukort* ‘хлеб-лепёшки’ [23, с. 1673], *acamut-velkst* ‘постель’ [23, с. 6], *kurtšt-kartšt* ‘сучья, хворост’ [23, с. 614], *nulat-valat* ‘лохмотья, одежда, пожитки’ [23, с. 1364], *lutk-latk* ‘долы и овраги’ [23, с. 1031], *kudot-čjť* ‘дом с надворными постройками’ [23, с. 924], *muškat-grizat* ‘грыжа, кила’ [23, с. 1301], *seř-rungo* ‘тело’ [23, с. 1969]; прилагательные: *kudoñ-kardazjñ* ‘домашний’ [23, с. 562], *šurdov-šardov* ‘сучковатый, раскидистый, безобразный’ [23, с. 2199], *jožov-važov* ‘ум-

ный, ласковый, приветливый, угодный' [23, с. 539]; глаголы: *andoms-šimdems* 'угостить, вырастить, воспитать' [23, с. 43], *kištemsmorams* 'веселиться' [23, с. 785], *šimemsjarsams* 'пировать' [23, с. 2155], *ko-lemška-ladoms* 'расстроиться, разладиться' [23, с. 835], *vitemspetems* 'поправить, привести в порядок' [23, с. 2657], *karšems-kirňams* 'обуться и одеться', *muňams-kaštams* 'колдовать' [23, с. 1297], *kevkšttems-kivedems* 'расспросить' [23, с. 736], *urvakstoms-ňikstems* 'жениться'; наречие: *kudov-čiv* 'домой' [23, с. 924]. Причем один из компонентов дилексмойной конструкции может заимствоваться из русского языка: *ošt-gorot* 'город', *bazar-ačar* 'базар' [23, с. 7] или один из компонентов репрезентирует эрзянский язык, а другой компонент – мокшанский язык: *večkems-keľgems* 'любить-уважать'. В финно-угорском языкознании такие сочетания называются парными словами [26].

Заключение

Изучение классического наследия мордовского народа невозможно представить без использования Мордовского диалектологического словаря, хранящего ценную информацию об этнической жизни и культуре мордвы. Словарь окажет неоценимую помощь при сравнении целых фрагментов языковых картин мира мокши и эрзи, а также мордовского народа с другими финно-угорскими народами. Работа, предпринятая финским исследователем Х. Паасоненом по выявле-

нию языковых особенностей того или иного региона, может перерасти в установление как фольклорных региональных традиций и доминант, так и «фольклорных диалектов». Это еще раз подтверждает плодотворную мысль Н. И. Толстого о зависимости языка от территории бытования: «Диалектен не только язык, но и народная культура, и фольклор, и эти два последних явления существуют и функционируют исключительно в диалектной форме, в форме местных, узколокальных вариантов» [27, с. 13].

Лексический материал, который содержится в словаре, очень обширен. Не имея возможности изучить его подробнее, мы ограничились лишь описательным рассмотрением отдельных диалектных лексем. В настоящей статье основное внимание сосредотачивается на изучении предметно-бытовой лексики мордовских говоров по лексико-семантическим группам: бытовая емкость/сосуд, утварь, одежда, украшение и т. д. Предпринимается попытка дать им краткую лингвокультурологическую оценку. Однако представленные примеры уже дают понять, насколько богата история поволжского народа, которая полностью до сих пор не исследована. Дальнейшее исследование диалектных лексем, объединенных в другие тематические группы, позволит существенно расширить наше представление о материальной и духовной культуре мордовского народа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сааринен С. Хейкки Паасонен – выдающийся исследователь мордовских языков и культур // Финно-угорский мир. 2009. № 1 (2). С. 32–35. EDN: OZPEID
2. Хакамиэс П. Изучение мордовского фольклора в Финляндии // Вестник Мордовского университета. 1995. № 1. С. 16–20. URL: <https://clck.ru/3CThZk> (дата обращения: 06.01.2024).
3. Paasonen H. Beiträge zur finnisch-ugrisch-samojedischen Lautgeschichte // Keleti Szemle. T. XIII. Budapest, 1912/1913. URL: <https://archive.org/details/keletiszemlevol13/page/n1/mode/2up> (дата обращения: 30.07.2024).
4. Мосина Н. М. Вклад Хейкки Паасонена в развитие мордовского языкознания // Финно-угорские языки народов России в ус-

- ловиях взаимодействия с языками разных систем : материалы Междунар. симпозиума, посвященного юбилею финно-угроведов Хейки Паасонена (150 лет), Пауля Аристэ (110 лет) и Б. А. Серебrenникова (21–22 мая 2015 г., г. Саранск). Саранск : Изд-во Морд. гос. ун-та, 2016. С. 5–11. EDN: XSPVGL
5. Гребнева А. М. Диалектная лексика как объект изучения и средство обучения в курсе «Мордовская (эрзянская/мокшанская) диалектология» и на смежных с ним спецкурсах // Интеграция образования. 2006. № 1. С. 169–173. URL: <https://clck.ru/3C6dZn> (дата обращения: 06.01.2024).
 6. Ермушкин Г. И. Развитие фонетической системы диалектов эрзя-мордовского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1997. URL: <https://clck.ru/3C6dmP> (дата обращения: 06.01.2024).
 7. Мордовский этнографический сборник: в прил.: Описание села Оркина Саратовского уезда А. Н. Минха / сост. А. А. Шахматовым. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1910. 848 с. URL: <https://clck.ru/3C6eEM> (дата обращения: 06.01.2024).
 8. Кукушкина Н. Ф. Фонетика мокшанских диалектов (в лингвогеографическом аспекте) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2012. URL: <https://clck.ru/3C6ega> (дата обращения: 06.01.2024).
 9. Ваганова Е. Н. К истории создания и структуре Мордовского диалектологического словаря // Фольклор в контексте культуры : материалы Всерос. науч. конф. Махачкала, 2009. С. 115–118. EDN: VUAUHL
 10. Сураева М. С. Научные изыскания Хейки Паасонена в диалектологии мордовских языков // Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (22 февраля 2018 г., г. Казань). Уфа : Изд-во ООО «Агентство международных исследований», 2018. С. 179–180. EDN: YQOTFZ
 11. Керт Г. М. Дмитрий Владимирович Бубрих. 1890–1949: Очерк жизни и деятельности. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. 104 с.
 12. Цыганкин Д. В. Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка : учеб. пособие по диалектологии эрзян. яз. для студентов вузов. Саранск : Изд-во Морд. гос. ун-та, 1977. 104 с.
 13. Левина М. З. Из истории классификации диалектов мокшанского языка // Финно-угорский мир. 2015. № 3 (24). С. 24–35. EDN: VJUGCL
 14. Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Диалектологический атлас как результат исследований диалектов методами лингвистической географии // Финно-угорский мир. 2013. № 2 (15). С. 48–53. EDN: RCGBDZ
 15. Богдашкина С. В. Краткий обзор исследований по диалектной лексике мокшанского языка // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. № 9. С. 212–221. URL: <https://clck.ru/3C796i> (дата обращения: 06.01.2024).
 16. Кабаева Н. Ф., Дивеев А. В. Юго-восточный диалект мокшанского языка: фонетические особенности одного говора // Вестник угроведения. 2020. Т. 10, № 3. С. 453–461. EDN: LZPUQX
 17. Рябова Г. В. Лингвогеографический анализ фитонимов эрзянского говора Самарской области // Филологический аспект. 2020. № 7 (63). С. 27–33. URL: <https://clck.ru/3C79LM> (дата обращения: 06.01.2024).
 18. Диалектный словарь как источник изучения лексического своеобразия шокшанских говоров / Г. А. Натуральнова [и др.] // Казанская наука. 2021. № 7. С. 103–106. EDN: HVQFBV
 19. Лаптева И. В. Сохранение культурного наследия как проблема лингво- и этнокультурологии // Этнос, язык, культура в коммуникативном пространстве : познание и преподавание : материалы Всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участием (1–2 ноября 2023 г., г. Абакан). Абакан : Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2023. С. 10–13. EDN: HGTPCS
 20. Еремина В. И. Вступительная статья // Фольклорное наследие А. А. Шахматова / Подготовка текстов, вступ. ст. и коммент. В. И. Ереминой. СПб. : Изд-во РХГА, 2005.
 21. Герд А. С. Введение в этнолингвистику : курс лекций и хрестоматия. 2-е изд., испр. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 456 с. URL: <https://djvu.online/file/rzJpKntVyvICK> (дата обращения: 06.01.2024).
 22. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. : Изд. группа «Универс», 1993. 654 с.
 23. Paasonen H. Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1990–1996. Bd. I–IV. 2703 s.
 24. Евсеев М. Е. Избранные труды : в 5 т. Историко-этнографические исследования. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1966. Т. 5. 552.
 25. Юдаева О. В. Эволюция поэтической функции в глагольных дилексемных комплексах // Поэтика художественного текста : материалы Междунар. заочной науч. конф. Борисоглебск : Борисоглебский гос. пед. ин-т, 2008. Т. 1. С. 271–279.
 26. Шиянова А. А. История изучения парных слов в финно-угорском языкознании // Вестник угроведения. 2012. № 1 (8). С. 63–68 URL: <https://clck.ru/3C7FnQ> (дата обращения: 06.01.2024).
 27. Славянский и балканский фольклор: Этнолингвистическое изучение Полесья / редкол.: Н. И. Толстой (отв. ред.) [и др.]. М. : Индрик, 1995. 399 с.

Поступила 09.07.2024; одобрена после рецензирования 14.08.2024; принята к публикации 21.08.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Е. Н. Ваганова – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8941-846X>, waganowa@mail.ru

И. В. Лаптева – доктор философских наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом теории и истории культуры Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0444-4237>, laptevaiv@yandex.ru

Mordovan Dialectological Dictionary as a Linguistic, Ethnographic and Folklore Source

Elena N. Vaganova

*National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia*

Irina V. Lapteva

*Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia*

Introduction. The study of the vocabulary of the dialectological dictionary, which has its own phonetic, grammatical and lexical-semantic features depending on the area of distribution, is considered relevant because it allows one to understand the richness of the national language. The dictionary contains hundreds of local folk words and expressions that are of cultural and historical value, while remaining poorly studied from the point of view of reflecting the “language” of folk culture. The article pays attention to lexical units that are relevant to the national linguistic consciousness, focusing on the structural variability of dialect vocabulary and the preservation of old vocabulary of certain semantic fields. The purpose of the study is to consider the lexical units of the dialectological dictionary, the ethnolinguistic interpretation of the material being studied, aimed at reconstructing the corresponding fragment of the linguistic picture of the world.

Materials and Methods. The material for the study was the lexical units of the Mordovian dialectological dictionary, which convey the most diverse aspects of life. The article was written in line with ethnolinguistic research. The work used the method of selecting vocabulary material, the method of identifying semantic groups, the method of semantic analysis, as well as descriptive, comparative and contrastive methods.

Results and Discussion. For the first time, understanding the regional picture of the world is considered on the basis of the Mordovian dialectological dictionary. Everyday vocabulary was subjected to analysis and a brief linguocultural assessment: folk names for kitchen utensils and food, clothing, hats, embroidery and jewelry, games and holidays, individual household items, their functions in the everyday life of a peasant. A peculiar feature of this vocabulary is its close connection with the life of the people, indicating the territorial distribution in everyday life of certain groups of the population. The article systematizes the vocabulary denoting flora and fauna, terminology of kinship and properties, special attention is paid to dilexic complexes, which are a vivid means of expression in folklore works.

Conclusion. The dictionary is presented as a lexicographical way of reflecting the material and spiritual culture of an ethnic group, as a way of preserving folk speech culture.

Keywords: mordovian language, dialectological dictionary, dialects, collection of linguistic material, Finno-Ugric peoples

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Vaganova E.N., Lapteva I.V. Mordovan Dialectological Dictionary as a Linguistic, Ethnographic and Folklore Source. *Finno-Ugric World*. 2024;16(3):284–297. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.03.284-297>

REFERENCES

1. Saarinen S. Heikki Paasonen – the Outstanding Researcher of Mordovian Languages and Cultures. *Finno-Ugric World*. 2009;(1):32–35. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: OZPEID
2. Khakamies P. [Studying Mordovian Folklore in Finland]. *Vestnik Mordovskogo universiteta*. 1995;(1):16–20. (In Russ.) Available at: <https://elck.ru/3CThZk> (accessed 06.01.2024).
3. Paasonen H. Beiträge zur finnisch-ugrisch-samojedischen Lautgeschichte. Keleti Szemle T. XIII. Budapest, 1912/1913). (In German) Available at: <https://archive.org/details/keletiszemlevol13/page/n1/mode/2up>.
4. Mosina N. M. [Contribution of Heikki Paasonen to the Development of Mordovian Linguistics]. *Finno-ugorskie Jazyki Narodov Rossii v Usloviiakh Vzaimodeistviia s Jazykami Raznykh System: Materials of the International Symposium*. Saransk; 2016. p. 5–11. (In Russ.) EDN: XSPVGL
5. Grebneva A.M. [Dialect Vocabulary as the Subject of Study and the Means of Education

- in the Course “Mordovian (Erzya/Moksha) Dialectology” and in Adjoining Special Courses]. *Integration of Education*. 2006;(1):169–173. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3C6dZn> (accessed 06.01.2024).
6. Yermushkin G.I. [Development of the Phonetic System of the Erzya-Mordovian Dialects: Abstract of the Dissertation for the Degree of Doctor of Philological Sciences]. Moscow; 1997. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3C6dmP> (accessed 06.01.2024).
 7. [Mordovian Ethnographic Collection. In the Appendix: Description of the Orkino Village in the Saratov by A. N. Minkh]. A.A. Shakhmatov (comp). St. Petersburg; 1910. Saransk, 2012. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3C6eEM> (accessed 06.01.2024).
 8. Kukushkina N.F. [Phonetics of Moksha Dialects (in the Linguogeographical Aspect): Abstract of the Dissertation for the Degree of Candidate of Philological Sciences]. Saransk; 2012. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3C6ega> (accessed 06.01.2024).
 9. Vaganova E.N. [On the History of Creation and Structure of the Mordovian Dialectological Dictionary]. In: *Folklor v Kontekste Kultury: Materials of the All-Russian Scientific. Conf. Makhachkala; 2009*. p. 115–118. (In Russ.) EDN: VUAUHL
 10. Suraeva M.S. [Scientific Research by Heikki Paasonen in the Dialectology of the Mordovian Languages]. *Vzaimodeistvie Nauki i Obschestva: Problemy i Perspektivy: Materials of the International Scientific-practical Conf. Saransk; 2018*. p. 179–180. (In Russ.) EDN: YQOTFZ
 11. Kert G.M. [Dmitry Vladimirovich Bubrich. 1890–1949: An Essay on Life and Work]. Leningrad; 1975. (In Russ.)
 12. Tsygankin D.V. [Grammatical Categories of the Noun in the Dialects of the Erzya Mordvin Language]. Saransk; 1977. (In Russ.)
 13. Levina M.Z. From the History of Classifications of Moksha Dialects. *Finno-Ugric World*. 2015;(3):24–35. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: VJUGCL
 14. Agafonova N.A., Ryabov I.N. Dialectological Atlas as the Result of the Research of Erzya Dialects with the Help of Linguistic Geography Methods. *Finno-Ugric World*. 2013;(2):48–53. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: RCGBDZ
 15. Bogdashkina S.V. A Brief Overview of Studies on the Dialectal Vocabulary of Moksha Language. *Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 2013;(9):212–221. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3C796i> (accessed 06.01.2024).
 16. Kabayeva N.F., Diveyev A.V. The South-Eastern Dialect of the Moksha Language: Phonetic Features of one Subdialect. *Bulletin of Ugric Studies*. 2020;10(3):453–461. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: LZPUQX
 17. Ryabova G.V. Linguogeographic Analysis of Phytonyms of the Erzya Dialects of the Samara Region. *Filologicheskij Aspekt*. 2020;(7):27–33. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3C79LM> (accessed 06.01.2024).
 18. Naturalnova G.A., Bogdashkina S.V., Maskaeva S.N., Kabayeva T.A. Dialect Dictionary as a Source for Studying the Lexical Characteristics of Shoksha Dialects. *Kazanskaia Nauka*. 2021;(7):103–106. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: HVQFBV
 19. Lapteva I.V. [Preservation of Cultural Heritage as a Problem of Linguistic and Ethnocultural Studies]. *Etnos, Iazyk, Kultura v Kommunikativnom Prostranstve: Poznanie i Prepodavanie: Conf. Paper. Abakan; 2023*:10–13. (In Russ.) EDN: HGTPCS
 20. Yeremina V.I. [Introductory Article. Folklornoye Naslediye A. A. Shakhmatova]. St. Petersburg; 2005. (In Russ.)
 21. Gerd A.S. [Introduction to Ethnolinguistics: A Course of Lectures and a Textbook]. 2nd ed., rev. St. Petersburg; 2005. (In Russ.) Available at: <https://djvu.online/file/rzJpKNtVyvICK> (accessed 06.01.2024).
 22. Sapir E. [Selected Works on Linguistics and Cultural Studies]. Moscow; 1993. (In Russ.)
 23. Paasonen H. *Mordwinisches Wörterbuch*. Helsinki; 1990–1996. Bd. I–IV. (In German)
 24. Evseviev M.E. [Selected Works in 5 Vol. Historical and Ethnographic Studies]. Vol. 5. Saransk; 1966. (In Russ.)
 25. Yudayeva O.V. [Evolution of the Poetic Function in Verbal Dilexic Complexes]. *Poetics of Literary Text: Proceedings of the International Scientific Conf. Borisoglebsk, 2008*;1:271–279. (In Russ.)
 26. Shiyanova A.A. [Pair Words Learning History in Finno-Ugric Linguistics]. *Bulletin of Ugric Studies*. 2012;(1):63–68. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3C7FnQ> (accessed 06.01.2024).
 27. [Slavic and Balkan Folklore: Ethnolinguistic Study of Polesie]. N.I. Tolstoy (ed.), et al. Moscow; 1995. (In Russ.)

Submitted 09.07.2024; revised 14.08.2024; accepted 21.08.2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

E. N. Vaganova – Cand.Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of German Philology, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8941-846X>, waganowa@mail.ru

I. V. Lapteva – Dr.Sci. (Philos.), Associate Professor, Principal Researcher, Head of Department of Theory and History of Culture, Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0444-4237>, laptevaiv@yandex.ru

Антропонимическое пространство прозы Тамары Барговой

Светлана Васильевна Шеянова

Нина Валентиновна Казаева

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Введение. Изучение поэтической антропонимии не является активной исследовательской стратегией в финно-угроведении. Вопросы семантического потенциала имени персонажа в содержательно-смысловой структуре текста оказываются на периферии научного интереса национальных ученых. В данной статье предметом специального исследования становится антропонимикон прозы Т. Барговой. Цель исследования – определить функционально-семантические особенности антропонимов и модели имянаращения в произведениях автора.

Материалы и методы. Материалом исследования являются рассказы и повесть Т. Барговой «Паз, простымак!» («Господи, прости!»). В работе использованы традиционные методы лингвистического исследования: описательный, функционально-семантический, структурный, сравнительно-исторический, а также современные подходы к изучению литературного текста – интерпретационный, гендерный.

Результаты исследования и их обсуждение. Определены модели и принципы имянаращения, структура антропонимов в рассказах и повести Т. Барговой «Господи, прости!», описаны их функции в содержательной структуре произведений, раскрыта роль в отражении реалий современной и исторической действительности, реконструкции национальной модели мира. В произведениях автора антропонимы становятся полифункциональными компонентами, выполняют текстообразующую, эмоционально-стилистическую, оценочную, информационную, концептуальную функции, передают национальный колорит. Выбор имени и формы антропонима обусловлен хронотопом произведения, авторской аксиологической концепцией, оригинальностью творческого мировидения и спецификой женского письма.

Заключение. Сделанные авторами выводы вносят вклад в развитие поэтической ономастики в финно-угорском языкознании, могут быть полезны в процессе преподавания дисциплин филологического профиля в вузе. Перспективы дальнейшего исследования проблемы связаны с изучением функциональной семантики антропонимов в произведениях других мордовских писателей.

Ключевые слова: литературная антропонимика, антропоним, модель имянаращения, семантика имени персонажа, функция антропонима, Тамара Баргова, современная мордовская проза

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00098 «Мордовская женская литература: специфика репрезентации гендерной картины мира, национально-художественное своеобразие», <https://rscf.ru/project/24-28-00098/>.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шеянова С. В., Казаева Н. В. Антропонимическое пространство прозы Тамары Барговой // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 3. С. 298–309. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.03.298-309>

Введение

Поэтическая ономастика, изучающая функционально-семантические особенности имен собственных в художественном тексте, выделилась в самостоятельный раздел языкознания в середине XX в. В настоящее время актуально рассмотрение ономастической лексики в антропоцентрическом плане, что вызывает интерес к семантике, структуре, функциям имен собственных

со стороны литературоведов, культурологов, социологов, историков, психологов, философов и др. Активно развивающимся кластером ономастики является поэтическая антропонимика. Антропоним в художественном тексте не только взаимосвязан с другими лексическими структурами, обогащающими его семантический контекст, но и обусловлен эстетической концепцией

автора, его творческим замыслом. Одним из компонентов семантики антропонима является его коннотативная окрашенность. «Коннотативные семы раскрывают индивидуальные отличительные признаки, качества, свойства действующего лица, посредством чего антропонимы выражают эмоциональное отношение самого автора к литературному персонажу»¹. Справедливо утверждение о том, что «каждый автор при выборе имен для своих персонажей обращает особое внимание на их фонемный и морфемный состав, который может способствовать передаче дополнительных эмоционально-экспрессивных оттенков. Он ориентируется на реальный именник, общепринятую в данной культуре формулу, с помощью которой можно передать информацию о национальном, возрастном, социальном и проч. положении героя»².

Естественно, имена в художественном тексте отличаются от реальных имен, в творческом мире писателя они получают «своеобразные художественные коннотации и, как следствие, расширяют объем семантики за счет усиления прагматического компонента» [1, с. 99], уникальную социокультурную кодировку, наполняются символической знаковостью, оценочным значением. Семантический потенциал, функциональная значимость антропонима позволяют рассматривать его «текстовым конструктом смысловой стороны произведения» [1, с. 99]. В проектах разных писателей используются различные принципы, модели имяназвания, обусловленные рядом факторов – творческим замыслом, жанрово-тематическими предпочтениями текста, авторской картиной мира, ментально-национальным мироощущением.

Определенную плотность, оригинальность и вариативность антропонимической лексики мы наблюдаем в нарративной структуре прозаических текстов эрзянского прозаика Т. Барговой. Семантический и функциональный потенциал имени персонажа в ее рассказах и повестях не исследован, между тем решение этого вопроса имеет стратегическое значение – активизирует изучение языка в финно-угроведении в аспекте знаковости, прагматической значимости.

Обзор литературы

В отечественном языкознании семантические возможности и поэтические функции антропонимов рассмотрены на материале отдельных литератур³ [2], течений или тематических направлений [3; 4], конкретных произведений⁴. Особый объект исследования составляют антропонимы в структуре фольклорных текстов [5–8], нередко антропонимы рассматриваются в общей системе ономастического пространства произведения [1; 9–11]. В настоящее время актуален этнолингвистический аспект изучения поэтической антропонимики [12], направленный на определение принадлежности художественного именника к конкретному этническому пласту, его обусловленности традиционными приоритетами этноса.

В финно-угроведении крайне мало работ по проблемам поэтической антропонимии, что обуславливает актуальность предпринятого нами исследования. Небольшое количество имеющихся статей [13–17] посвящено описанию функционально-семантических, фонетических и словообразовательных особенностей антропонимов в фольклорных и литературных текстах, определению спо-

¹ Дергилева Ж. И. Художественный антропонимикон в лингвокультурологическом представлении: на материале диалогии И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок»: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2008. С. 4.

² Полякова Н. А. Топология поэтической ономастики: на материале английской литературы: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. С. 3.

³ Карданова М. А. Стилистические функции антропонимов в современной кабардинской прозе: дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2000. 264 с.

⁴ Данилова Н. В. Семантико-функциональная структура антропонимии в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон»: дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2002. 248 с.; Алиева М. М. Структурно-семантические и функциональные особенности антропонимов в художественном тексте: на материале произведений М. А. Булгакова: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2006. 170 с.; Устьянцева О. Ю. Антропонимия прозы М. А. Булгакова: на материале романов «Белая гвардия», «Театральный роман», «Мастер и Маргарита»: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002. 165 с.

совов имянаращения персонажей в конкретных произведениях, раскрытию процесса приращения смысла и вариаций литературных имен. Художественная ипостась имени как знака, эффективного инструмента конденсации разнообразных смыслов, контекстов в творчестве Т. Барговой до настоящего времени не становилась объектом специального исследования. Изложенные в работе положения и умозаключения могут послужить базой для дальнейших дискуссий и научных изысканий в финно-угроведении в рамках поэтической ономастики.

Материалы и методы

Материалом исследования явились наиболее репрезентативные в аспекте заявленной проблемы рассказы Т. Барговой из сборника «Вечкемань усият» («Берега любви»)⁵ и повесть «Паз, простямак!» («Господи, прости!») из одноименного сборника⁶. Научная оценка произведений писателя основывается на том, что антропонимическая лексика в них выступает текстообразующим компонентом, приемом стилистического оформления, концептуально значимым элементом содержательной структуры текста, посредством которого имплицитно авторское отношение к персонажу, раскрывается его психологическое состояние, нравственно-этический потенциал, обладает оценочным ресурсом, вызывает разнообразные ассоциации, формирует коннотативный фон. Относительно прозы Т. Барговой нельзя говорить о едином принципе выбора имен персонажей, в частности в историческом произведении она ассимилирует в нарратив сохранившиеся варианты имен, фамилий без изменений, в женских рассказах имянаращение обусловлено авторским мироощущением, особенностями женского менталитета. Автор не использует «говорящие», прямо характеризующие (соответствие имени характеру) имена, обращается к антонимизации вариаций одного имени.

Методологической основой при подготовке статьи стали теоретические положения литературной ономастики, в частности поэтической антропонимики. В работе ис-

пользованы традиционные методы лингвистического исследования: описательный, функционально-семантический, структурный, сравнительно-исторический, а также современные подходы к изучению художественного текста – интерпретационный, гендерный.

Результаты исследования и их обсуждение

В мордовском художественном дискурсе рубежа XX–XXI вв. заметное место занимает творчество Т. Барговой, писателя с оригинальным творческим мировидением, специфическим инструментарием воссоздания реалий исторической и современной действительности, своеобразной методикой изображения персонажа. Особой структурно-семантической единицей в ее прозе становится антропонимическая лексика, которая вобрала в себя фонетические, грамматические, орфоэпические особенности эрзянского языка. Антропонимическое пространство прозы Т. Барговой представлено разнообразными моделями имянаращения, антропонимы получают структурообразующую, эмоционально-стилистическую, аксиологическую, информационную, концептуальную нагрузку. В повести «Господи, прости!» в монтажной форме представлена история села Андреевка, описаны судьбы его жителей, большинство из которых оказались жертвами раскулачивания, репрессий 1930-х гг. Прием стяжения времен позволяет автору соединить картины прошлого и настоящего, таким образом с современных аксиологических позиций он пытается проследить последствия необдуманных политических решений, идеологических манифестаций. Стилистической особенностью повести следует считать большое количество антропонимов, которые становятся текстообразующими элементами. В структуре исторического произведения антропонимические единицы не только способствуют оформлению эмоционального фона текста, но и, как отмечают исследователи, «создают хронотоп, ориентирующий читателя во времени и пространстве, в определенной социокультурной

⁵ Баргова Т. Вечкемань усият (Берега любви). Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1997. 160 с.

⁶ Баргова Т. Паз, простямак! (Господи, прости!). Саранск, 2009. 241 с.

среде» [18, с. 335]. В повести «Господи, прости!» имена способствуют отражению реалий, атмосферы 1930-х гг., несут информационную нагрузку. Т. Баргова использует разнообразные модели имянаречения: «личное имя» (*Анашке, Аляка, Проске, Насько, Петра, Сёко, Дуня, Тихоня, Агашка, Дарё, Катирия*), «фамилия» (*Невский, Мамаев, Данилов, Солтаганов, Наумов*), «личное имя + фамилия» (*Иван Самойлов*), «личное имя + отчество» (*Ефим Иванович, Сергей Филиппович, Матвей Иванович, Виктор Николаевич*), «фамилия + личное имя + отчество» (*Подгорский Константин Романович*), «отчество» (*Филипыч, Василевна, Мироныч*), «уличная фамилия» (*Пикурунь, Гарат, Агеинкат, Яикот, Виськонь, Петрань*), «уличная фамилия + личное имя» (*Бильянь Филипка, Горинкань Бори, Панжжай Миколь, Ванюкунь Петя, Крандань Лена, Панжжай Просо, Трошункань Пашка, Поней Яшка, Сезьган Васька, Петрань Насько*). Подобная номинация призвана отразить локализацию персонажей (сельских жителей), особенности национальной картины мира, традиционный крестьянский уклад жизни, при этом создавая уникальный колорит антропонимического домена в произведениях Т. Барговой.

В структурном плане номинация лиц в повести представлена однокомпонентными (*Дарё, Аляка, Наумов, Мироныч, Гарат*), двухкомпонентными (*Горинкань Бори, Панжжай Просо, Сезьган Васька, Матвей Иванович*) и трехкомпонентными (*Подгорский Константин Романович*) моделями, среди которых доминируют одночленные и двучленные именованья.

Автор использует русские имена (как женские, так и мужские), прочно вошедшие в мордовский антропонимикон в полной/неполной форме или претерпевшие фонетические, фонетико-морфологические изменения в результате адаптации к эрзянским языковым нормам: *Насько* (< Настя < Анастасия), *Катирия* (< Катерина < Екатерина), *Сёко* < Фёкла), *Проске* (< Прасковья), *Агашка* (< Агафья), *Гришо* (< Гриша < Григорий) и др. К наиболее частым изменениям, как видим, относятся выпадение гласных и согласных звуков в начале, середине или в конце антропонима, укорочение имени, замена

звуков, вставка гласного звука в конце имени (*Микаила, Петра*). В повести наблюдаем функционирование достаточно большого количества личных имен с открытым слогом в анлауте, образованных посредством суффикса -о (*Яшко, Насько, Сёко, Гришо, Просо*), что относится к особенностям имянаречения в говорах определенных населенных пунктов. Подобная номинация в содержательном аспекте текста призвана отразить региональный и национальный колорит, знаковую специфику эрзянской речи. Нередко антропонимы образованы посредством суффиксов с открытой экспрессивной оценкой (*Агашка, Анка, Тихоня, Нинка, Манька, Анашке, Нинуля* и др.), таким образом формируя в сознании читателя разнообразные коннотативные смыслы.

Фамилией в повести «Господи, прости!» инициализируются те персонажи, которые не являются сюжетообразующими, способствуют воссозданию исторического контекста, масштабности и реалистичности повествования. К примеру, *Мамаев*, председатель Игнатовского волисполкома, который в 1930-е гг. возглавил борьбу против зажиточных крестьян, служителей церкви, упоминается единожды; рассказывающий сельчанам о дезертирах милиционер *Солтаганов* также не является активным действующим лицом, однако он способствует воссозданию атмосферы военного времени.

Отметим, что основную часть фамилий в повести составляют антропонимы с русскими суффиксами -ов (*Солтаганов, Данилов*) и -ев (*Мамаев*), реже встречаются фамилии на -ский (*Подгорский, Невский*); также выявлено несколько фамилий с мордовским суффиксом -кин (*Святкин, Калеткин*).

Инициализация «фамилия + личное имя + отчество» встречается в повести редко, что объясняется пространственным хронотопом текста, особенностью коммуникации сельских жителей. Автору важно сохранить вариант имени и таким образом реанимировать исторический контекст, передать информацию о нем современному читателю. Посредством Подгорского Константина Романовича, сельского священника, отца одиннадцати детей, которого насмерть забила разъяренная толпа крестьян, в повести реализуется информационная функция,

обрастающая эмоционально-оценочной нагрузкой – трагическая судьба священника вызывает глубокую рефлексию читателя, размышления о ценности человеческой жизни, антигуманизме политических решений эпохи: «Ютавтызь сонзэ велева, ды ки лангонь перть нарьгасть лангсонзо. Кие ертнесь кевсэ, кие вачкодиллизе каряз ланга, кие сельгенесь ёнонзо»⁷ («Провели его по селу, и все время издевались над ним. Кто кидал камни, кто ударил по пояснице, кто плюнул в его сторону» – перевод здесь и далее подстрочный наш. – *Авт.*). Немногие прихожане пожалели священника, хотя он был внимателен к нуждам людей, помогал им советом («седеймарицьяль, бажась велень народонть превс путомо»⁸). В данном случае такая формула именования отражает социальный статус лица, позволяет передать связанные с ним положительные коннотации, авторское уважительное отношение к нему.

Значительное место в антропонимиконе повести «Господи, прости!» занимают уличные фамилии или родовые имена (семейно-родовые прозвища), и в настоящее время активно используемые в мордовских селах в бытовом общении. Уличные фамилии в произведении представлены двумя формами: *Пикурунь* или *Пикурт*, *Гарань* или *Гарат*, *Яшконь* или *Яшкот*, *Агеинкань* или *Агеинкат*, где *-нь* в именах – суффикс посесивности, а *-т* – показатель множественного числа, выражающий в данном случае собирательность. Мордовский суффикс *-инка* в уличных фамилиях также имеет собирательное значение и служит для обозначения рода человека, указанного в основе.

Чаще всего источником уличных фамилий выступает имя предка, основателя рода, главы семьи или хозяина двора. Также они могут быть образованы от прозвища, данного человеку по особенностям его характера, занятиям, внешним признакам и др. Однако установить мотивационные признаки появления родового прозвища, выяснить этимологию основы имени достаточно сложно. Уличные фамилии, хранящие в себе ценную историческую, культурную и лингвистическую информацию, являются элементами,

обеспечивающими тексту «устойчивое национальное звучание, которое служит этнооберегающим целям» [9, с. 108].

Наиболее частотной в повести Т. Барговой является формула именования «уличная фамилия + имя», что обусловлено контекстом изображаемой эпохи, провинциальным хронотопом, стремлением автора передать колорит национальной жизни, специфику коммуникации между сельскими жителями. По данной формуле образуются индивидуальные прозвища, основой которых нередко выступают уличные фамилии с прибавлением к ним трансформированных личных имен (*Гарань Миши*, *Панжай Просо*, *Билянь Серё*). Упоминаемые в тексте прозвища персонажей аутентичны, уникальны, реалистичны. Генезис таких имен определить достаточно сложно. Их значение возможно раскрыть лишь в случаях с открытой семантикой антропонима (*Ванюкунь Петя*, *Петрань Насько*), в ряде случаев можно выявить их символическую наполненность. К примеру, персонаж с орнитоморфным именем *Сезьган Васька* (Сорока Васька) отличается задиристостью («набойтнестэ набой»), желанием выделиться из толпы. Он проявил себя во время разрушения местной церкви, «стремился показать себя самым ярким ее противником» («снартсь невтемс прынзо церьковань каршо весемеде покш бороцицякс»⁹) – первым полез на крышу и скинул крест. В народных представлениях сорока наделяется не только положительной коннотацией (предвещает весну, приход тепла), но и зловещей символикой, связанной с предсказанием несчастья. Характер *Сезьган Васьки* соответствует такой интерпретации символа – он несет разрушение не только материального, но и духовного начала. Т. Баргова «раскодировывает» ряд уличных фамилий. К примеру, «Билянь Филипканень», – как пишет автор, – лемесь педясь эйкакшпингестэ. Кодаяк тензэ а ёвтавиль Филипка лемезэ. Кевкстьсызь: “Кода леметь?”. “Биля”, – виздэзь мери церыньсь. Истяк кадовськак. Лиякскак толковить кудо леметь. Кезэрень шкатнестэ, зярдэ минек модатнень лангс каякшность ве эндо сы-

⁷ Баргова Т. Паз, простымак! С. 7.

⁸ Там же. С. 7.

⁹ Там же. С. 38.

цят, ульнесь сетнень ютксо раське, кинень эрзятне мерильть “билярт”. Тосто молияк, келя, кудо лемесь. Билярт улить аволь ансяк Андрейвелесэ, шабра велетневаяк»¹⁰ («Били Филипке имя прицепилось в детстве. Никак не мог выговорить свое имя Филипка. Спросят: “Как зовут?”. “Биля”, – стесняясь отвечает мальчик. Так и повелось. Но и по-другому объясняют происхождение уличной фамилии. В древние времена, когда на наши земли совершались набеги со стороны других племен, были среди них такие, кого эрзяне называли “билярами”. Оттуда и появилась уличная фамилия. Били встречаются не только в Андреевке, но и в соседних селах»). В данном случае антропоним расширяет информационный контекст произведения, привносит в текст историко-национальный колорит, позволяет отразить авторскую концепцию истории.

В рассказах Т. Барговой мы также находим интересные формулы и принципы именования персонажей, антропоним наделяется в них концептуальной, текстообразующей, аксиологической нагрузкой. По утверждению исследователей, «смена имени или параллельное существование нескольких имен свидетельствует об изменении статуса персонажа. <...> Они маркируют разные его ипостаси, разные грани личности, поскольку за каждым именем стоит определенный стиль, уклад жизни, взгляд на окружающих»¹¹. Это умозаключение подтверждается рассказом Т. Барговой «Вечкемань усият» («Острова любви»), в котором автор посредством двуименности героини реализует тему двойничества. Главная героиня – деревенская девушка Валентина (от лат. «сильная», «здоровая») со стойким, решительным, несколько самоуверенным характером. Она привыкла обходиться без поддержки родителей и супруга. «Эрва чинть, эрва теветень, сень лангс апак вано, паро эли берянь, сон ловсь эсензэ изнявксокс»¹² («Каждый день, каждое дело, несмотря на то, хорошее оно или плохое, считала своей победой»). После развода женщина решила изменить не только свою жизнь, но и имя,

которое воспринимается ею как неотъемлемый атрибут мироощущения. Став Тиной, она начинает вести потребительский образ жизни – посещает рестораны, знакомится с состоятельными мужчинами, живет за их счет, в отношениях ищет материальную выгоду. Смена имени становится первым ее шагом к душевной деградации, отречению от моральных заповедей, разрушению нравственного стержня, личностного начала. Писатель имплицитно постулирует обусловленность судьбы героини ее именем. В авторской концепции между именем и судьбой существуют мистические, необъяснимые связи, имя программирует сюжет жизни. Усечением полного имени Валентина словно сократила себе жизнь – молодая женщина разбилась в автокатастрофе с любовником. Прием двуименности героини играет важную роль в развитии сюжета произведения, его хронологической структуры, отражении авторской концепции личности, наделяется аксиологическим ресурсом.

В рассказе «Серма» («Письмо») в процессе имятворчества Т. Баргова опирается на принцип, при котором семантико-характерологические связи между именем и его носителем не устанавливаются. В данном случае интересно то, что для именования главной героини автор осознанно выбирает семантически не маркированную фамилию Салтыкова без упоминания имени. Информационная модель имени персонажа вступает в явное противоречие с ее внешностью («ростом невысокая, идет, нагибаясь вперед», «лицо какое-то темное, волосы короткие, спереди спадают на глаза, губы выцветшие», «вены на руках вздувшиеся, ногти грязные, кончики пальцев коричневые», «одета в дешевые дырявые трико с вытянутыми коленками», «на ногах кроссовки, грязные, развалившиеся»), которая более соотносилась бы с презрительно-ироничной формой имени. На наш взгляд, одночленная структура именования (фамилия без упоминания имени) призвана акцентировать внимание на судьбе и личности одинокой женщины-маргинала, пагубности ее образа жизни,

¹⁰ Баргова Т. Паз, простямак! С. 5.

¹¹ Виноградова Н. В. Имя персонажа в художественном тексте: функционально-семантическая типология : дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2001. С. 97–98.

¹² Баргова Т. Вечкемань усият. Саранск, 1997. С. 52.

асоциальности поведения. Без имени Салтыкова «обходится» всю жизнь – ни комендант общежития, в котором жила женщина, ни соседи не знали, как ее зовут. Несмотря на определенную дистанцированность, критичность автора, он все же дает надежду на духовное возрождение, нравственное очищение женщины, что символически обобщается в образе комнатных цветов, о которых она просит позаботиться в своем письме: «Валнодо монь цецятнень...»¹³ («Поливайте мои цветы...»).

По утверждению исследователей, «эмоционально-стилистическая функция имен собственных выражается, как правило, на уровне фонетики и реализуется через словообразовательную форму или с помощью разных видов несоответствий (имени и фамилии, имени и образа и т. д.)» [20, с. 142]. Такая функция антропонима реализована в рассказе Т. Барговой «Уцяска» («Счастье»), в котором имя персонажа не соответствует его внутренней сущности. Мария – библейское имя, соотносящееся с добром, чистотой, вызывающее ассоциации с непреходящими ценностями (жертвенностью, долгом, верностью). Однако главный персонаж Т. Барговой по имени Мария Филипповна вызывает отрицательные эмоции. Автор в антонимическом ракурсе сопоставляет вариант имени с уважительной коннотацией Мария Филипповна и разговорную, уничижительную форму Манька, при этом имятворческая модель «имя + отчество» становится сатирическим средством оценки нравственно-этического потенциала персонажа. Читатель узнает, что в родной деревне Марию все звали Манькой, однако она решила, что это имя ей не подходит и настояла на том, чтобы окружающие обращались к ней по имени и отчеству: «Чачома велесэ тензэ мерильть Манька. Ансяк, зярдэ лиссь мирденень, мерсь од раськенстэнь, келя, Манькатне базарсо чипанят микшнить. ...Ней бути авазо пшкадиль тензэ икеле ладсо. Мария Филипповна аноколь сонзэ кардамс. Эзь тукшно тензэ те лемесь, эзь ладя обуцязонзо. Кодамо

Манька?! Мария Филипповна!»¹⁴ («В родном селе ее звали Манька. Но когда вышла замуж, сказала новой родне, что Маньки на базаре семечки продают. ...Теперь если только мать обращалась к ней так. Мария Филипповна готова была прервать ее. Не нравилось ей это имя, не подходило к характеру. Какая Манька?! Мария Филипповна!»). В данном случае вариативность имени маркирует не только социальный статус героини, но и ее нравственную сущность. В процессе монтажного раскрытия жизненного пути женщины автор словно ищет ответ на вопрос: помогло ли ей имя завоевать уважение окружающих, оправдала ли она его своими действиями и поступками? Для Марии Филипповны большое значение имеет материальная составляющая, она строит карьеру, игнорируя традиционные этические нормы, посредством поддержки любовников получает квартиру, образование, становится депутатом. В итоге женщина попирает не только нравственные, но и гражданские законы – оказывается обвиняемой по уголовному делу. Посредством антонимизации форм имени Манька / Мария Филипповна автор раскрывает процесс нивелирования духовных основ, моральных принципов. Героиня по характеру хищница, разрушительница, ей больше соответствует имя Манька, нежели Мария Филипповна.

Исследователи отмечают, что «литературные антропонимы являются одним из важнейших внутренних лингвистических средств текстообразования и “ключом” в интерпретации художественных текстов» [21, с. 247]. В рассказе Т. Барговой «Вень кортамот»¹⁵ («Ночные разговоры») антропоним становится сюжетообразующим компонентом. Имена персонажей (Лена, ее муж Вадим и некий Юрий) с закрытой семантической структурой не являются характерологическими, однако посредством используемого автором «метода многократного повтора антропонимов» [21, с. 248] они получают роль «текстовой скрепы» (термин И. Б. Вороновой), иными словами, служат средством формальной и содержательной

¹³ Баргова Т. Вечкемань усият. С. 80.

¹⁴ Там же. С. 90.

¹⁵ Там же. С. 10.

связности текста. Можно сказать, что имя – это единственный источник информации о героях, поскольку сфера их деятельности и коммуникации остается вне нарратива, который не отличается событийностью и динамичностью. На протяжении многих лет Лена терпит измены Вадима. Ей кажется, что она уже привыкла к ним, а муж давно перестал оправдываться. Лена – типичная жертва семейных отношений, психологически подавленная женщина, неспособная развестись с неверным мужем, построить другие отношения. Неожиданно в ее жизни появляется «телефонный» мужчина Юрий, который возродил в ней женскую натуру, давно забытые эмоции. Автор использует общеупотребительные в современный период имена без фамилий, отчества, что усиливает типичность описываемой ситуации.

В рассказах Т. Барговой реализуется принцип художественной правды, что обуславливает воспроизведение в текстах о современности общеупотребительных в настоящее время имен, но вместе с тем мы обнаружили и архаичные имена. Следует сказать, что обращение к такой структуре имен традиционно в мордовской прозе, о чем свидетельствуют произведения А. Доронина (*Эмель*), А. Брыжинского (*Перфил*, *Варлам*, *Серафим*, *Марфа*), В. Мишаниной (*Куля*, *Микитаря*) и др. Модель номинации «личное имя + апеллятив» (*Панкра атя*, *Марко баба* из рассказа «Меельце ки» / «Последний путь», *Палё баба* – «Чаво зрямо» / «Пустая жизнь», *Паша лелясь* – «Паз, простямак!» / «Господи, прости!») указывает на социальный статус, возраст, место проживания персонажей. Таким образом, апеллятив становится дополнительной характеристикой героев, несет положительный аксиологический заряд («баба», «атя», «леля» имеют семантику родства), усиливает эмоционально-экспрессивную нагрузку имени, вызывает у читателя глубокую рефлексию. В рассказе «Последний путь» автор именуется только представителей старшего поколения – деда Панкрата, его жену бабу Марко, таким образом выражая особое уважение и трепетное отношение к ним и пожилым

людям в целом. Эти герои призваны отразить преемственность поколений, которая в семантической структуре рассказа осмысливается жизнеутверждающей ипостасью. Характер, судьба Панкрата соотносятся с его именем (от древнегреч. «всесильный»), не наделенным открытой семантикой, в силу этого вызывающим различные смысловые интерпретации. На наш взгляд, выбор имени персонажа обусловлен не столько его семантикой, сколько архаизированной формой – автор акцентирует внимание на долгом, сложном жизненном пути героя. Панкрат «участник трех войн, несколько раз был ранен – все тело исколото, нет половины бедра. Трех детей он оставил, когда добровольцем ушел на фронт. После войны родились еще трое. Жилы вытянул: семью растил» («колмо войнань тол пачк ютась, зярыяксть раянзель – весе рунгозо пельнезь, пель пукшозо арась. Колмо эйкакшт сон каднось войнав доброволецэкс туюмстэнзэ. Войнадо мейле чачьсть оштё колмо эйкакшт. Сантнэнь таргась: семия трась-кастась»¹⁶).

Для создания национального колорита, передачи ментальных особенностей эрзян, своеобразия их мировосприятия в качестве номинации персонажей в рассказах Т. Барговой используются, обусловленные национальной речевой нормой, варианты имен и отчества: *Наталь*, *Лизо* («Урьякстома» / «Женитьба»), *Василевна*, *Миرونч*, *Наста*, *Анка* («Чачома велесэ» / «В родном селе»), *Митрич*, *Дашо* («Раужо килей» / «Черная береза»), *Мико* («Мико-богатырь»), *Мата* («Чапаня Мата»).

Заключение

Высказанные в работе рассуждения подводят к выводу о том, что в произведениях Тамары Барговой антропонимы являются важным компонентом поэтики текста, элементом идиостиля автора, средством отражения его мироощущения, женского взгляда на проблемы исторической и современной действительности. Антропонимические единицы полифункциональны, они выполняют текстообразующую, концептуальную, стилистическую (информационно-

¹⁶ Баргова Т. Вечкемань усият. С. 10.

стилистическую, эмоционально-стилистическую), оценочную, символическую нагрузку, наделяются разнообразными коннотациями, отражают национальный колорит.

В антропонимическом пространстве произведений Т. Барговой представлены различные модели именования персонажей, среди которых доминируют уличные фамилии (семейно-родовые имена) и индивидуальные прозвища как яркий факт проявления живой эрзянской речи.

Процесс имятворчества в ее текстах опирается на несколько принципов: принцип художественной правды (в основном используются общеупотребительные имена, авторских антропонимов мы не обнаружили), передача имени в его особом фонетическом звучании в историческом тексте с целью сохранения исторической информации, осмысленный выбор имени

в произведениях о настоящем, женских рассказах, принципы двуименности персонажа и антонимичности антропонима призваны реализовать проблему духовной деградации современного человека. Прозаик отказывается от использования «говорящих», семантически маркированных имен, поэтому в текстах доминируют ситуации несоответствия имени и образа. Архаичные имена и претерпевшие фонетические изменения, трансформированные и адаптированные к нормам эрзянского языка варианты имен не вступают в противоречие с реальностью, способствуют воссозданию пространственного хронотопа текста, обрисовке национального образа мира.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы видятся нам в изучении функциональной семантики антропонимической лексики в творчестве других национальных писателей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сидорович З. З., Букач А. В. Ономастическое пространство в трилогии Анны Берсеновой «Подруги с Малой Бронной» // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 96–103. URL: <https://journals.psu.by/humanities/article/view/768> (дата обращения: 23.03.2024).
2. Фомин Э. В., Иванова А. М. Личные имена в контексте чувашской литературы: опыт лингвистического анализа // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2018. № 4 (100). С. 105–110. EDN: YTSOSD
3. Гаврилова И. Д., Каримуллина Р. Н. Особенности употребления онимов в произведениях русских писателей-фантастов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 8. С. 125–128. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.22>
4. Бут-Гусаим С. Ф. Антропонимикон исторической прозы белорусских писателей // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2022. № 3 (55). С. 141–146. URL: <https://clck.ru/3DBAYs> (дата обращения: 02.03.2024).
5. Варламов А. Н. Шаманский антропонимикон в сюжетах эвенкийского фольклора и исторических документах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 11. С. 3515–3520. <https://doi.org/10.30853/phil20220595>
6. Кульсарина Г. Г. Этнокультурные особенности антропонимов в башкирском фольклоре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4 (70). Ч. 1. С. 124–126. URL: <https://philology-journal.ru/article/phil20170736/fulltext> (дата обращения: 25.03.2024).
7. Терешенко А. В. Структурные модели фольклорных и исторических антропонимов: на материале русских народных сказок и архивных документов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 7 (172). С. 101–106. URL: <https://clck.ru/3ByJFW> (дата обращения: 14.03.2024).
8. Тихомирова И. В. Функционирование ономастической лексики в фольклорных текстах (на материале сборника «Сказки и предания Северного края в записях И. В. Карнауховой») // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 6 (2). С. 237–240. EDN: SSYJVT
9. Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Народно-поэтическая ономастика в аспекте фольклорной лексикографии // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18, № 1. С. 85–112. URL: <https://clck.ru/3CVRoH> (дата обращения: 18.03.2024).

¹⁷ Баргова Т. Вечкемань усият. С. 87.

10. Бут-Гусаим С. Ф., Потапчук И. В. Прагматическая значимость личных имён собственных в контексте исторической прозы Генриха Далидовича // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2019. № 3 (43). С. 248–255. URL: <https://clck.ru/3VugYA> (дата обращения: 18.03.2024).
11. Ишегулова А. М. Ономастикон художественной прозы Яныбая Хамматова // Вестник Марийского государственного университета. 2023. Т. 17, № 1. С. 55–60. <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2023-17-1-55-60>
12. Волкова К. Р. Антропонимы в художественных текстах Н. А. Дуровой: этнолингвистический аспект // Известия ВГПУ. 2011. № 10. С. 63–67. URL: <https://clck.ru/3Vuuyk> (дата обращения: 10.03.2024).
13. Гурьянова Л. А. Отражение национального мордовского колорита личных имен в произведениях А. М. Доронина // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. Т. 24, № 4. С. 171–175. EDN: PNPADN
14. Дёмин В. И., Шеянова С. В. Поэтика имени в современном мордовском романе // Финно-угорский мир. 2014. № 2. С. 35–39. EDN: SZUFBP
15. Дядюн С. Д. Антропонимия хантыйских сказок // Вестник угроведения. 2015. № 4. С. 33–38. URL: <https://clck.ru/3VuxpC> (дата обращения: 12.03.2024).
16. Исакова С. А. Поэтика имени в прозе Е. Айпина (на материале книги «Время дождей») // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2018. № 2 (23). С. 119–124. EDN: UURKSY
17. Шеянова С. В., Юсупов А. Ф. Антропонимическое пространство современного мордовского романа // Вестник угроведения. 2022. Т. 12, № 1. С. 113–122. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-1-113-122>
18. Кудрявцева Т. В. Средства ономапоэтики в создании имагологического портрета России (на материале немецкой поэзии) // Имя в литературном произведении: художественная семантика : сборник статей. М. : ИМЛИ РАН, 2015. С. 327–345.
19. Фомин Э. В., Иванова А. М. Личные имена в контексте чувашской литературы: опыт лингвистического анализа // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2018. № 4 (100). С. 105–110. URL: <https://clck.ru/3Bz3S4> (дата обращения: 02.03.2024).
20. Бельская А. А. Имятворчество А. С. Пушкина и И. С. Тургенева: к вопросу о тезоименных героях писателей // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. С. 139–146. URL: <https://clck.ru/3Bz3hm> (дата обращения: 21.03.2024).
21. Зиннатуллина Г. Х. Роль антропонимов в структуре художественного текста // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова. 2014. № 5. С. 247–249. URL: <https://clck.ru/3Bz4C6> (дата обращения: 04.03.2024).

Поступила 09.07.2024; одобрена после рецензирования 09.08.2024; принята к публикации 14.05.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

С. В. Шеянова – доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорской филологии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6504-3410>, sheyanovas@mail.ru

Н. В. Казаева – кандидат филологических наук, доцент кафедры финно-угорской филологии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9206-7223>, nikazaeva@yandex.ru

Anthroponymic Space in the Prose by Tamara Bargova

Svetlana V. Sheyanova
Nina V. Kazaeva

*National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia*

Introduction. The study of poetic anthroponymy is not an active research strategy in Finno-Ugric studies. Questions regarding the semantic potential of a character's name within the content-meaning structure of the text remain on the periphery of the research interest of national scholars. This article focuses on the anthroponymy in the prose by T. Bargova as the subject of special research. The aim of the study is to determine the functional-semantic features of anthroponyms and naming models in the author's works.

Materials and Methods. The research material was the stories and novel "God, forgive me!" by T. Bargova. The work uses such traditional methods of linguistic research as descriptive, functional-semantic, structural, comparative-historical, as well as such modern approaches to the study of literary text as interpretive and gender ones.

Results and Discussion. The authors determined the models and principles of naming and the structure of anthroponyms in the stories and novel "God, forgive me!" by T. Bargova. It described and revealed the functions of anthroponyms in the content structure of the works, their role in reflecting the realities of modern and historical reality, and the reconstruction of the national model of the world. In the author's works, anthroponyms become multifunctional components, perform text-forming, emotional-stylistic, evaluative, informational, conceptual functions, and convey a national flavor. The choice of the name and form of the anthroponym is determined by the chronotope of the work, the author's axiological concept, the originality of the creative worldview and the specifics of female writing.

Conclusion. The conclusions made by the authors contribute to the development of poetic onomastics in Finno-Ugric linguistics and can be useful in the process of teaching philological disciplines at a university. The prospects for further research of the problem are related to the study of the functional semantics of anthroponyms in the works of other Mordovian writers.

Keywords: literary anthroponymy, anthroponym, naming model, semantics of a character's name, anthroponym function, Tamara Bargova, modern Mordovian prose

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00098 "Mordovian women's literature: specificity of the representation of the gender picture of the world, national and artistic originality", <https://rscf.ru/project/24-28-00098/>.

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Sheyanova S.V., Kazaeva N.V. Anthroponymic Space in the Prose by Tamara Bargova. *Finno-Ugric World*. 2024;16(3):298–309. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.03.298-309>

REFERENCES

1. Sidorovich Z.Z., Bukach A.V. Onomastic Space in Ann Berseneva's Trilogy "The Friends from Malaya Bronnaya". *Vestnik of Polotsk State University. Part A. Humanities*. 2020;(2):96–103. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://journals.psu.by/humanities/article/view/768> (accessed 23.03.2024).
2. Fomin E.V., Ivanova A.M. Personal Names in the Context of Chuvash Literature: Linguistic Analysis. *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*. 2018;(4):105–110. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: YTSOSD
3. Gavrilova I.D., Karimullina R.N. Peculiarities of Onym Usage in the Works of the Russian Science Fiction Writers. *Philology. Theory & Practice*. 2019;12(8):125–128. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.22>

4. But-Gusaim S. F. Anthroponymicon of Historical Prose by Belarusian Writers. *Journal of Shadrinsk State Pedagogical University*. 2022;(3):141–146. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3DBAYs> (accessed 02.03.2024).
5. Varlamov A.N. Shamanic Anthroponymicon in the Plots of Evenki Folklore and Historical Documents. *Philology. Theory & Practice*. 2022;15(11):3515–3520. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30853/phil20220595>
6. Kulsarina G.G. Ethnocultural Peculiarities of Anthroponyms in the Bashkir Folklore. *Philology. Theory & Practice*. 2017;(4-1):124–126. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://philology-journal.ru/article/phil20170736/fulltext> (accessed 25.03.2024).
7. Tereshchenko A.V. Structural Types of Folklore and Historic Anthroponyms: Russian Fairy Tales and Archive Data. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2016;(7):101–106. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3ByJFW> (accessed 14.03.2024).
8. Tikhomirova I.V. Functioning of Onomastic Vocabulary in the Folklore Texts (on the Material of the Collection “Tales and Legends of the Northern Territory in the Records I. V. Karnaukhova”). *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*. 2013;(6):237–240. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: SSYJVT
9. Bobunova M.A., Khrolenko A.T. Proper Names in Oral Poetic Tradition in the Light of Folklore Lexicography. *Problems of Onomastics*. 2021;18(1):85–112. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3CVRoH> (accessed 18.03.2024).
10. But-Gusaim S.F., Potapchuk I.V. [Pragmatic Meaning of Personal Proper Names in the Context of Historical Prose by Henry Dalidovich]. *Vestnik Shadrinskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*. 2019;(3):248–255. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3ByrYA> (accessed 18.03.2024).
11. Ishegulova A.M. Onomasticon of Yanybay Khammatov's Fiction. *Vestnik of the Mari State University*. 2023;17(1):55–60. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2023-17-1-55-60>
12. Volkova K.R. Anthroponyms in Fiction Texts of N. A. Durova: Ethnolinguistic Aspect. *Izvestija Volgogradskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*. 2011;(10):63–67. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3Byuyk> (accessed 10.03.2024).
13. Guryanova L.A. [Representation of National Mordovian Colouring of Personal Names in the Works by A. M. Doronin.] *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*; 2012;24(4):171–175. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: PNPADN
14. Demin V.I., Sheyanova S.V. Poetics of a Name in Modern Mordovian Novel. *Finno-Ugric World*. 2014;(2):35–39. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: SZUFBP
15. Djadjun S.D. Anthroponymy of the Khanty Fairy Tales. *Bulletin of Ugric Studies*. 2015;(4):33–38. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3ByxpC> (accessed 12.03.2024).
16. Isakova S.A. [Poetics of the Name in Prose of E. Aipin (on the Material of the Book “Time of Rains”).] *Severo-Vostochnyj Gumanitarnyj Vestnik*. 2018;(2):119–124. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: UURKSY
17. Sheyanova S.V., Yusupov A.F. Anthroponymic Space of a Modern Mordovian novel. *Bulletin of Ugric Studies*. 2022;12(1):113–122. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-1-113-122>
18. Kudryavtseva T.V. [Means of Onomapoetics in Creating an Imagological Portrait of Russia (Based on German Poetry). Name in a Literary Work: Artistic Semantics: Collection of Articles]. Moscow; 2015:327–345. (In Russ.)
19. Fomin E.V., Ivanova A.M. Personal Names in the Context of Chuvash Literature: Linguistic Analysis. *Vestnik Chuvashskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta im. I. Ja. Jakovleva*. 2018(4):105–110. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3Bz3S4> (accessed 02.03.2024).
20. Belskaya A.A. Namework of Alexander Pushkin and Ivan Turgenev: to the Question of Tezonames Characters of the Writers. *Uchenye Zapiski Orlovskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Serija: Gumanitarnye i Social'nye Nauki*. 2011;(1):139–146. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3Bz3hm> (accessed 21.03.2024).
21. Zinnatullina G.Kh. [The Role of Anthroponyms in the Structure of a Literary Text]. *Vestnik Belgorodskogo Gosudarstvennogo Tehnologicheskogo Universiteta im. V. G. Shuhova*. 2014(5):247–249. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3Bz4C6>

Submitted 09.07.2024; revised 09.08.2024; accepted 15.08.2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

S. V. Sheyanova – Dr.Sci. (Philol.), Professor, Department of Finno-Ugric Philology, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6504-3410>, sheyanovas@mail.ru

N. V. Kazaeva – Cand.Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of Finno-Ugric Philology, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9206-7223>, nikazaeva@yandex.ru

Кооперативное кино в деревенском прокате Карелии в 1920-е гг.

Елена Васильевна Дианова

*Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия*

Введение. В статье рассматриваются фильмы о кооперации, входившие в репертуар кооперативных кинопередвижек для деревенского кинопроката Карелии. Актуальность темы определяется визуальным поворотом в исторических исследованиях и отсутствием трудов, посвященных данной теме. Цель исследования – изучить наполнение сельского проката Карелии кооперативными фильмами, имевшимися в распоряжении Карело-Прионежского союза потребительских обществ; рассмотреть сюжеты и содержание фильмов; выявить их идейно-художественный потенциал для ведения кооперативной агитации и пропаганды.

Материалы и методы. Источниками исследования являются документы из Национального архива Республики Карелия, материалы из фондов краевых кооперативных союзов, Карельского областного комитета РКП(б) – ВКП(б) и Народного комиссариата просвещения АКССР. Наряду с архивными документами привлекались опубликованные материалы о фильмах 1920-х гг. Исследование базируется на междисциплинарном подходе. При работе над материалом использованы как общие методы гуманитарных наук (анализ и синтез), так и конкретно-исторические методы (исторический нарратив, статистический метод).

Результаты исследования и их обсуждение. Рассмотрены созданные в 1920-е гг. для индоктринации кооперативных идей в сельском социуме произведения киноискусства, демонстрировавшиеся в селах Автономной Карельской Советской Социалистической Республики. В статье дается анализ репертуара кооперативных фильмов для деревенского проката; рассмотрен сюжет и представлено содержание фильмов о кооперации 1920-х гг.; также описана работа кооперативных кинопередвижек «по продвижению кино в деревню», в том числе в сельских кооперативах с пестрым национальным составом; выявлено позитивное отношение зрительской аудитории к кооперативному кино. Определено значение кино как важного средства визуальной репрезентации кооперативных идей для инкорпорации новых членов в кооперативы в период нэпа. В ходе исследования удалось обнаружить сведения, подтверждающие влияние кинопропаганды с помощью кооперативных фильмов на процесс приобщения деревенских жителей Карелии к кооперации, что проявилось в развертывании кооперативного строительства, расширении кооперативной работы и увеличении числа пайщиков потребительских обществ.

Заключение. В конце 1920-х гг. игровые кинокартины, документальные ленты и мультфильмы о кооперации составляли значительную часть репертуара передвижек Карело-Прионежского союза потребительских обществ. Они демонстрировали способы организации деревенских кооперативов, отражали участие женщин в кооперации, значение кооперативной торговли в борьбе с частниками и лавочниками. Сделанные автором выводы вносят вклад в изучение кооперативного кинематографа в 1920-е гг. как части общей культурно-просветительной работы кооперативных объединений. Результаты исследования в целом и анализ кооперативного репертуара сельских кинопередвижек в частности дополняют сведения по истории культуры и кинофикации Карелии, позволяют проводить аналогичные научные изыскания в других регионах страны. Практическая значимость исследования заключается в установлении преемственности традиций общественных организаций и возможности использовать исторический опыт в социокультурной деятельности современных кооператоров России.

Ключевые слова: кооперация, кооперативы, кинопередвижки, кинофильмы, репертуар, деревенский прокат, кинопропаганда и агитация

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Дианова Е. В. Кооперативное кино в деревенском прокате Карелии в 1920-е гг. // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 3. С. 310–321. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.03.310-321>

Введение

Обращение к опыту организации киносеансов в селе и «продвижению кино в деревню» в первое десятилетие Советской власти расширяет общие исторические представления о трансформации традиционной культуры. Появление в сельской местности электричества, радио и кинематографа способствовало социокультурной модернизации доколхозной деревни. Кинопредвижки учреждений Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) и политико-просветительных комитетов (политпросветов), общественных и хозяйственных организаций объезжали какую-либо волость по определенному маршруту, показывая в каждой деревне один и тот же немой фильм, полученный в прокат от регионального агентства «Совкино». В репертуар сельских кинопередвижек входили иностранные, русские дореволюционные и советские киноленты.

В статье на основе архивных материалов рассматривается место кооперативного кино в деревенском прокате Карелии в 1920-е гг. Использование наглядных средств агитации и кинопропаганды содействовало проникновению новых веяний в умонастроения крестьян и приобщению деревенских жителей к кооперативному строительству и индоктринации кооперативных идей в сельском социуме. Актуальность данного исследования можно расценивать с позиций визуального поворота в исторической науке и историчности кинематографа, поскольку фильмы, созданные в социально-историческом контексте 1920-х гг., отражали особенности той эпохи, ее социокультурные ориентиры и политические приоритеты.

Цель исследования – изучить наполнение сельского проката Карелии фильмами о кооперации, имевшимися в распоряжении Карело-Прионежского союза потребительских обществ (Каронегсоюз). Согласно поставленной цели, необходимо решить следующие задачи: описать работу кооперативных кинопередвижек в сельских кооперативах Карелии, в том числе с пестрым национальным составом; выявить репертуар кооперативных фильмов, передаваемый кинопередвижкам Каронегсоюза для дере-

венского проката; рассмотреть сюжеты и содержание фильмов о кооперации; выяснить их идейно-художественный потенциал для ведения кооперативной агитации и пропаганды; определить отношение зрительской аудитории к кооперативному кино и его значение для кооперативного строительства. Соответственно, объектом исследования выступает репертуар кооперативных фильмов для деревенского кинопроката, а предметом – входившие в него кооперативные фильмы и их содержание.

В данной статье впервые рассматривается созданный для кооперативной агитации и пропаганды комплекс произведений киноискусства, демонстрировавшийся в 1920-е гг. в селах Автономной Карельской Советской Социалистической Республики (АКССР). Его изучение дополнит сведения по истории культуры и развитию кинематографа Карелии, позволит проводить аналогичные исследования в других регионах страны.

Обзор литературы

Среди основных исследований по данной теме можно назвать публикации о кино для деревни и деревенском прокате 1920-х гг. К этому вопросу обращались многие авторы. Их интересовали такие вопросы, как: «деревенское» кино как исторический источник [1]; радиовещание и кинематограф в сельской местности [2]; советский художественный кинематограф и крестьянский зритель в 1920-е гг. [3]; деревенский и клубный кинопрокат в СССР в условиях новой экономической политики [4]; репертуар сельских кинопередвижек [5] и кооперативный контент советского кино 1920-х гг. [6].

Заслуживают внимания труды Ю. М. Лотмана по эстетике и семиотике кино [7]. Востребованы изыскания зарубежных авторов по истории мирового кинематографа [8] и советского кино, так называемого «красного экрана» [9], а также книга Жиля Делёза о классификации образов движения и времени в кино [10].

Можно назвать статьи о кинофикации финно-угорских республик и формирования национальной кинематографии, к примеру, в Мордовии [11] или Удмуртии [12]. Регио-

нальная литература о кинопрокате в Карелии представлена общими трудами по истории культуры и культурного строительства края в 1920–1930-е гг. [13; 14]. Следует отметить имеющиеся лакуны в изучении деревенского кинопроката в 1920-е гг. в Карелии вообще и отсутствие публикаций о его наполняемости фильмами о кооперации в частности. Между тем Л. Н. Мазур и О. В. Горбачев, авторы монографии «Советские фильмы о деревне: опыт исторической интерпретации художественного образа» (2022 г.), справедливо полагают, что «художественный кинематограф обладает высоким информационным потенциалом, актуальным для изучения ... самых разнообразных проблем социальной истории XX в.» [15, с. 5]. Визуальная репрезентация кооперативных идей на экране представляет большой научный интерес, поскольку позволяет увидеть существовавшие при нэпе пути вовлечения сельских жителей в потребительские общества и способы инкорпорации новых членов в другие кооперативы.

В поздний советский и постсоветский периоды утвердилось понятие «кооперативное кино», которое нельзя смешивать с кооперативными фильмами 1920-х гг. Перестроечное кооперативное кино возникло в результате реформирования киноотрасли в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Подробное исследование процессов возникновения и развития кооперативного кино в период перестройки дано в статье М. И. Косиновой [16]. Нужно подчеркнуть, что продукция кинокооперативов конца 1980-х – начала 1990-х гг. не имеет ничего общего с кооперативными фильмами 1920-х гг.

Материалы и методы

В качестве основных источников исследования выступают архивные материалы. В Национальном архиве Республики Карелия изучены документы из фондов Карельского областного комитета РКП(б) – ВКП(б) (ф. П-3), Кемско-Ухтинского районного союза кооператоров (ф. Р-508), Карельского союза потребительской кооперации (ф. Р-509), Карельского рыбацкого промыслового союза (ф. Р-647) и Народного комиссариата просвещения АКССР (ф. Р-630). В них найдены

отчеты о работе кооперативных кинопередвижек на низовой периферии, сведения о кооперативной агитации и пропаганде на местах и списки фильмов, которые демонстрировались для сельских жителей Карелии.

Наряду с архивными документами привлекались опубликованные материалы о фильмах 1920-х гг. В статье анализируются кинокартины «Всем на радость», «Василина победа», «Счастливый червонец»; мультфильмы «Грозный Вавила и тетка Арина», «Дашь хороший лавком» и «Не зевай». Из всех кооперативных кинолент доступен для просмотра только анимационный фильм «Грозный Вавила и тетка Арина». Поскольку почти все взятые для анализа кооперативные фильмы не сохранились, главным источником информации об их содержании и сюжете стали аннотации. Герменевтический метод изучения и толкования текстов, в данном случае – аннотаций к фильмам, выявляет их основные идеи и положения кооперативной агитации и пропаганды, заложенные в медиатексты авторами кинокартин.

Исследование базируется на междисциплинарном подходе. Нами были использованы как общие методы гуманитарных наук (анализ и синтез), так и конкретно-исторические (исторический нарратив, статистический метод). Во время работы над статьей мы руководствовались такими научными принципами исследования, как системность и детерминизм. Системный подход позволяет рассматривать организацию киносеансов и показ фильмов о кооперации в деревне и как единое целое в системе развития кооперативного кинематографа в 1920-е гг., и как часть общей культурно-просветительной работы кооперативных объединений. Детерминистский подход, как известно, раскрывает взаимосвязь и взаимообусловленность явлений материального и духовного мира. Так, наличие у кооперативов необходимой материальной базы, а именно передвижного кинооборудования, давало возможность привозить в глубинку различные фильмы, в том числе и картины на кооперативные темы. В свою очередь демонстрация кооперативного кино имплицитно воздействовала на духовный мир

крестьянства, оказывала влияние на его мировоззрение, что так или иначе воздействовало на его отношение к кооперации, подталкивало к участию в кооперативном строительстве.

Результаты исследования и их обсуждение

Работа кооперативных кинопередвижек в Карелии. В Карелии кинематографу придавали большое значение, поскольку в национальных районах кино могло явиться «одним из главных орудий кооперативно-просветительной и общественно-воспитательной работы», особенно в тех районах, где у народов еще не было своей письменности¹.

Монопольное право на прокат фильмов на территории РСФСР принадлежало государственной кинематографической организации «Совкино» (Советское кино), оно имело свои агентства на местах и обеспечивало их кинокартинами. В свою очередь региональные агентства передавали ленты в прокат организациям, прежде всего политпросветам, в чьем ведении находились стационарные киноустановки или кинопередвижки [17].

Для обеспечения киносети потребкооперации кинолентами 20 декабря 1928 г. «Совкино» и Центросоюз заключили генеральный договор «Об организации планового проката кинофильм потребкооперацией». Районные и областные союзы потребкооперации прикреплялись к определенному отделению или агентству «Совкино». Прокат кинолент осуществляли агентства и отделения «Совкино», которые должны были облегчить киноработу союзов потребкооперации, чтобы те по своим заявкам быстро и без лишних расходов могли получать кинофильмы.

В Ленинграде размещалось Северо-Западное отделение «Совкино». К нему относились союзы, расположенные на территории Северо-Западной области и Карельской АССР (Северо-Западный союз областной потребкооперации, Карело-Прионежский, Великолукский, Лодейнопольский, Лужский,

Псковский, Череповецкий районные союзы потребкооперации) [18]. В Петрозаводске находилось Карело-Мурманское отделение «Совкино», оно снабжало кинокартинами Карело-Мурманский край. Карельскую АССР обслуживала еще и коммерческая прокатная организация «Кино-Север». Карело-Прионежский союз потребительских обществ был прикреплен к Северо-Западному отделению «Совкино», иногда он получал киноленты и в его Карело-Мурманском отделении в Петрозаводске.

В 1925 г. у Карело-Прионежского союза потребительской кооперации (Каронегсоюз) имелась всего одна кинопередвижка. В месяц она работала 16 дней, успевая посетить лишь 14 сельских потребительских обществ (сельпо) Петрозаводского уезда. В остальные дни «ввиду дальности расстояния и плохих дорог» находилась в разъездах, соответственно, киносеансы в других деревнях не проводились. В 1926–1927 гг. участники инструкторских совещаний Каронегсоюза приняли решение приобрести еще четыре кинопередвижки, «благодаря которым идеи кооперации могут быть продвинуты в самые глухие отдаленные уголки Карелии»².

Однако и эти пять кинопередвижек Каронегсоюза не могли охватить киносеансами всех пайщиков. Для претворения в жизнь плана культурно-массовой работы на 1927–1928 г. руководство Каронегсоюза заключило договор с управлением зрелищных предприятий Наркомпроса АКССР «в части обслуживания кооперативной периферии кинопередвижками»³. В 1929 г., с покупкой Каронегсоюзом еще одного кинопроектора, все шесть кинопередвижек обслужили 224 населенных пункта в пяти административных районах Карелии, дали 408 киносеансов. Киносеансы посетило 18 715 чел.⁴

Национальный состав потребительских обществ Каронегсоюза был довольно пестрым. На 1 октября 1926 г. в системе Каронегсоюза было 108 потребительских обществ, в том числе: карельских – 38, сме-

¹ НА РК. Ф. Р-509. Оп. 17. Д. 9/106. Л. 25.

² НА РК. Ф. Р-509. Оп. 17. Д. 7/80-а. Л. 50.

³ НА РК. Ф. Р-509. Оп. 17. Д. 8/94. Л. 110.

⁴ НА РК. Ф. Р-509. Оп. 17. Д. 10/114. Л. 94.

шанных (чудь и русских) – 1, русских – 64, чудских – 5. В эти кооперативы, разделенные по национальному признаку, входили 22 018 чел. Карельские общества объединяли 6 941 чел. (карелы), чудские – 806 чел. (чудь). В смешанные общества входило 366 чел. (чудь и русские), в русские общества потребителей – 13 905 чел.⁵

Исходя из неоднородного национального состава потребительских обществ, следовало учитывать особенности коммуникации пайщиков и их умение читать русские титры или понимать громкое чтение на русском языке. До создания письменности у карел и вепсов использовали финский язык, но в кинопрокате АКССР долго не было фильмов с надписями для населения национальных районов. В 1925 г. Карельский политпросвет получил четыре «исключительно революционных кинофильмы» с надписями на русском и финском языках. Фильмы с двойными титрами показывались в пограничных национальных районах – Ухте, Паданах, Видлице и Олонце. Поскольку многие зрители в селах Карелии были неграмотны и не умели читать, текст читал сам киномеханик⁶.

В национальных районах при показе фильмов с титрами на русском языке текст переводили киномеханики, учителя или грамотные крестьяне. Причем в Ухтинском уезде титры переводились на финский язык, а в Олонецком уезде требовался перевод на карельский язык. В деревнях Петрозаводского уезда с вепским населением надписи переводили на вепский (чудский) язык. Так, в Петрозаводском уезде в селе Эссойла председатель сельпо пересказывал содержание фильма на карельском языке. В деревне Вехручей того же Петрозаводского уезда учитель сразу «переводил на чудский язык, так как местное население русского языка не понимало»⁷. Как видим, организаторам киносеансов приходилось учитывать национальный состав сельских жителей Карелии,

подыскивать людей, знающих языки, чтобы сделать фильмы доступными пониманию местного населения.

Репертуар кооперативных фильмов Каронегсоюза. В 1920-е гг. создавались документальные и художественные кинофильмы, посвященные кооперации и отражавшие острые, наиболее злободневные вопросы кооперативного строительства в стране. Поскольку придумать интересную киноисторию о кооперативном движении было довольно трудно, сценаристам и режиссерам рекомендовали создавать такие художественно-производственные картины, где сочетались бы кооперативная агитация и пропаганда с «интересным и близким рабочим массам содержанием» [19, с. 29]. Выпуском кооперативных фильмов занимались различные государственные и коммерческие киностудии: Госкино, «Совкино», «Культкино», «Межрабпомфильм» с участием Центросоюза (Центрального союза потребительских обществ СССР/РСФСР). В основном это были агитационные игровые, анимационные фильмы о кооперации.

Правление Каронегсоюза, стремясь подобрать репертуар для сельской киносети «почти весь по кооперации», обращалось в Карельский политпросвет⁸. Руководство союза потребкооперации Карелии выписывало кооперативные фильмы прямо из Центросоюза⁹. В деревенский прокат поступили игровые кинокартины «Всем на радость», «Василисина победа», «Счастливый червонец»; документальные ленты «Кооперативный киножурнал», «Наша кооперация»; мультфильмы «Грозный Вавила и тетка Арина», «Даешь хороший лавком» и «Не зевай»¹⁰. В 1929 г. кооперативные фильмы составили 39 % проката кинопередвижек Каронегсоюза [20, с. 230].

В те годы, когда в распоряжении Каронегсоюза имелась всего одна передвижка, в деревнях демонстрировался игровой фильм «Всем на радость» (Госкино и Культкино, 1924). Александр Анощенко-Анод, режис-

⁵ НА РК. Ф. Р-509. Оп. 17. Д. 9/106. Л. 28.

⁶ НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 26/220. Л. 4.

⁷ НА РК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 405. Л. 2.

⁸ НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 36/302. Л. 62.

⁹ НА РК. Ф. Р-509. Оп. 15. Д. 1/8. Л. 19.

¹⁰ НА РК. Ф. Р-509. Оп. 17. Д. 10/114. Л. 94.

сер и сценарист фильма, снял первый советский игровой фильм о кооперации. По жанру фильм рекламировался как драма, что предполагало развитие действия с острым социальным конфликтом, который проявлялся в противостоянии частного деревенского торговца и демобилизованного красноармейца. Воин Красной Армии, вернувшись в родную деревню, сумел там наладить работу сельской кооперативной лавки. Кооператив вытеснил кулака и обеспечил рост материального благосостояния крестьян. Благодаря кооперации в деревне была построена электростанция и даже «открылся кинотеатр» [21, с. 55]. Традиционный сюжет возвращения героя домой в фильме «Всем на радость» приобрел оригинальную трактовку в соответствии с ленинскими идеями о кооперировании крестьянства. Получив идейно-политическую подготовку во время службы в Красной Армии, демобилизованный красноармеец претворяет в жизнь идеи кооперации и способствует реализации плана электрификации.

В фильме «Счастливые червонец» (Межрабпомфильм и Центросоюз, 1928) режиссер Алексей Дмитриев и сценарист Иван Майоров показали смычку города с деревней и роль городских инструкторов-кооператоров в укреплении сельских потребительских обществ: «Крестьянин-середняк Ершов приехал в город торговать маслом и яйцами. Здесь ему довелось повстречаться с рабочим Кузнецовым, который, узнав о плохой работе деревенского кооператива, предложил своему новому знакомому побывать на собрании пайщиков заводской кооперации. Ершов стал свидетелем настоящей большевистской критики – рабочие, невзирая на лица, обличали недочеты в работе отдельных нерадивых кооператоров. Вернувшись в деревню, Ершов повел решительную агитацию за укрепление деревенского кооператива и был избран председателем нового правления. Крестьянский актив командировал Ершова в город для закупки товаров. По дороге он был избит и ограблен бандитами по наущению местного лавочника Петушкова. Деревенский кооператив получил партию товаров в кредит. Развернулась бойкая торговля. Когда Ершов стал подсчитывать первую вырубку кооператива, ему удалось

обнаружить червонец, который находился среди похищенных денег. С помощью собаки-ищейки милиция нашла преступника. Лавочник Петушков и его темная компания были арестованы» [21, с. 297].

В основу сюжета фильма «Счастливые червонец» положен классовый антагонизм между деревенскими кооператорами и частными торговцами. Толчком к налаживанию работы сельской потребительской лавки послужило посещение собрания пайщиков заводского кооператива. Для трансляции кооперативного контента авторы фильма придумали детективную историю с нападением и ограблением, которая завершилась торжеством справедливости и победой председателя правления сельпо над лавочниками.

В 1928 г. на экраны вышел фильм «Василисина победа» / «Чертова баба» (Межрабпомфильм) режиссера Леонида Молчанова, сценаристами фильма выступили сам Леонид Молчанов и Иван Майоров. В основу сценария положена повесть Ивана Майорова «Василисин кооператив» об участии крестьянки в работе сельпо. Фильм начинался с рассказа о том, что «в глухой деревне жили Андрей Топорков и жена его Василиса. Андрей Топорков был председателем кооператива, но работал плохо». Кроме того, в пьяном виде он допускал домашнее насилие, наносил побои жене. Однажды, когда в очередной раз Андрей избил жену, «Василиса не стерпела: связала пьяного мужа, вызвала милиционера, который составил протокол, и, забрав детей, переселилась к старушке-односельчанке». В это же время в деревню приехала ревизионная комиссия и обнаружила в кассе кооператива недостачу. Андрея Топоркова как недобросовестного председателя сельпо сняли с должности, а «во время перевыборов Василису избрали в правление кооператива». Изменение социального статуса жены повлияло на отношения супругов, Андрей «по-иному стал относиться к Василисе» [21, с. 250].

Фильм «Василисина победа» имел линейный сюжет, в нем действие происходило в хронологической последовательности. По словам Ю. М. Лотмана, сюжетный текст предполагает «борьбу между некоторым порядком, классификацией, моделью мира и их нарушением». Поскольку «сюжетные

тексты всегда представляют собой «случай», происшествие», в произведении происходит «то, чего до сих пор не бывало или же не должно было быть» [7, с. 339]. Действительно, автор повести и сценарист Иван Майоров вынес на суд читателей, а затем и зрителей, историю, которой раньше не было и не могло быть. Крестьянка Василиса нарушает вековые заповеди и установки сельского социума, поднимает «бунт» против своего мужа, уходит с детьми из дома и начинает самостоятельную деятельность в кооперативе. Революционный смысл этого сюжетного киноповествования заложен в реализации идеи освобождения женщины, ее эмансипации в советском обществе 1920-х гг. Данное «поведенческое кино» демонстрирует зрителю, или «внешнему наблюдателю то, что происходит во внутреннем мире персонажа, на пересечении впитываемой им ситуации и действия, которым он взорвет ее» [10, с. 226].

Наряду с игровыми картинками о кооперации в деревнях показывали и мультфильмы, посвященные кооперированию женщин, среди них мультфильм для взрослых «Грозный Вавила и тетка Арина» (Межрабпом-Русь и Центросоюз, 1928). Этот анимационный фильм рассказывает об участии крестьянки в борьбе за равноправие и новый быт: «У тетки Арины день за днем проходит в хлопотах по хозяйству. Но однажды взбунтовались вещи в доме Арины. Ведра у колодца вырвались из ее рук и сами побежали в хату. Кухонная утварь закружилась в пляске вокруг растерявшейся хозяйки. Это произошло в день 8 марта. Отправилась тетка Арина с соседкой в школу на женское собрание. Муж Арины вздумал было ей помешать, но, избитый ухватом вернулся домой» [21, с. 306]. Для кооперативного проката предназначались анимационные фильмы «Даешь хороший лавком» и «Не зевай», созданные на киностудии «Межрабпом-Русь» (1927). Мультфильм «Даешь хороший лавком» освещал роль лавкомов (лавочных комиссий) в борьбе со злоупотреблениями и недостатками в кооперации. Рисованный мультфильм «Не зевай» выпустили по заказу Центросоюза к паевой кампании.

Кинематограф выступает средством социальной коммуникации, особенно в том

случае, когда кино «в той или иной мере обращается к чувству реальности у аудитории» [7, с. 295]. Фильм находит отклик у зрителей, если он «связан с реальным миром и не может быть понят вне безошибочного узнавания зрителем того, какие вещи в сфере действительности являются значением тех или иных сочетаний пятен света на экране» [7, с. 321]. Сельские жители принимали кооперативное кино хорошо, поскольку режиссеры и сценаристы, учитывая «эмоциональную веру зрителя в подлинность показываемого на экране» [7, с. 296], выпускали фильмы о кооперации с вплетением в их сюжетную канву знакомых крестьянам жизненных ситуаций. Считалось, что деревне подходили незамысловатые фильмы с простым сюжетом, способные вызвать глубокое переживание, но со строго выдержанным социально-классовым содержанием. Для трансляции кооперативных идей как общественно значимой информации кинопостановщики, учитывая особенности менталитета сельских жителей, создавали приемлемые для крестьян кинокартины.

Кино – «мощное средство агитации». С переходом к нэпу кооперация как организация, обслуживающая мелких производителей и потребителей, оказалась востребована для восстановления сельского хозяйства и кустарных промыслов, развития товарно-денежных отношений, укрепления смычки между городом и деревней. Потребительские общества использовали кинематограф для культурно-массовой работы, содержание которой соответствовало практическим вопросам их деятельности: хлебозаготовки, товарное снабжение, переход на дифференцированный пай, полное кооперирование бедноты, рационализация кооперативной работы, снижение цен и др.

Кино показывали при проведении политических кампаний, в том числе в январские «ленинские дни», связанные с кончиной вождя 21 января 1924 г. Так, в рыбацких кооперативах Карелии «ленинские дни» проводились «при заострении внимания всей кооперативной массы к взглядам Владимира Ильича на кооперацию». Сотрудники правления Карельского рыбацкого промыслового союза разрабатывали планы мероприятий по проведению «ленинских

дней» в местах работы кооперативных кинопередвижек. В рыболовецких артелях, сельских клубах и избах-читальнях перед киносеансами они читали короткие доклады «Ленин и кооперация»¹¹.

Во время хозяйственных кампаний кооперативное кино становилось «мощным средством агитации в целях пробуждения в широких массах города и деревни политической, профсоюзной и хозяйственной активности». Особенно когда «соответствующие по духу и содержанию кинопостановки» были «приспособлены для пробуждения живого интереса к кооперации, для протравливания пути кооперативной пропаганде и общей культурно-просветительной работе в деревню, не имеющую газет, жадно ищущую знаний»¹².

В центре всех докладов и выступлений находился лозунг «Кооперация – столбовая дорога к социализму». Агитаторы должны были убедить крестьян в пользу кооперации, склонить их к участию в кооперативном движении: вступить в потребительское общество или артель, полностью внести паевые взносы в кооператив. Требовалось вовлечь как можно больше граждан в кооперативы, чтобы обеспечить поголовное участие в кооперации. Тогда всеобщее кооперирование трудящихся города и деревни, действительно, превратится в «простой и доступный путь, которым рабочие и крестьяне, победив помещиков и капиталистов, пойдут к жизни, построенной на радостном труде всех для каждого и каждого для всех, открывающей дорогу для могучего развития умственной энергии человека»¹³.

Сущность кооперативной агитации и пропаганды состояла в том, чтобы «продвинуть в массы знания о кооперации и ее задачах», систематически знакомить население с повседневной работой кооперативов. Ораторам не составляло особого труда доказать, что «в Советской стране, где у власти рабочие и трудящиеся крестьяне, где в руках пролетарского государства все крупные средства производства, где целиком в руках государства ведущая отрасль народно-

го хозяйства – мощная промышленность, кооперация является столбовой дорогой к социализму» [22, с. 2]. Однако кооперативная агитация и пропаганда с помощью наглядных средств (кино) влияла на сознание и настроения жителей сел и деревень гораздо сильнее, побуждая их к вступлению в потребительское общество или созданию нового кооперативного товарищества. Дело в том, что сила воздействия кино заключается «в разнообразии построенной, сложно организованной и предельно сконцентрированной информации», которая в широком смысле понимается «как совокупность разнообразных интеллектуальных и эмоциональных структур, передаваемых зрителю и оказывающих на него сложное воздействие – от заполнения ячеек его памяти до перестройки структуры его личности» [7, с. 320]. Кино являлось визуальным средством репрезентации кооперативных идей.

Результатом агитационно-пропагандистских акций на местах, в том числе с демонстрацией фильмов, явился значительный рост членов потребительских обществ. С 1925 по 1931 г. общее число пайщиков в городе и деревне увеличилось почти в 6 раз – с 10 млн до 59 млн чел. В деревне за это время число пайщиков увеличилось почти в 8 раз: с 5 млн до 39 млн чел. В 1924 г. из 12 чел. только один был членом кооперации, в 1931 г. из десяти шесть входили в кооперацию [22].

В Карелии кооперирование также шло «в сторону более широкого охвата населения». Так, на 1 октября 1926 г. в сети Каронегсоюза числилось 22 108, на 1 октября 1929 г. – уже 57 169 пайщиков, а «по приросту пайщиц-женщин Каронегсоюза стоял на одном из первых мест среди союзов потребкооперации Северо-Западной области». На 1 октября 1927 г. среди членов Каронегсоюза насчитывалось 702 женщины, а на 1 января 1928 г. – уже 1 250 женщин¹⁴. В Карелии повсеместно зафиксирован рост лавочной сети с 220 лавок на 1 октября 1926 г. до 363 лавок на 1 октября 1929 г., а к 1 октября 1930 г. предполагалось увели-

¹¹ НА РК. Ф. Р-647. Оп. 1. Д. 2/20. Л. 45.

¹² НА РК. Ф. Р-509. Оп. 17. Д. 1/2. Л. 19.

¹³ НА РК. Ф. Р-508. Оп. 1. Д. 43/366. Л. 4.

¹⁴ НА РК. Ф. Р-509. Оп. 15. Д. 1/8. Л. 28, 36.

чить количество лавок до 420. Накопление паевых капиталов с 84 427 руб. на 1 октября 1926 г. выросло до 1 200 тыс. руб. на 1 июня 1930 г. [20]. Как видим, кооперативная агитация и пропаганда как устная, так и с показом кино, привела к оживлению деятельности карельских сельпо, что сказалось на усилении темпов кооперирования населения Карелии.

Заключение

В ходе проведенного исследования удалось установить, что наполнение сельского проката Карелии фильмами о кооперации, находившихся в распоряжении кооперативных союзов и прежде всего Карело-Прионежского союза потребительских обществ, было неравномерным. В начале киноработы Каронегсоюза, когда имелась всего лишь одна кинопередвижка, в деревнях показывали фильм «Всем на радость» (1924 г.), первый советский игровой фильм на кооперативную тему. Затем усиление материальной базы карельского союза потребительской кооперации позволило не только увеличить количество передвижных киноаппаратов, но и получить через агентства «Совкино» и прямо в Центросоюзе новые кооперативные кинокартины как художественные, так и документальные и анимационные. В конце 1920-х гг. фильмы о кооперации (игровые киноленты «Василисина победа», «Всем на радость», «Счастливый червонец»; документальные ленты «Кооперативный киножурнал», «Наша кооперация»; мультфильмы

«Грозный Вавила и тетка Арина», «Даешь хороший лавком» и «Не зевай») составляли значительную часть репертуара передвижек Каронегсоюза.

В 1920-е гг. кинокартины, посвященные потребительской кооперации, создавались по заказу Центросоюза. Как правило, они имели высокий идейно-художественный потенциал для ведения кооперативной агитации и пропаганды, что расширяло социальную базу кооперации в городе и деревне, обеспечивало приток новых членов в потребительские общества. В фильме «Всем на радость» наглядно продемонстрированы простые способы организации деревенского кооператива. Картина «Василисина победа» посвящена кооперированию женщин. В фильме «Счастливый червонец» и агитке «Не зевай» вполне убедительно показано преимущество кооперативной торговли, представлена роль кооперации в вытеснении с рынка частных торговцев. Кинокартины, снятые в целях кооперативной агитации и пропаганды, затрагивали крестьянский быт и повседневную жизнь деревни, поэтому отношение зрительской аудитории к кооперативному кино было положительным, оно не вызывало отторжения сельских жителей. В Карелии непосредственное воздействие кооперативной агитации и кинопропаганды проявилось в развертывании кооперативного строительства, расширении кооперативной работы и росте кооперирования населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мазур Л. Н. «Деревенское» кино как исторический источник: опыт количественного анализа // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: источники и методы исследования. 2011. № 1. С. 344–355. EDN: QOZATZ
2. Кулачков В. В., Конова В. И. Радиовещание и кинематограф в сельской местности 1920-х гг. (на материалах Брянской, Смоленской и Гомельской губерний) // История: факты и символы. 2021. № 1 (26). С. 31–38. EDN: POJDCQ
3. Горбачев О. В. Кино для деревни: советский художественный кинематограф и крестьянский зритель в 1920-е – начале 1950-х гг. // Документ. Архив. История. Современность. 2017. № 17. С. 230–244. EDN: ZMJDWD
4. Федюк А. В. Деревенский и клубный кинопрокат в СССР в условиях новой экономической политики // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2008. Т. 7, № 1. С. 147–154. EDN: ПХНАН
5. Дианова Е. В. Кино для деревни: репертуар сельских кинопередвижек 1920-х гг. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России : материалы XII Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Вып. 12. СПб., 2021. С. 129–133.

6. Дианова Е. В. Кооперативный контент советского кино 1920-х годов // Актуальные проблемы источниковедения : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (27–29 апреля 2023 г., г. Витебск). Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2023. Т. 2. С. 150–152. EDN: LTVJLK
7. Лотман Ю. М. Об искусстве: Структура художественного текста. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Статьи. Заметки. Выступления (1962–1993). СПб. : Искусство-СПб, 2005. 704 с.
8. Sadoul G. Histoire générale du cinéma. Paris : Denoël, 1973. 626 p.
9. The Red screen: Politics, socialism, art in Soviet cinema / ed. by Anna Lawton. London; New York : Routledge, 1992. 360 p.
10. Делёз Ж. Кино. М. : Ad Marginem, 2004. 624 с.
11. Каукина Р. Н. Становление кинофикации и радиофикации в Мордовии в 1920–1930-е гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2019. № 3 (51). С. 96–103. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-3-19.pdf> (дата обращения: 11.10.2023).
12. Столбова П. А. Удмуртское кино: к вопросу формирования национальной кинематографии // Байкальские встречи – XII: традиционная культура как основа сохранения и развития этнической идентичности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 2022. С. 152–158.
13. Афанасьева А. И. Великий Октябрь и становление советской культуры в Карелии, 1918–1927. Петрозаводск : Карелия, 1983. 40 с.
14. Филимончик С. Н. Образование и просвещение в Советской Карелии (1918–1939) : моногр. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013. 152 с. EDN: YTLIOX
15. Мазур Л. Н., Горбачев О. В. Советские фильмы о деревне: опыт исторической интерпретации художественного образа : моногр. М., 2022. 350 с.
16. Косинова М. И. Исследование процессов возникновения и развития кооперативного кино в период перестройки // Сервис Plus. 2020. № 4. С. 136–145. URL: <https://clck.ru/3CBVij> (дата обращения: 11.10.2023).
17. Кациграс А. И. Киноработа в деревне. М. : Кинопечать, 1926. 128 с. URL: <https://clck.ru/3CBVAC> (дата обращения: 11.10.2023)
18. Информационный бюллетень Центросоюза: орган Центрального союза потребительских обществ СССР/РСФСР. М., 1929.
19. Голдобин А. В. Как писать сценарии для кинокартин : практич. руководство. М. : Московское театральное изд-во, 1925. 110 с.
20. Бранд П. П. Под знаком роста. 10 лет Карельской потребительской кооперации // Десять лет Советской Карелии. Петрозаводск : Центральный Исполнительный комитет АКССР, 1930. С. 225–232.
21. Советские художественные фильмы. Аннотированный каталог. Т. 1. Немые фильмы (1918–1935). М. : Искусство, 1961. 528 с.
22. Удалов А., Новин К. Как должна работать потребительская кооперация в деревне. М. : Сельхозгиз, 1931. 32 с.

Поступила 09.07.2024; одобрена после рецензирования 12.08.2024; принята к публикации 19.08.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Е. В. Дианова – доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета (185910, Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7661-5181>, elena-dianowa@yandex.ru

Cooperative Cinema in Rural Distribution in Karelia in the 1920s

Elena V. Dianova

*Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia*

Introduction. The article examines films about cooperation that were part of the repertoire of cooperative film exhibitions for rural film distribution in Karelia. The relevance of the topic is determined by the visual turn in historical research and the lack of works on this topic. The purpose of the study is to study the content of rural distribution in Karelia with cooperative films that were at the disposal of the Karelian-Prioneyezhsky Union of Consumer Societies; to consider the plots and content of the films; to find out their ideological and artistic potential for conducting cooperative agitation and propaganda.

Materials and Methods. The sources of the research are the documents from the National Archive of the Republic of Karelia, materials from the funds of regional cooperative unions, the Karelian Regional Committee of the RCP (b) – CPSU (b) and the People's Commissariat of Education of the AKSSR. Along with archival documents, published materials about films of the 1920s were used. The research is based on an interdisciplinary approach. When working on the material, both general methods of the humanities (analysis and synthesis) and specific historical methods (historical narrative, statistical) were used.

Results and Discussion. The author of the article examined the works of cinema art created in the 1920s to indoctrinate cooperative ideas in rural society and shown in the villages of the Autonomous Karelian Soviet Socialist Republic. The article analyzes the repertoire of cooperative films for rural distribution; examines the plot and presents the content of films about cooperation in the 1920s. It also describes the work of cooperative film tours "to promote cinema in the village", including in rural cooperatives with a diverse national composition; it reveals a positive attitude of the audience to cooperative cinema. The significance of cinema as an important means of visual representation of cooperative ideas for the incorporation of new members into cooperatives during the NEP period is determined. The study managed to find information confirming the influence of film propaganda with the help of cooperative films on the process of involving rural residents of Karelia in cooperation, which was manifested in the development of cooperative construction, expansion of cooperative work and an increase in the number of shareholders in consumer societies.

Conclusion. At the end of the 1920s, feature films, documentaries and cartoons about cooperation made up almost half of the repertoire of film exhibitions of the Karelo-Prionezh Union of Consumer Societies. They demonstrated ways of organizing a village cooperative, reflected the participation of women in cooperation, and the importance of cooperative trade in the fight against private owners and shopkeepers. The author's conclusions contribute to the study of the development of cooperative cinematography in the 1920s as part of the general cultural and educational work of cooperative associations. The results of the study in general and the analysis of the cooperative repertoire of rural film tours in particular supplement the information on the history of culture and cinematography of Karelia and make possible the similar scientific research in other regions of the country. The practical significance of the study lies in establishing the continuity of the traditions of public organizations and the possibility of using historical experience in the socio-cultural activities of modern cooperative members in Russia.

Keywords: cooperation, cooperatives, film exhibitions, films, repertoire, village distribution, film propaganda and agitation

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Dianova E.V. Cooperative Cinema in Rural Distribution in Karelia in the 1920s. *Finn-Ugric World*. 2024;16(3):310–321. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.03.310-321>

REFERENCES

1. Mazur L.N. ["Rural" Cinema as a Historical Source: the Experience of Quantitative Analysis]. *Aktualnye Problemy Agrarnoj Istorii Vostochnoj Evropy: Istochniki i Metody Issledovaniya*. 2011; (1):344–355. (In Russ.) EDN: QOZATZ
2. Kulachkov V.V., Konova V.I. Radio Broadcasting and Cinematograph in Rural Lands of the 1920s (on the Materials of Bryansk, Smolensk and Gomel Provinces). *History: Facts and Symbols*. 2021;(1):31–38. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: POJDCQ
3. Gorbachev O.V. Village Cinema: Soviet Feature Cinematography and Rural Audience in the 1920s – Early 1950s. *Dokument. Arxiv. Istoriya. Sovremennost*. 2017;(17):230–244. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: ZMJDWD
4. Fedyuk A.V. [Rural and Club Film Distribution in the USSR under the New Economic Policy]. *Vestnik of NovSU. Seriya: Istoriya, Filologiya*. 2008;7(1):147–154. (In Russ.) EDN: IIXHAN
5. Dianova E.V. [Cinema for the Village: The Repertoire of Rural Cinemas in the 1920s]. In: *The Capital and the Province: the Relationship between the Center and Regions in the History of Russia: Proceedings of the XII All-Russian Scientific Conference with International Participation*. Issue 12. St. Petersburg; 2021. p. 129–133. (In Russ.)
6. Dianova E.V. [Cooperative Content of Soviet Cinema of the 1920s]. In: *Current Problems of Source Study: Proceedings of the VI International Conference*. 2023;2:150–152. (In Russ.) EDN: LTVJLK
7. Lotman Yu.M. [About Arts: the Structure of Artistic Text. Semiotics of Cinema and Problems of Film Aesthetics]. *Articles. Notes. Performances (1962–1993)*. St. Petersburg; 2005. (In Russ.)
8. Sadoul G. *Histoire Générale du Cinéma*. Paris: Denoël; 1973. (In France)
9. *The Red Screen: Politics, Socialism, Art in Soviet Cinema*. Anna Lawton (ed.). London; New York: Routledge; 1992. (In Eng.)
10. Deleuze J. *Cinema*. Moscow: Ad Marginem; 2004. (In Russ.)
11. Kaukina R.N. The Formation of Film-Showing and Radiobroadcasting Industries in Mordovia in the 1920s and 1930s. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2019;(3):96–103. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-3-19.pdf> (accessed: 11.10.2023).
12. Stolbova P.A. Udmurt Cinema: to the Issue of National Cinematography Formation. In: *Baikal Meetings – XII: Traditional Culture as the Basis for the Preservation and Development of Ethnic Identity: Materials of the International Conference*. Ulan-Ude; 2022. p. 152–158. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: HTUGYT
13. Afanasyeva A.I. [The Great October Revolution and the Formation of Soviet Culture in Karelia, 1918–1927]. Petrozavodsk: Karelia; 1983. (In Russ.)
14. Filimonchik S.N. [Education and Enlightenment in Soviet Karelia (1918–1939): Monograph]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University; 2013. (In Russ.) EDN: YTLIOX
15. Mazur L.N., Gorbachev O.V. [Soviet Films about the Village: an Experience of Historical Interpretation of the Artistic Image: Monograph]. Moscow; 2022. (In Russ.)
16. Kosinova M.I. [Studying the Processes of the Emergence and Development of Cooperative Cinema during "Perestroika" Period]. *Servis Plus*. 2020;(4):136–145. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3CBVij> (accessed: 11.10.2023)
17. Katsigras A.I. [Filmmaking in the Village]. Moscow: Kinoprint; 1926. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3CBVAC> (accessed: 11.10.2023).
18. [Central Union Newsletter: Body of the Central Union of Consumer Societies of the USSR/RFSFR]. Moscow; 1929. (In Russ.)
19. Goldobin A.V. [How to Write Films Scripts]. Moscow: Moscow Theater Publishing House; 1925. (In Russ.)
20. Brand P.P. [Under the Mark of Growth. 10 Years of Karelian Consumer Cooperation]. In: *Ten Years of Soviet Karelia*. Petrozavodsk; 1930. p. 225–232. (In Russ.)
21. [Soviet Feature Films]. Annotated Catalogue. T. 1. *Silent Films (1918–1935)*. Moscow: Art; 1961. (In Russ.)
22. Udalov A., Novin K. [How Consumer Cooperation Should Work in the Village]. Moscow; 1931. (In Russ.)

Submitted 09.07.2024; revised 12.08.2024; accepted 19.08.2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

E. V. Dianova – Dr.Sci. (Hist.), Associate Professor, Department of National History, Institute of History, Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University (33 Lenin Avenue, Petrozavodsk 185910, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7661-5181>, elena-dianowa@yandex.ru

Кадры среднего звена в финно-угорских республиках РСФСР в середине 1950-х – середине 1970-х гг.: динамика численности и удельного веса в общем числе рабочих и служащих

Александр Михайлович Мацук

*Институт языка, литературы и истории Коми научного центра
Уральского отделения РАН,
Сыктывкар, Россия*

Введение. Процессы реформирования системы образования в СССР во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. оказали определенное влияние на систему среднего специального образования, в том числе и в финно-угорских республиках РСФСР. Это отразилось на динамике насыщения народного хозяйства кадрами среднего звена. Цель исследования – изучение динамики численности специалистов со средним специальным образованием и их удельного веса среди всех рабочих и служащих в рамках обозначенной территории в контексте проводимой реформы образования и в последующие за этим годы.

Материалы и методы. Основу исследования составили статистические данные, позволившие проследить динамику изменения числа специалистов среднего звена и их удельного веса в народном хозяйстве финно-угорских республик РСФСР в середине 1950-х – середине 1970-х гг. Исследование базируется на сравнительно-историческом и системном подходах с использованием метода статистического анализа информации.

Результаты исследования и их обсуждение. Проведенное исследование динамики изменения числа и удельного веса кадров со средним специальным образованием в народном хозяйстве пяти финно-угорских республик РСФСР определило положительную закономерность, сохранявшуюся на протяжении всего изучаемого периода. Общий рост численности специалистов среднего звена зафиксирован на отметке более чем в 4 раза. Показатель удельного веса этой группы в общем объеме рабочих и служащих увеличился на 6 %. Имеющиеся статистические данные позволили зафиксировать наибольший прирост как численности, так и удельного веса изучаемых специалистов в первые годы проведения реформы образования в стране, когда народное хозяйство имело максимальный приток выпускников, прошедших обучение в дореформенный период. В 1960–1965 гг. динамика увеличения этих показателей существенно замедляется, что свидетельствует о влиянии негативных факторов проводимой реформы. В постреформенный период отмечено усиление темпа роста численности и удельного веса специалистов среднего звена.

Заключение. Полученные результаты могут быть использованы в качестве основы для изучения вопросов государственной политики комплектования народного хозяйства профессиональными кадрами в обозначенный период, а также при исследовании истории системы среднего специального образования в целом. Обозначенные в результате исследования общие закономерности изменения численности кадров среднего звена, занятых в народном хозяйстве пяти финно-угорских республик РСФСР в 1955–1975 гг., а также отмеченные особенности данного процесса в отдельных республиках на фоне проведения реформы образования в стране и в постреформенные годы позволяют в дальнейшем провести анализ схожих процессов в других регионах страны.

Ключевые слова: среднее специальное образование, финно-угорские республики РСФСР, кадры, народное хозяйство, численность, удельный вес

Финансирование: публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мацук А. М. Кадры среднего звена в финно-угорских республиках РСФСР в середине 1950-х – середине 1970-х гг.: динамика численности и удельного веса в общем числе рабочих и служащих // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 3. С. 322–333. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.03.322-333>

Введение

С начала 1950-х гг. в финно-угорских республиках РСФСР действовало значительное количество средних специальных учебных заведений, готовивших специалистов для различных отраслей народного хозяйства (прежде всего местного). Например, в 1950 г. по данным статистических сборников на изучаемой территории квалифицированных специалистов готовили 86 ССУЗов, общее количество учащихся в которых насчитывало 25,4 тыс. чел.¹ Начиная с середины 1950-х гг., сеть средних специальных учебных заведений уменьшается в результате проведения в стране реформы образования, сокращается и число подготавливаемых кадров. Так, если в 1955 г. на изучаемой территории функционировало 82 ССУЗа, в стенах которых проходили обучение 31,8 тыс. учащихся, то к 1960 г. их количество сократилось до 67 с общим числом обучающихся в 30 тыс. чел.²

Оценка результатов проводимой реформы [1–4] позволила правительству Н. С. Хрущева предпринять определенные действия по нивелированию ее негативных последствий, в результате чего уже к середине 1960-х гг. число техникумов и училищ на интересующей нас территории увеличилось до 83, а количество учащихся выросло с 30 тыс. до 65,5 тыс. чел. (более чем в 2 раза³). В последующие годы данная тенденция сохранялась, благодаря чему к середине 1970-х гг. общее количество ССУЗов, работавших в финно-угорских республиках, составило 92 учреждения с общим количеством учащихся в 85,6 тыс. чел.⁴

Описанные процессы оказали прямое влияние на насыщение отраслей народного хозяйства изучаемой территории квалифицированными кадрами. Цель данного исследования – проследить динамику общей численности и удельного веса специалистов среднего звена среди всех рабочих и служащих в финно-угорских республиках в сере-

дине 1950-х – середине 1970-х гг., а также выделить особенности данной динамики на фоне проведения реформы образования в стране и в постреформенные годы.

Обзор литературы

В имеющейся научной литературе по истории финно-угорских республик РСФСР с разной степенью освещенности присутствует рассмотрение как проблемы подготовки квалифицированных специалистов среднего звена, так и ситуации с обеспеченностью тех или иных отраслей народного хозяйства данными специалистами.

Например, в фундаментальных трудах по истории отдельных республик встречаются конкретные данные о численности занятых в определенных отраслях экономики и социальной сферы специалистов со средним специальным образованием за отдельные годы. Так, в работе «История Удмуртии: XX век» не только показана динамика подготовки специалистов среднего звена в середине 1940–1950-х гг., но и даны сведения о комплектовании данными специалистами сельскохозяйственной сферы республики, а также сведения об их численности в данной сфере (наряду с кадрами с высшим образованием) в конце 1950-х – начале 1960-х гг. [5]. В первом томе монографии «Культура Мордовии. XX век» продемонстрирована заметная положительная динамика увеличения специалистов среднего звена, занятых в народном хозяйстве республики в предвоенный период [6], а в двухтомнике «Мордовия в послевоенный период» прослежена динамика учащихся и выпускников техникумов и училищ республики за период середины 1940-х – начала 1950-х гг., значительная часть которых в дальнейшем пополняла кадровый массив специалистов в народном хозяйстве республики [7]. В двух томах монографии «Мордовия в период реформ Н. С. Хрущева» представлены све-

¹ Подсчитано по: Культурное строительство РСФСР. Стат. сб. М. : Госстатиздат, 1958. С. 354–357; 360–363; 370–371.

² Подсчитано по: Культурное строительство РСФСР. Стат. сб. М. : Госстатиздат, 1958. С. 354–357; 360–363; 370–371; Народное хозяйство РСФСР в 1960 году. Статистический ежегодник. М. : Госстатиздат ЦСУ СССР, 1961. С. 496–497.

³ Подсчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1965 году. Статистический ежегодник. М. : Статистика, 1966. С. 471–472.

⁴ Подсчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1975 году. Статистический ежегодник. М. : Статистика, 1976. С. 456–457.

дения о численности специалистов среднего звена, занятых в ряде отраслей народного хозяйства республики во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. (на предприятиях Мордовского совнархоза, в сельском хозяйстве, сфере связи, образования), во втором томе приведены статистические данные о числе рассматриваемых специалистов с разбивкой по группам специальностей за указанный период [8]. В обобщающих работах по истории Коми АССР за отдельные годы приведены сведения о численности специалистов среднего звена, работающих в различных отраслях народного хозяйства, а также в целом об изменении уровня образования населения республики [9; 10].

Кроме того, в некоторых из подобных работ затронуты отдельные вопросы специфики подготовки кадров училищами и техникумами. Например, отмечены реализация политики по преодолению дефицита профессиональных кадров в послевоенное время в Мордовской АССР, а также заметное смещение фокуса на увеличение подготовки молодых специалистов [7]. В «Истории Удмуртии» подчеркивается, что число специалистов среднего звена по республике отставало от общесоюзных показателей, несмотря на рост численности учащихся техникумов и училищ во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. [5].

Авторы монографических исследований, посвященных аспектам подготовки специалистов в отдельных финно-угорских республиках, а также освещающих вопросы развития социально-экономической и культурной сфер, привели данные за определенные периоды о численности специалистов среднего звена в народном хозяйстве и в отдельных отраслях, в ряде случаев с указанием проблемных моментов процесса комплектования кадрами среднего звена. Так, Я. Н. Безносиковым приводятся данные о численности специалистов со средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве Коми АССР, в конце 1950-х – середине 1960-х и начале 1970-х гг., подсчитан их удельный вес в ряде отраслей народного хозяйства республики в конце 1950-х гг. Им отмечены и недостатки процесса подготовки кадров среднего звена, в частности отсутствие техникумов для под-

готовки специалистов новых на тот период отраслей промышленности – строительства и торговли. Также автор приводит подробные статистические данные о числе изучаемых специалистов с разбивкой по 17 группам специальностей за 1959 г. [2; 11]. А. К. Гагиева в работе, посвященной исследованию кооперативного образования во второй половине XX в., проследила динамику изменения численности кадров со средним специальным образованием в системе потребительской кооперации в Коми АССР за период 1960–1980-х гг., выделив их удельный вес в общем количестве работников данной сферы [12]. А. А. Попов и А. Ф. Сметанин привели данные об образовательном уровне педагогических кадров и работников сельских культпросвет учреждений по областям и республикам Европейского Севера РСФСР в динамике за 1960 – середину 1980-х гг. [13].

А. Э. Зусин в монографии «Социокультурное развитие Мордовии» привел статистические данные о подготовке специалистов среднего звена для различных отраслей народного хозяйства Мордовской АССР за период 1970–1980-х гг. [14]. И. Г. Кильдюшкина подчеркнула, что Мордовская АССР во второй половине 1980-х гг. занимала среднее место среди субъектов РСФСР по числу учащихся средних специальных учебных заведений, а число специалистов среднего звена в народном хозяйстве республики за это время выросло на 4 тыс. чел. [15].

В. И. Рыбалка указал на образовательный уровень работников культпросвет учреждений в Марийской АССР в середине 1950-х и 1960-х гг., подчеркивая недостаток подготовки кадров среднего звена для сельских учреждений культуры в данное время [16]. А. П. Обухов отметил увеличение за 1960-е гг. числа жителей Удмуртской АССР со средним специальным образованием, а также привел статистические данные о числе учащихся (за 1940, 1950, 1960 и 1970 гг.) и выпускников (за 1940, 1955, 1960, 1970 гг.) средних специальных учебных заведений республики [17].

В нашей работе показана динамика увеличения количества средних специальных учебных заведений и численности учащихся

в областях и республиках Европейского Севера РСФСР в 1950–1980-х гг., содержатся данные о числе специалистов со средним специальным образованием в указанные временные рамки с разбивкой по отдельным областям и республикам (в том числе двум финно-угорским) [18].

Ряд авторов в своих исследованиях затрагивают аспекты подготовки кадров среднего звена для народного хозяйства областей и республик РСФСР. В некоторых из них рассмотрен только вопрос численности специалистов со средним специальным образованием в одной или нескольких сферах народного хозяйства отдельных регионов. Так, Е. Н. Бикейкин в соавторстве с Т. Ю. Задковой приводят данные о численности специалистов с высшим и средним специальным образованием, занятых в сельскохозяйственном секторе Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в первой половине 1960-х гг. Авторы отметили образовательный уровень кадрового состава руководящих работников МТС Мордовии в 1953 и 1957 гг., а также сделали вывод об улучшении кадрового состава данной сферы народного хозяйства за указанный период. Однако, несмотря на предпринятые попытки реформирования аграрного сектора в рамках исследуемой территории, недостаток квалифицированных кадров все еще являлся острой проблемой [19].

В. И. Рыбалка в своей статье проанализировал проблему подготовки кадров для сельских учреждений культуры в Марийской АССР во второй половине 1940-х – середине 1980-х гг., указав на объективные причины потребности в специалистах с высшим и средним специальным образованием. Автором приводятся данные о численности специалистов, рассмотрена работа правительства республики по решению озвученной проблемы, сделан вывод, что нехватка квалифицированных кадров все еще была ощутимой к концу исследуемого периода, хоть и не такой острой как ранее, несмотря на усиление вектора работы по подготовке специалистов [20].

А. В. Ломшин рассмотрел вопрос подготовки кадров для аграрного сектора Мордовской АССР в середине 1950-х – середине

1960-х гг. Им приведены данные о численности специалистов среднего звена, занимавших как руководящие должности, так и непосредственно занятых в сельскохозяйственном производстве, с выделением ряда специальностей (агрономы, зоотехники, ветеринарные врачи и лесоводы). Кроме того, он обозначил проблему нехватки кадров с высшим и средним специальным образованием, занятых в сфере образования и культуры села, подчеркивая неудачные попытки местных и центральных органов власти по решению данной проблемы [21].

Можно отметить еще ряд схожих по проблематике статей, относящихся, например, к областям и республикам Европейского Севера РСФСР [22; 23].

Несмотря на количество представленных работ по обозначенному вопросу, динамика численности кадров со средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве финно-угорских республик в годы проведения реформы образования в СССР и в постреформенный период, а также их удельного веса среди всех рабочих и служащих в научной литературе исследована фрагментарно. Нами ранее была начата проработка озвученного вопроса, представленная в нескольких статьях [24; 25], однако настоящее исследование позволяет взглянуть на изучаемую проблему в более расширенных временных рамках, затрагивающих как период реформы народного образования, так и постреформенные годы. В исследовании освещается вопрос динамики соотношения кадров среднего звена в общем объеме всех специалистов, занятых в народном хозяйстве финно-угорских республик РСФСР.

Материалы и методы

Основным материалом для проведения исследования, представленного в данной статье, стали статистические данные, находящиеся в ежегодниках «Народное хозяйство РСФСР», изданных в 1950–1970-х гг. При проведении исследования были использованы системный и сравнительно-исторический подходы. Метод статистического анализа при работе с информацией, ее компоновка в табличную форму и в виде диаграммы позволили не только наглядно продемонстрировать имеющиеся по

исследуемой проблеме данные, но и провести их детальный анализ, сравнение и сопоставление с учетом исторического контекста.

Результаты исследования и их обсуждение

Согласно статистическим данным об общей численности всех рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве финно-угорских республик РСФСР, и о числе специалистов среднего звена, можно проследить динамику изменения изучаемой группы в ко-

личественном аспекте, выделив удельный вес этой группы в общем объеме (таблица).

Приведенные данные продемонстрировали рост числа специалистов среднего звена с 67,1 тыс. до 279,5 тыс. чел. (более чем в 4 раза) на протяжении 1955–1975 гг. на изучаемой территории. По отдельным республикам картина была следующей: в Карельской АССР количество специалистов со средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве, увеличилось в 4,2 раза (с 11,8 до

Таблица. Изменения в численности специалистов среднего звена, рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве финно-угорских республик РСФСР в 1955–1975 гг., тыс. чел.

Table. Changes in the number of mid-level specialists, workers and employees employed in the national economy of the Finno-Ugric Republics of the RSFSR in 1955–1975, thousand people

Финно-угорские республики РСФСР / Finno-Ugric Republics of the RSFSR	Численность / Number of people	Годы / Years				
		1955	1960	1965	1970	1975
Карельская АССР / Karelian ASSR	Рабочих и служащих всего / Total number of workers and employees	241	294	332	343	370
	В том числе специалистов среднего звена / Including mid-level specialists	11,8	22,3	26,7	36,8	49,7
Коми АССР / Komi ASSR	Рабочих и служащих всего / Total number of workers and employees	295	367	440	498	560
	В том числе специалистов среднего звена / Including mid-level specialists	13,1	25,6	35,5	52,3	75,2
Марийская АССР / Mari ASSR	Рабочих и служащих всего / Total number of workers and employees	120	151	175	222	276
	В том числе специалистов среднего звена / Including mid-level specialists	9,4	15,1	18,7	25,2	34,4
Мордовская АССР / Mordovian ASSR	Рабочих и служащих всего / Total number of workers and employees	137	192	246	303	354
	В том числе специалистов среднего звена / Including mid-level specialists	13,3	19,2	25,4	35,0	44,8
Удмуртская АССР / Udmurt ASSR	Рабочих и служащих всего / Total number of workers and employees	300	376	439	524	593
	В том числе специалистов среднего звена / Including mid-level specialists	19,5	33,1	41,8	57,2	75,4

Источник: составлено по материалам⁵.

Source: Compiled based on materials⁵.

⁵ Народное хозяйство РСФСР. Стат. сб. М. : Госстатиздат, 1957. С. 275–276; Народное хозяйство РСФСР в 1958 году. Статистический ежегодник. М. : Госстатиздат, 1959. С. 370–371; Народное хозяйство РСФСР в 1960 году. Статистический ежегодник. М. : Госстатиздат ЦСУ СССР, 1961. С. 399–400; 407–408; Народное хозяйство РСФСР в 1965 году. Статистический ежегодник. М. : Статистика, 1966. С. 407; Народное хозяйство РСФСР в 1972 году. Статистический ежегодник. М. : Статистика, 1973. С. 366; Народное хозяйство РСФСР в 1970 году. Статистический ежегодник. М. : Статистика, 1971. С. 348–349; Народное хозяйство РСФСР в 1975 году. Статистический ежегодник. М. : Статистика, 1976. С. 362–363; 366.

49,7 тыс. чел.), в Коми АССР – в 5,7 раза (с 13,1 до 75,2 тыс. чел.), в Марийской АССР – в 3,7 раза (с 9,4 до 34,4 тыс. чел.), в Мордовской АССР – в 3,4 раза (с 13,3 до 44,8 тыс. чел.) и в Удмуртской АССР – в 3,9 раза (с 19,5 до 75,4 тыс. чел.).

Рассматривая изменение показателя численности изучаемой группы специалистов по приведенным в таблице временным отрезкам, укажем его динамику по финно-угорским республикам за каждые 5 лет исследуемого периода. Так, в Карельской АССР в промежутке от 1955 до 1960 гг. количество занятых в различных отраслях народного хозяйства специалистов со средним специальным образованием увеличилось в 1,9 раза; на временном отрезке 1960–1965 гг. – в 1,2 раза; на отрезках 1965–1970 и 1970–1975 гг. – в 1,4 и 1,3 раза соответственно. В Коми АССР за 1955–1960 гг. численный состав исследуемой группы увеличился, как и в Карельской АССР, в 1,9 раз; за 1960–1965 гг. – в 1,4 раза; за последующие два 5-летних отрезка – в 1,5 и 1,4 раза соответственно.

В Марийской АССР численность изучаемой группы специалистов в народном хозяйстве возросла за 1955–1960 гг. в 1,6 раз, за 1960–1965 гг. – в 1,2 раза, за 1965–1970 и 1970–1975 гг. – в 1,3 и 1,4 раза соответственно. В Мордовской АССР рост данного показателя был зафиксирован на отрезке 1955–1960 гг. в 1,4 раза; на отрезке 1960–1965 гг. – в 1,3 раза; на последующих отрезках – в 1,4 и 1,3 раза. В Удмуртской АССР в первом из рассматриваемых временных отрезков число специалистов со средним специальным образованием показало рост в 1,7 раза. В последующие периоды увеличение этого показателя было таким же, как и в Мордовской АССР.

Как видно из приведенной динамики, наибольшее увеличение численности интересующей нас группы специалистов относительно предыдущего значения отмечено в период 1955–1960 гг. в большинстве финно-угорских республик, в то время как в следующий 5-летний период на большей части исследуемой территории происходит заметное снижение темпов увеличения их количества. Эти данные свидетельствуют о наличии негативных факторов проводимой во второй половине 1950-х гг. реформы об-

разования, повлиявших на систему среднего специального образования, из-за чего уже в 1960–1965 гг. приток выпускников ССУЗов в народное хозяйство заметно уменьшился. После попытки корректировки результатов проводимой реформы видно, что негативная тенденция замедления динамики роста численности специалистов была остановлена, однако до середины 1970-х гг. темп прироста этой группы не достиг уровня 1955–1960 гг.

Удельный вес специалистов среднего звена в общем объеме рабочих и служащих за изучаемый период вырос в финно-угорских республиках в среднем более чем на 6 %. В отдельных республиках данный показатель был неравнозначным. Например, если в Карельской и Коми АССР прирост удельного веса интересующей нас группы служащих составил за 20 лет 8,5 % и 9 % соответственно, то в Марийской, Мордовской и Удмуртской АССР он был зафиксирован на уровне 4,7 %, 3 % и 6,2 % соответственно.

Более подробно изменение удельного веса исследуемой категории можно проследить по диаграмме (рисунок). Приведенные в ней данные позволяют определить динамику изменения этого показателя по 5-летним отрезкам и выделить основные точки роста на протяжении изучаемых 20 лет.

Согласно информации из представленной диаграммы, в Карельской АССР отмечен стабильный рост показателя удельного веса специалистов среднего звена на отрезках 1955–1960, 1965–1970 и 1970–1975 гг., где его увеличение составило 2,7 % на каждом отрезке. Однако в период 1960–1965 гг. рост удельного веса изучаемой группы составил лишь 0,4 %.

В Коми АССР удельный вес специалистов показал заметное увеличение на таких же временных отрезках, как и в предыдущем примере, составив 2,6 %, 2,4 % и 2,9 %. За 1960–1965 гг. рост удельного веса здесь зафиксирован на уровне 1,1 %.

В Удмуртской АССР общая тенденция изменения удельного веса специалистов со средним специальным образованием была схожей с упомянутыми ранее республиками, однако отличалась меньшей интенсивностью. На отрезке 1955–1960 гг. этот показатель увеличился на 2,3 %, в 1960–1965 гг. – на 0,7 %. В 1965–1970 и 1970–1975 гг. увели-

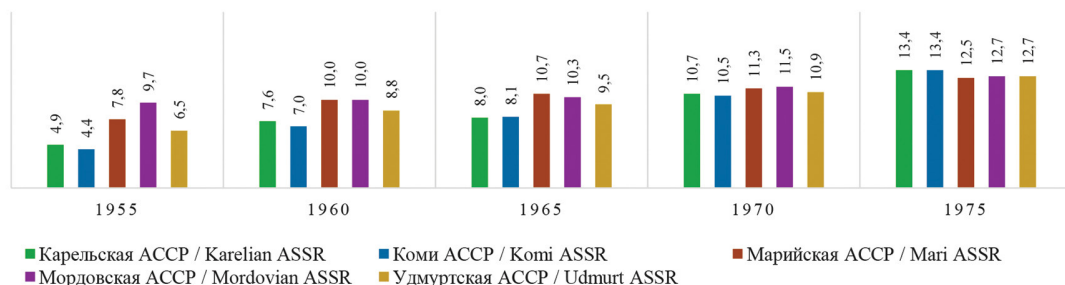

Рисунок. Динамика изменения удельного веса специалистов среднего звена среди рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве финно-угорских республик РСФСР в 1955–1975 гг., %

Figure. Dynamics of changes in the share of mid-level specialists among workers and employees employed in the national economy of the Finno-Ugric Republics of the RSFSR in 1955–1975, %

Источник: диаграмма составлена с помощью анализа данных, содержащихся в таблице.
Source: The diagram is developed by analyzing the data contained in the table.

чение удельного веса исследуемой группы составило 1,4 % и 1,8 % соответственно.

Несколько иная картина складывается в других финно-угорских республиках РСФСР. Так, в Марийской АССР максимальный прирост удельного веса служащих в народном хозяйстве со средним специальным образованием зафиксирован лишь в период 1955–1960 гг., когда он составил 2,2 %. На временных отрезках 1960–1965 и 1965–1970 гг. увеличение этого показателя составило лишь 0,7 и 0,6 % соответственно. В последнем из рассматриваемых отрезков показатель удельного веса данных специалистов несколько возрос и составил 1,2 %.

В Мордовской АССР динамика изменения рассматриваемого показателя также выделяется из общей картины: на отрезках 1955–1960 и 1960–1965 гг. прирост удельного веса выделенной группы специалистов составил лишь 0,3 %, а на последующих временных отрезках – 1,2 % в каждом.

Заключение

Таким образом, в рамках изучаемого периода (годы проведения правительством Н. С. Хрущева реформы образования в СССР и постреформенный период) удалось проследить динамику изменения численности специалистов со средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве финно-угорских

республик РСФСР и динамику изменения их удельного веса относительно общего объема рабочих и служащих в различных отраслях экономики и социально-культурной сферы. Имеющиеся статистические данные показали положительную динамику общего роста изучаемой группы специалистов на территории указанных республик – в среднем более чем в 4 раза. То же касается и показателя их удельного веса, который вырос за указанный период более чем на 6 %.

Однако как в отдельных финно-угорских республиках в целом, так и в отдельные временные отрезки изучаемого периода фиксируются особенности и различия в изменении показателей численности и удельного веса специалистов среднего звена, что подробно показано в тексте. Следует обратить внимание на наличие пиковых показателей приведенной динамики в большинстве исследуемых республик. Так, наибольший прирост численности изучаемой группы специалистов и их удельного веса среди всех рабочих и служащих отмечен в период 1955–1960 гг., когда в народное хозяйство шел поток выпускников ССУЗов, прошедших обучение в дореформенный период и первые годы реформы образования.

В последующее 5-летие зафиксировано общее снижение роста количественного показателя этой группы по республикам и заметная просадка увеличения их удель-

ного веса, что выделяется как маркер проведения основных этапов реформы образования. В следующие два 5-летних отрезка исследуемого периода, несмотря на низкий показатель динамики роста численности изучаемых специалистов, в большинстве

финно-угорских республик улучшается динамика увеличения их удельного веса среди всех рабочих и служащих в народном хозяйстве, что косвенно свидетельствует о шагах по нивелированию негативных моментов проведенной реформы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бархатова С. В. Подготовка и состав специалистов высшей и средней квалификации в Карелии в послевоенные годы (1945–1960) : препр. докл. на заседании Учен. совета Ин-та яз., лит. и истории. Петрозаводск : КФ АН СССР, 1988. 39 с.
2. Безносиков Я. Н. Развитие народного образования в Коми АССР. Сыктывкар : Коми книжное изд-во, 1973. 175 с.
3. Мацук А. М. Реформирование системы среднего специального образования в РСФСР в середине 1950-х годов: причины и последствия // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2019. № 3. С. 29–63. EDN: YNWPIT
4. Мацук А. М. Среднее специальное педагогическое образование в Коми АССР в середине 1950-х – начале 1960-х годов (к вопросу о результативности реформы образования Н. С. Хрущева в СССР) // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2021. № 4. С. 79–87. <https://doi.org/10.19110/1994-5655-2021-4-79-87>
5. История Удмуртии: XX век : моногр. / О. И. Васильева [и др.]. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 544 с.
6. Культура Мордовии. XX век : моногр. / под ред. Г. А. Куршевой. Саранск : НИИГН, 2018. Т. 1. 484 с. EDN: FDZHKZ
7. Мордовия в послевоенный период. 1945–1953 гг. / под ред. Е. Н. Бикейкина, В. А. Юрчёнкова [и др.]. Саранск : НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2015. Т. 2. 388 с.
8. Мордовия в период реформ Н. С. Хрущева. 1953–1964 гг. : моногр. : в 2 т. / под ред. Г. А. Куршевой [и др.]. Саранск : НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2022.
9. История Коми с древнейших времен до конца XX века / под общ. ред. А. Ф. Сметанина. Т. 2. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 2004. 704 с. EDN: QOUTXR
10. История Коми с древнейших времен до современности : в 2 т. / под общ. ред. И. Л. Жеребцова, А. А. Попова, А. Ф. Сметанина. 2-е изд., испр. и доп. Сыктывкар : Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2011. Т. 2. 688 с. EDN: TNOUDF
11. Безносиков Я. Н. Культурная революция в Коми АССР : моногр. М. : Наука, 1968. 294 с.
12. Гагиева А. К. Кооперативное образование в России во второй половине XX века (по материалам Республики Коми). Саратов : Научная книга, 2005. 112 с.
13. Попов А. А., Сметанин А. Ф. Советская северная деревня в 60-е – первой половине 80-х годов : моногр. Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 1995. 146 с.
14. Зусин А. Э. Социокультурное развитие Мордовии. Вторая половина 1960-х – середина 1980-х гг. Саранск, 2006. 368 с. URL: <http://www.niign.ru/knigi/socziokulturnoe-razvitie.pdf> (дата обращения: 09.03.2024).
15. Кильдюшкина И. Г. Республика Мордовия: история, экономика, проблемы (Вторая половина 1980-х – середина 1990-х гг.) : моногр. Саранск : НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2011. 256 с. URL: <https://clck.ru/3CkxVg> (дата обращения: 11.02.2024).
16. Рыбалка В. И. Марийская деревня (1946–1965 гг.). Материальное положение колхозного крестьянства и культурно-просветительская работа. Йошкар-Ола : МПИК, 2002. 262 с.
17. Обухов А. П. Народное образование в Удмуртской АССР (1917–1970 гг.). Ижевск : Удмуртия, 1972. 229 с.
18. Мацук А. М. Среднее специальное образование на Европейском Севере России в 1950–1980-е годы: историография и источники. Сыктывкар : ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2019. 172 с.
19. Бикейкин Е. Н., Задкова Т. Ю. Проблема кадров в аграрном производстве в условиях модернизации второй половины 1950-х начала 1960-х годов (по материалам Марийской, Мордовской и Чувашской АССР) // Вестник Чувашского государственного университета. 2009. № 3. С. 12–20. URL: <https://clck.ru/3CkyU2> (дата обращения: 11.02.2024).
20. Рыбалка В. И. Подготовка кадров для сельских учреждений культуры Марийской АССР в 1946–1985 годах // Вестник Чуваш-

- ского государственного университета. 2013. № 1. С. 29–31. URL: https://www.chuvsu.ru/wp-content/uploads/2020/04/2013_1.pdf (дата обращения: 20.02.2024).
21. Ломшин А. В. Подготовка кадров сельской интеллигенции Мордовии в 1955–1965 гг. // Вестник Чувашского государственного университета. 2010. № 2. С. 50–54. URL: <https://clck.ru/3CU2e9> (дата обращения: 09.03.2024).
22. Изюмова Л. В. Специалисты сельского хозяйства в колхозном производстве Европейского Севера России 1930 – 1960-х гг. // Проблемы развития территории. 2013. № 3 (65). С. 116–123. URL: https://pdt.vscs.ac.ru/article/1068/full?_lang=ru (дата обращения: 09.03.2024).
23. Уханова Ю. В. Формирование кадров сельскохозяйственных интеллектуалов Европейского севера России в 1930–1960 гг. (на материалах Вологодской и Архангельской областей) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 3. Т. 2. С. 40–43. URL: https://www.booksite.ru/chgu/2012/vestnik_chgu_3_T2-2012.pdf (дата обращения: 11.02.2024).
24. Мацук А. М. Динамика численности и удельного веса специалистов среднего звена в народном хозяйстве Европейского Севера РСФСР во второй половине 1950-х – начале 1960-х годов // Известия Коми научного центра УрО РАН. Сер.: История и филология. 2023. № 1 (59). С. 147–154. <https://doi.org/10.19110/1994-5655-2023-1-147-154>.
25. Мацук А. М. Специалисты среднего звена в финно-угорских республиках РСФСР во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 1. С. 53–64. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.01.53-64>

Поступила 09.07.2024; одобрена после рецензирования 07.08.2024; принята к публикации 14.08.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. М. Мацук – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9072-3904>, almmatsuk@gmail.com

Mid-Level Personnel in the Finno-Ugric Republics of the RSFSR in the mid-1950s – mid-1970s: Proportion within the Total Number of Workers and Employees

Alexander M. Matsuk

*Institute of Language, Literature and History,
Komi Science Centre,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russia*

Introduction. The processes of reforming the education system in the USSR in the second half of the 1950s – early 1960s had a certain impact on the system of secondary specialized education, including in the Finno-Ugric republics of the RSFSR. This, in turn, affected the dynamics of saturation of the national economy with mid-level personnel. The aim of the study is to examine the dynamics of the number of specialists with secondary vocational education and their proportion among all workers and employees within the specified territory in the context of the ongoing education reform and in the subsequent years.

Materials and Methods. The basis of the research presented in the article was statistical data that made it possible to trace the dynamics of changes in the number of mid-level specialists and their share in the national economy of the Finno-Ugric Republics of the RSFSR in the mid-1950s – mid-1970s. The research is based on comparative historical and systematic approaches, using the method of statistical information analysis.

Results and Discussion. The conducted study of the dynamics of changes in the number and proportion of middle-level specialists with secondary specialized education in the national economy of the five Finno-Ugric republics of the RSFSR revealed a positive trend that persisted throughout the studied period. The overall growth in the number of middle-level specialists was recorded at more than 4 times. The proportion of this group in the total number of workers and employees increased by more than 6%. Available statistical data showed the highest growth both in terms of number and proportion of these specialists in the early years of the education reform in the country, when there was a maximum influx of graduates who had completed their education before the reform. From 1960 to 1965, the dynamics of these indicators significantly slowed down, indicating the impact of negative factors from the ongoing reform. In the post-reform period, there was an observed acceleration in the growth rate of both the number and proportion of middle-level specialists.

Conclusion. The results obtained from this study can be used both as a basis for examining issues related to state policy on staffing the national economy with professional personnel during the specified period and for researching the history of the system of secondary specialized education in general. The general patterns identified in the study regarding changes in the number of mid-level staff employed in the national economy of the five Finno-Ugric republics of the RSFSR from 1955 to 1975, as well as the noted peculiarities of this process in individual republics against the backdrop of educational reforms in the country and the post-reform years, allow for further analysis of similar processes in other regions of the country.

Keywords: secondary specialized education, Finno-Ugric republics of the RSFSR, personnel, national economy, number, share

Funding: The publication was prepared within the framework of the implementation of the state assignment of the Federal Research Center of Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Matsuk A.M. Mid-Level Personnel in the Finno-Ugric Republics of the RSFSR in the mid-1950s – mid-1970s: Proportion within the Total Number of Workers and Employees. *Finno-Ugric World*. 2024;16(3):322–333. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.03.322-333>

REFERENCES

1. Barkhatova S.V. [Training and Composition of Highly Qualified and Mid-Level Specialists in Karelia in the Post-War Years (1945–1960)]: Preprint of the Report at the Meeting of the Academic Council of the Institute of Language, Literature and History of the Karelian Branch of the USSR Academy of Sciences. Petrozavodsk; 1988. (In Russ.)
2. Beznosikov Ia.N. [Development of Public Education in the Komi ASSR]. Syktyvkar; 1973. (In Russ.)
3. Matsuk A.M. Reforming the Secondary Specialized Education System in the RSFSR in the Mid-1950s: Causes and Consequences. *Historical and Cultural Problems of Northern Countries and Regions*. 2019;(3):29–63. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: YNWPIT
4. Matsuk A.M. Secondary Special Pedagogical Education in the Komi ASSR in the Mid–1950s – Early 1960s (on the Problem of the Effectiveness of N. S. Khrushchev’s Education Reform in the USSR). *Izvestiia Komi Nauchnogo Tsentra UrO RAN*. 2021;(4):79–87. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19110/1994-5655-2021-4-79-87>
5. Vasilyeva O.I. [History of Udmurtia: XX Century: Monograph]. Izhevsk; 2005. (In Russ.)
6. Kursheva G.A., ed. [Culture of Mordovia. XX Century: Monograph]. Saransk; 2018. (In Russ.) EDN: FDZHKZ
7. Bikeykin E.N., ed., et al. [Mordovia in the Post-War Period. 1945–1953]. Saransk; 2015. (In Russ.)
8. Kursheva G.A., ed. [Mordovia During the Period of N. S. Khrushchev’s Reforms. 1953–1964: Monograph]. Saransk; 2022 (In Russ.)
9. Smetanin A.F., ed. [History of Komi from Ancient Times to the end of the 20th Century]. Syktyvkar; 2004. (In Russ.) EDN: QOUTXR
10. Zherebtsov I.L., Popov A.A., Smetanin A.F., ed. [The History of Komi from Ancient Times to the Present]. 2nd ed., Corrected and Enlarged]. Vol. 2. Syktyvkar; 2011. (In Russ.) EDN: TNOUDF
11. Beznosikov Ia.N. [Cultural Revolution in the Komi ASSR: Monograph]. Moscow; 1968. (In Russ.)
12. Gagieva A.K. [Cooperative Education in Russia in the Second Half of the XX Century: (Based on the Materials of the Komi Republic)]. Saratov; 2005. (In Russ.)
13. Popov A.A., Smetanin A.F. [Soviet Northern Village in the 60s – First Half of the 80s]: Monograph. Syktyvkar; 1995. (In Russ.)
14. Zusin A.E. Sociocultural Development of Mordovia. The Second Half of the 1960th – the Middle of 1980th. Saransk; 2006. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://www.niign.ru/knigi/socziokulturnoe-razvitie.pdf> (accessed 09.03.2024).
15. Kildiushkina I.G. The Republic of Mordovia: History, Economics, Problems (the Second Half of 1980s – the Middle of 1990s): Monograph. Saransk; 2011. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3CkxVg> (accessed 11.02.2024).
16. Rybalka V.I. [Mari Village (1946–1965). The Financial Situation of the Collective Farm Peasantry and Cultural and Educational Work]. Yoshkar-Ola; 2002. (In Russ.)
17. Obukhov A.P. [Public Education in the Udmurt ASSR (1917–1970)]. Izhevsk; 1972. (In Russ.)
18. Matsuk A.M. [Vocational Education in the European North of Russia in the 1950s–1980s: Historiography and Sources]. Syktyvkar; 2019. (In Russ.)
19. Bikeykin E.N., Zadkova T.Iu. Personnel Problem in Agrarian Production under Conditions of the Second Half of 1950s – the Beginning of 1960s Modernization (by Materials of the Mari, Mordovian and Chuvash SSRS)]. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta*. 2009;(3):12–20. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3CkyU2> (accessed 11.02.2024).
20. Rybalka V.I. Staff Training for Rural Cultural Institutions of Mari ASSR in 1946–1985. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta*. 2013;(1):29–31. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://www.chuvsu.ru/wp-content/uploads/2020/04/2013_1.pdf (accessed 20.02.2024).
21. Lomshin A.V. Training of Mordovia Rural Intelligentsia in 1955–1965. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta*. 2010;(2):50–54. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3CU2e9> (accessed: 09.03.2024).
22. Iziyomova L.V. [Agricultural Specialists in Collective Farm Production in the European North of Russia in the 1930s–1960s]. *Problemy Razvitiia Territorii*. 2013;(3):116–123. (In Russ.) Available at: http://pdt.vscc.ac.ru/article/1068/full?_lang=ru (accessed 09.03.2024).
23. Ukhanova Iu.V. Formation of the Staff of Agricultural Intellectuals of the European North of Russia in 1930–1960 (on the Materials of Vologda and Arkhangelsk Regions). *Vestnik Cherepovetskogo Universiteta*. 2012;2(3):40–43. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://www.booksite.ru/chgu/2012/vestnik_chgu_3_T2-2012.pdf (accessed 11.02.2024).
24. Matsuk A.M. Dynamics of the Number and Share of Mid-Level Specialists in the National Economy of the European North of the RSFSR in the Second Half of the 1950s – Early 1960s. *Izvestiia Komi nauchnogo tsentra UrO RAN. Ser.: Istorii i filologiiia*. 2023;(1):147–154. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19110/1994-5655-2023-1-147-154>

25. Matsuk A.M. Mid-Level Specialists in the Finno-Ugric Republics of the RSFSR in the Second Half of the 1950s – Early 1960s. *Finno-*

Ugric World. 2023;15(1):53–64. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.01.53-64>

Submitted 09.07.2024; revised 07.08.2024; accepted 14.08.2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. M. Matsuk – Cand.Sci. (Hist.), Leading Researcher, Head of the Laboratory of Archeography and Publication of Documents on the History of the Development of the European North of Russia, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26 Kommunisticheskaya St., Syktyvkar 167982, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9072-3904>, almmatsuk@gmail.com

Финансирование:

Этноязыки в медиапространстве Республики Мордовия

Ираида Адольфовна Пакшина
Елена Николаевна Маскаева

*Научный центр социально-экономического мониторинга,
Саранск, Россия*

Введение. Трансформация информационного пространства влечет за собой изменения в коммуникационных практиках носителей этнической культуры. Интернет-ресурсы в сочетании с традиционными медиа предоставляют новые, неизвестные ранее возможности презентации и трансляции культурных ценностей, уникальных особенностей этносов. Данное обстоятельство актуализирует необходимость изучения уровня потребления медиапродукции на национальных языках. Цель исследования – оценка потребления жителей Республики Мордовия медиапродукции на языках титульных этносов.

Материалы и методы. Методологической базой стали данные комплекса социологических исследований. В статье обобщаются результаты репрезентативного анкетного опроса населения «Межнациональные, этноконфессиональные отношения, языковая ситуация и миграционные процессы в Республике Мордовия», проведенного в 2022–2023 гг., и опроса экспертов «Этноязыковая ситуация в Республике Мордовия», осуществленного в сентябре 2023 г.

Результаты исследования и их обсуждение. Результаты исследования языковых предпочтений населения позволяют констатировать преимущественный спрос на русскоязычную медийную продукцию у абсолютного большинства опрошенных. Аудиторию теле-, радиопередач, печатной продукции на мокшанском, эрзянском и татарском языках составляет меньшая часть респондентов мордовской/татарской национальностей. Основными причинами отказа от медиапотребления на мокшанском и эрзянском языках стали незнание языков и отсутствие интереса к содержанию медиапродукции на мордовских языках. Выявлено, что содержание медиаресурсов на миноритарном языке в большей степени безразлично самим носителям языков, составляющим целевую аудиторию. Наибольшая доля респондентов, затруднившихся с ответом, также отмечена среди мокшан и эрзян.

Заключение. Для привлечения интереса более широкой аудитории к продукции республиканских СМИ на мордовских/татарском языках целесообразно проведение маркетингового исследования предпочтений потребителей медиаресурсов. Необходимо изменить концепцию формирования программ и передач на языке коренных народов республики, а читательскую аудиторию привлечь интересными и творческими проектами, продолжить трансляции программ образовательного цикла, позволяющих всем желающим овладеть мордовской/татарской речью. Желательно расширить присутствие национальных языков в наиболее популярных интернет-ресурсах. При этом контент не должен носить формальный или официальный характер. Материалы статьи могут быть полезными для исследователей и представителей органов власти, интересующихся проблемами сохранения, популяризации и продвижения медиаресурсов на языках титульных этносов.

Ключевые слова: языки титульных этносов, миноритарные языки, медиаресурсы на национальном языке, потребители средств коммуникации, медиапространство региона, востребованность национальной медиапродукции, Республика Мордовия

Финансирование: исследование выполнено в рамках реализации НИР «Мониторинг этноязыковой ситуации в Республике Мордовия» Тематического плана Научного центра социально-экономического мониторинга.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Пакшина И. А., Маскаева Е. Н. Этноязыки в медиапространстве Республики Мордовия // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 3. С. 334–347. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.03.334-347>

Введение

Важными направлениями деятельности региональных массмедиа являются сохранение и популяризация родного языка как априорного носителя «культурного кода» [1]; распространение знаний об истории, современных культурных традициях коренных наций; актуализация этнокультурной идентичности; ориентация на позитивную информацию, способствующую удовлетворению культурных интересов телезрителей, радиослушателей и читателей прессы. Национальное вещание и национальная периодика Мордовии – это составляющие этнической культуры (наряду с литературой, изобразительным искусством и т. д.).

Сегодня в республике трансляция медиапродукта на мордовских и татарских языках включена в сетку передач ГТРК «Мордовия», АНО «Народное телевидение Мордовии (НТМ)», телеканала «ТелеСеть Мордовии (10 канал)», регионального круглосуточного информационного канала «Мордовия-24».

В рамках национального вещания на канале «Мордовия» транслируются региональные новости «Кулят» («Вести») на мордовских (мокшанском и эрзянском) языках. В выпусках программы «Сияжар», в центре внимания которой находятся национально-конфессиональные вопросы духовной и культурной жизни мордовского народа, реализуется образовательный проект «Говорим на родном языке». Более четверти века на ГТРК «Мордовия» выходит в эфир тележурнал «Финно-угорский мир». С целью популяризации мордовских языков в эфире телеканалов «ТелеСеть Мордовии (10 канал)» и «Мордовия-24» транслируется национальная программа «Од пинге» («Новое время»), сопровождаемая субтитрами-переводами. В ней, кроме тематических, литературных и музыкальных передач, есть обучающая рубрика «Говорим по-эрзянски и по-мокшански». Образовательные циклы реализуются и на телеканале «НТМ», в эфир которого выходят выпуски программы «Вал» («Слово»). С 2016 г. материалы на татарском языке звучат в программе «Туган як» («Родной край»).

В сетку вещания региональных радиостанций входят новостные выпуски передач «Сияжар» на мордовских языках и «Туган

тель» («Родной язык») на татарском языке. Национальная радиопрограмма «Вайгель» («Голос»), занимающая достойное место в общей палитре мордовского радиовещания, привлекает аудиторию слушателей двуязычием: радиопрограмма в эфир выходит на эрзянском и мокшанском языках [2]. Радио-журнал «Между Волгой и Уралом» также транслирует программы на мокшанском и эрзянском языках. В теле-, радиопередачах отмечается высокий уровень внимания к проблеме сохранения национальных ценностей и родных языков.

В то же время следует отметить, что объем национального вещания в регионе недостаточен. Так, по данным 2021 г., он составил 335,3 ч, из них объем телевещания – 159,5 ч, радиовещания – 175,8 ч. При этом тематических программ в теле- и радиоэфире значительно больше, чем информационных [3].

Неоценимый вклад в сохранение и развитие родных языков, национальной культуры, традиций, в укрепление межнациональных отношений вносят республиканские национальные газеты «Мокшень правда» (на мокшанском языке), «Эрзянь правда» (на эрзянском), «Юлдаш» (на татарском), литературно-художественные журналы «Сятко» (на эрзянском) и «Мокша» (на мокшанском). Деятельность национальных печатных изданий направлена на «сохранение и развитие национальных языков, культуры, традиций, поддержку коренных представителей этносов, которым не безразличен собственный народ, его история, корни, традиции» [4, с. 73].

В условиях всеобщей цифровизации информационные и тематические выпуски на национальных языках размещаются на официальных медиаресурсах. Цифровой контент позволяет оперативно информировать о событиях в Мордовии не только коренных жителей региона, но и тех, кто проживает за его пределами, кому дорог национальный язык, кого привлекает культура мордовского народа. Общая тенденция популяризации виртуальных аналогов, безусловно, способствует увеличению аудиовизуальной аудитории. Целью статьи является выявление уровня потребления медиапродукции на языках народов, проживающих на территории Республики Мордовия.

Обзор литературы

В эпоху глобальных изменений медиасреда становится более разнообразной. Максимальная оперативность в освещении событий и доступность предоставления информации требуют реализации медийных проектов в новых форматах. По словам И. М. Дзялошинского, для медиапотребителя характерна фрагментарность вместо целостности [5]. Поэтому сегодня многие этнически ориентированные СМИ для привлечения внимания аудитории используют современные веб-технологии подачи медиапродукта: веб-телевидение, радио в интернете и социальных сетях, онлайн-газету.

Э. В. Никитина высказала опасения относительно перспектив существования этнически ориентированных медиа в глобальном информационном пространстве: «С одной стороны, стандартизация жизни и единое информационное пространство ведут к деградации национальных языков и этнического менталитета. С другой стороны, интернет, наравне со СМИ, обеспечивает информационно-коммуникативную поддержку ретрансляции этничности» [6, с. 77].

Акцентируя внимание на необходимости сохранения и поддержки миноритарных финно-угорских языков, А. В. Родняков и Е. С. Руськина выделяют факторы их деградации и исчезновения, а именно: «сокращение численности носителей, ассимиляцию, давление государственного языка большинства, отсутствие официального статуса языка, отсутствие поддержки и т. д.» [7, с. 120]. Однако, по мнению авторов, «основной, глобальной причиной является изменение нашего мира, сопровождающееся процессами глобализации, модернизации, перехода к информационному обществу» [7, с. 120].

В противовес негативной тенденции глобализации в деятельности региональных медиаресурсов проявляется и фиксируется тренд на «продвижение местного на глобальный уровень» [8, с. 94], т. е. проявляется процесс глокализации информационного пространства регионов – «процесс, характеризующий слияние мирового и местного, представляет усиление интереса к региональным отличиям, традициям, позволяя вместо прогнозируемого исчезновения вы-

вести их на глобальный уровень» [8, с. 90]. Сегодня региональные медиаресурсы все более ориентированы на формирование (конструирование) узнаваемого образа территории, подчеркивание ее уникальности, демонстрацию этнического своеобразия и т. д. Изучая влияние виртуального пространства на этническую реальность, ученые выдвинули тезис о том, что «представление и достойное позиционирование собственной культуры в веб-среде вызывает своего рода этноренессанс (с элементами этноконкуренции). Интернет становится удобной площадкой для развития этничности за счет индивидуальных этнопроектов» [9, с. 100].

Еще в начале XXI в. О. В. Новоженкина справедливо утверждала, что интернет «станет ведущим средством массовой информации и важнейшим информационным ресурсом, обеспечивающим функционирование всех структур общества» [10, с. 195]. Исследователь рассматривала Интернет не как еще один способ хранения культурного опыта, а как «способ организации культурного контента, который вносит существенное изменение в саму культуру, в ее содержание» [10, с. 199]. Значимость Интернета, по мнению исследователя, состоит в том, что в нем «рождается культура глобального диалога, в котором каждый имеет свой голос» [10, с. 199]. Согласно концепции диалога культур М. М. Бахтина, «нет границ диалогическому контексту... в диалоге прошедших веков смыслы никогда не могут быть стабильными... – они всегда будут меняться» [11, с. 393].

Технологические возможности интернета целесообразно воспринимать как несомненное преимущество, которое становится ресурсом презентации и трансляции культурных ценностей, уникальных особенностей этносов.

Проблема исследования представленности миноритарных языков и формирования национального сегмента глобальной сети становится все более актуальной. Выходят работы, в которых дается количественная оценка текстов, публикуемых в сети интернет на миноритарных языках Российской Федерации: калмыцком [12], башкирском [13], коми-пермяцком [14], удмуртском [15], татарском [16] и др.

В то же время немногочисленные исследования национального сегмента всемирной сети, находящегося за пределами русскоязычного интернет-пространства, свидетельствуют о том, что проблема лежит в более глубокой плоскости. Так, например, изучение башкирского интернета показало его ориентированность не на общение или передачу актуальной информации, а на предоставление официально-деловых документов и прочие формы присутствия башкирского языка в виртуальном пространстве [13]. Исследование наличия бурятского языка в интернете позволило сделать вывод о его преимущественно символическом характере присутствия, о том, что уровень представленности национального сегмента в сети зависит от активизма носителей языка [17]. Кроме того, авторы подчеркивают, что практика употребления национального языка имеет характер смешанного кода, т. е. трактуется способностью многоязычных говорящих переключаться с одного языка на другой. Отмечается, что люди, владеющие национальным языком, все меньше используют его как в реальной жизни, так и в интернете, а не владеющая им молодежь предпочитает учить другие языки, более полезные для социальной мобильности.

Э. В. Хилханова на основе анализа характера присутствия и функционирования бурятского языка в интернете в сопоставлении с другими миноритарными языками утверждает, что «интернет не создает новую реальность, он лишь отражает сложившуюся в России языковую ситуацию» [17, с. 967]. Исследование сетевого присутствия языков народов России, проведенное О. Б. Януш в 2023 г., подтвердило необходимость его наращивания, так как оно способствует «ассоциированию языка с современностью и инновациями, повышению его престижа» [18, с. 48]. Автор также подчеркивает целесообразность развития и традиционных ресурсов, популяризирующих национальную культуру: «Языковая политика онлайн не может рассматриваться в отрыве от языковой политики оффлайн, создающей благоприятные условия внесетевого бытования языка в таких сферах, как образование, радио и телевидение, периодические издания, книжное дело,

сфера театра и кино и др.» [18, с. 48]. Ретроспективный анализ специфики функционирования печатных изданий в Мордовии и их медиапотребления с использованием данных мониторинговых социологических исследований позволил К. В. Дементьевой сделать вывод о стагнации рынка печатной прессы в регионе. Выход из такой ситуации исследователь видит в дополнении и поддержке печатных версий республиканских изданий различными современными сетевыми ресурсами [19]. Данное обстоятельство актуализирует необходимость исследования бытования и функционирования миноритарных языков в медийном пространстве в регионах с многоязычной коммуникацией.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили результаты социологических опросов, проведенных Научным центром социально-экономического мониторинга в 2022–2023 гг. в муниципальных районах Республики Мордовия и г. о. Саранск. Объем выборочной совокупности составил 700 человек в соответствии с квотами по полу, возрасту, национальности и месту проживания.

Для получения компетентного мнения по ключевым вопросам этноязыковой ситуации в Республике Мордовия в рамках исследования был проведен анкетный опрос 38 экспертов. В состав экспертной группы вошли ученые-лингвисты МГУ им. Н. П. Огарёва; журналисты газет «Мокшень правда» и «Эрзянь Мастор»; редакторы журналов «Сятко», «Мокша», «Чилисема» и «Якстерь тяштенья»; сотрудники Министерства культуры, национальной политики и архивного дела Республики Мордовия.

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты исследования потребления населением республики, а также экспертами медиапродукции на языках представителей национальностей, традиционно проживающих на территории Республики Мордовия, позволили выявить следующее.

В 2022–2023 гг. большая часть опрошенного населения отдала предпочтение русскоязычному информационному продукту, при этом число потребителей аудиовизуальных

средств коммуникации (телевидение и радио) превысило аудиторию печатной прессы (газеты и журналы), это сопоставимо с долей пользователей интернет-ресурсов. На мордовских языках каждый пятый респондент смотрит телепередачи, слушает радиопередачи, каждый седьмой – читает прессу, каждый десятый – пользуется интернетом. На протяжении двух лет исследований доля тех, кто никогда не потреблял медиапродукцию на национальных языках, практически не изменилась (табл. 1).

Респонденты предпочитают пользоваться информационными ресурсами на русском и родном языках. Основная часть

опрошенных мокшан указала, что с разной периодичностью смотрит телепередачи на мокшанском языке (часто – 14 %, редко – 61 %), эрзяне – на эрзянском (18 и 47 %), татары – на татарском (36 и 41 % соответственно). Аналогичная ситуация характерна и для печатных изданий на национальном языке: мокшане предпочитают читать газеты и журналы на мокшанском языке (часто – 17 %, редко – 37 %), эрзяне – на эрзянском (11 и 38 %), татары – на татарском (32 и 38 % соответственно).

Незначительная доля респондентов мордовской национальности (11 мокшан и 3 % эрзян) отметила, что часто использует кон-

Таблица 1. Потребление медиапродукции в зависимости от языка публикации, %
Table 1. Use of media products depending by the language of publication, %

Язык / Language	Вариант ответа / Response options							
	Часто / Often		Редко / Not often		Никогда / Never		Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	
	2022 г.	2023 г.	2022 г.	2023 г.	2022 г.	2023 г.	2022 г.	2023 г.
<i>Как часто Вы смотрите телепередачи, слушаете радиопередачи на следующих языках? / How often do you watch TV programs and listen to radio shows in the following languages?</i>								
Русский / Russian	95	92	4	6	1	1	0	1
Мокшанский / Moksha	3	3	22	23	71	70	5	3
Эрзянский / Erzya	2	5	21	21	73	70	4	3
Татарский / Tatar	1	2	8	7	85	85	5	5
<i>Как часто Вы читаете газеты и журналы на следующих языках? / How often do you read newspapers and magazines in the following languages?</i>								
Русский / Russian	83	80	12	14	4	6	1	1
Мокшанский / Moksha	3	4	13	11	81	82	3	3
Эрзянский / Erzya	1	3	15	13	82	81	3	3
Татарский / Tatar	1	2	6	5	89	89	4	4
<i>Как часто Вы используете интернет-ресурсы для получения информации на следующих языках? / How often do you use Internet resources to get information in the following languages?</i>								
Русский / Russian	91	90	4	4	4	5	1	1
Мокшанский / Moksha	1	3	9	7	87	87	3	3
Эрзянский / Erzya	1	2	9	8	87	87	3	4
Татарский / Tatar	0	2	5	3	92	90	3	4

Источник: здесь и далее в статье все таблицы составлены авторами.
Source: Hereinafter in this article all the tables were drawn up by the author.

тент глобальной сети на языке своей национальности. Никогда не пользовались интернет-ресурсами для получения информации на мокшанском языке 59 % мокшан, на эрзянском языке 70 % эрзян. Существенно увеличилась доля татар, которые обращались к интернет-ресурсам на татарском языке (в 2023 г.: часто – 29 %, редко – 29 %; в 2022 г.: 7 и 39 % соответственно). Это можно объяснить развитостью и наполненностью татароязычного сегмента глобальной сети.

Проведенное исследование показало, что доля лиц, потребляющих медиапродукцию на национальных языках, растет с увеличением возраста. Опрошенные средней и старшей возрастных групп утверждают, что они редко потребляют информацию на национальных языках в медиа-ресурсах региона. Для молодых респондентов (18–29 лет) в целом характерна тенденция отказа от потребления продукции традиционных медиа независимо от языка, на котором производится контент. Основным источником информации для них является русскоязычный сегмент интернета.

Опрошенные, проживающие в сельской местности, больше, чем городские жители, потребляют медиапродукцию на националь-

ных языках. Часто просматривают теле- и слушают радиопередачи на мокшанском языке 6 % сельчан против 2 % горожан, на эрзянском – 8 % против 4 %, на татарском – 4 % против 1 % соответственно. Редко к эфирным информационным ресурсам на мокшанском языке обращаются 29 % сельчан против 20 % горожан, на эрзянском – 22 % против 21 %, на татарском – 10 % против 6 % соответственно. Такая тенденция характерна и для читателей национальной печатной прессы, и для пользователей интернета.

Результаты исследования 2022–2023 гг. демонстрируют отсутствие существенной разницы в практиках информационного потребления медиаресурсов в зависимости от гендерных признаков опрошенных.

Из совокупности ресурсов, публикующих в глобальной сети контент на мокшанском и эрзянском языках, респонденты предпочитают пользоваться интернет-версиями газет и журналов (рис. 1). Их особенность заключается в одновременной публикации материалов республиканских СМИ на бумаге и сайте. Редакции национальных газет ориентируются на публикацию материалов в печатном формате, а присутствие их в глобальной сети является дополнением,

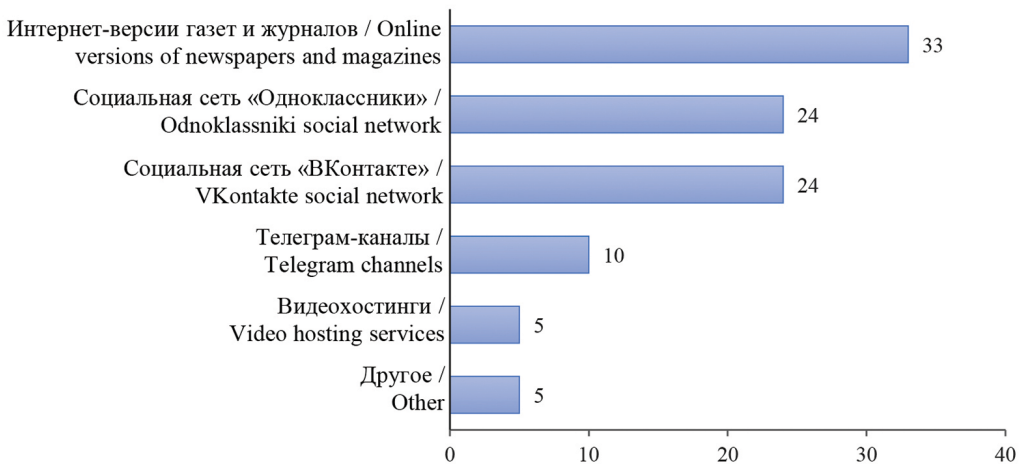

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Какими интернет-ресурсами на мокшанском и эрзянском языках вы пользуетесь?» (2023) среди тех, кто ответил утвердительно, %

Fig. 1. Distribution of answers to the question “What Internet resources in the Moksha and Erzya languages do you use?”(2023) among those who answered in the affirmative, %

Источник: здесь и далее в статье все рисунки составлены авторами.

Source: Hereinafter in this article all the figures were drawn up by the authors.

не влияющим на наполнение и подачу материалов. Интернет-версии газет и журналов на мокшанском и эрзянском языках читают преимущественно носители языка (15 %), проживающие в сельской местности (14 %), занятые в сельском хозяйстве (19 %), в возрасте от 50 лет (10 %).

Анализ ответов показывает крайне низкое потребление контента на эрзянском и мокшанском языках, размещенного в телеграм-каналах и видеохостингах, несмотря на всевозрастающую популярность указанных ресурсов в русскоязычном сегменте.

Большая часть респондентов (в 2023 г. – 83 %, в 2022 г. – 81 %) не использует медиaproдукцию (газеты, журналы, радио, телепередачи) на мордовских языках. Основная причина отказа от потребления контента на мордовских языках – незнание языка (в 2023 г. – 53 %, в 2022 г. – 60 %) (рис. 2). Четвертая часть опрошенных отметила отсутствие интереса к содержанию передач и интернет-ресурсов на мордовских языках. На данную причину указал каждый третий респондент в возрасте от 18 до 29 лет (33 %), каждый четвертый – среди представителей среднего поколения (29 %), каждый пятый – среди лиц старшей возрастной категории (22 %). Содержание медиаресурсов на ми-

норитарном языке в большей степени безразлично носителям языков, составляющим целевую аудиторию национальных медиа (мокша: в 2023 г. – 32 %, в 2022 г. – 34 %; эрзя: 33 и 36 % соответственно). Кроме того, 19 % мокшан и 25 % эрзян утверждали, что языки, на которых ведутся передачи и пишутся тексты, существенно отличаются от разговорного языка и непонятны им (рис. 2).

Основная часть опрошенных экспертов – активные потребители телепередач (84 %) и печатных газет, журналов (82 %) на мокшанском и (или) эрзянском языках. Результаты опроса показали, что большинство экспертов (66 %) убеждены в заинтересованности населения в медиaproдукции на мордовских языках, каждый пятый эксперт (21 %) указал на ее отсутствие.

Ослабление интереса жителей региона к республиканским массмедиа, по мнению экспертов, связано с демографическими проблемами представителей титульных этносов («мало носителей языка», «сокращение носителей языка»), недостаточным владением родным языком («слабое знание языка») и появлением новых медиаресурсов, в которых информация на мокшанском и эрзянском языках представлена недостаточно («информацию берут из интер-

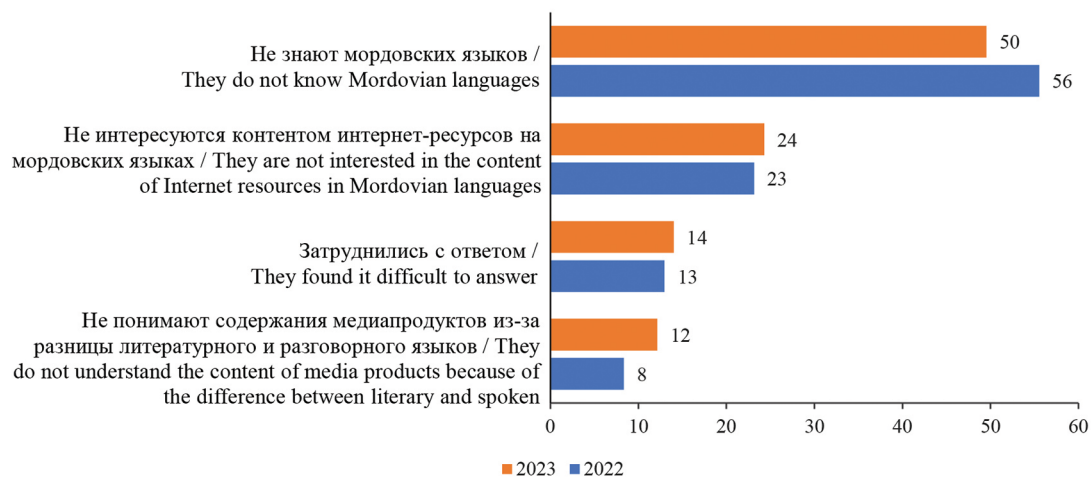

Рис. 2. Причины отказа от использования медиaproдукции на мордовских языках (без учета ответов «другое»), %

Fig. 2. Reasons for refusing to use media products in the Mordovian languages (excluding “Other” responses), %

Примечание: указаны проценты от числа тех, кто не использует медиaproдукцию на мордовских языках.
 Note: The percentages of those who do not use media products in Mordovian languages are indicated.

нет-ресурсов», «над разработкой медиа-продукции (например, аудиокниг) на мокшанском и эрзянском языках только стали заниматься»). На практику использования национальных языков влияет негативный опыт, вызванный пренебрежительным отношением со стороны окружения («выбили из народа любовь к своему родному языку: где насмешками, где пренебрежением»). Другая важная причина совпадает с мнением опрошенного населения и связана с оценкой создаваемого на национальном языке контента – «неинтересно».

Последнее обстоятельство отличается от оценки большинства экспертов относительно качества контента региональных СМИ на национальных языках. Максимальные баллы получили журналы «Мокша» и «Сятко», а также телеканал ГТРК «Мордовия» (табл. 2). Примечательно, что разница в оценке работы телеканалов менее выражена, чем у печатных изданий.

Важными показателями работы СМИ являются информативность и интересная подача материала. По данному критерию лидерами экспертного мнения стали телеканал ГТРК «Мордовия», газеты «Эрзянь правда», «Мокшень правда» и журнал «Сятко» (табл. 3).

Заключение

Анализ материалов социологических опросов демонстрирует монолингвальный уклон повседневных лингвистических практик медиапотребления населением республики. Респонденты независимо от их национальности предпочитают пользоваться медиаресурсами на русском языке. Зафиксирован низкий уровень потребления жителями региона республиканских масс-медиа на мордовских и татарском языках. В исследовании не было выявлено существенных различий в ответах респондентов в зависимости от их пола, возраста, места проживания и национальности.

Причинами отсутствия интереса к традиционным средствам массовой информации на национальных языках являются незнание мордовских и татарского языков или низкий уровень владения ими; несоответствие литературных мордовских языков и татарского языка разговорным языкам; неинтересная или неактуальная тематика эфирных и печатных материалов; недостаточно удобное время трансляции передач на мордовских / татарском языках и дефицит кадров – профессиональных корреспондентов и ведущих, владеющих мокшанским, эрзянским и татарским языками.

Таблица 2. Оценка качества телепередач и публикаций в региональных газетах и журналах на мокшанском и эрзянском языках (по 5-балльной шкале)

Table 2. Evaluation of the quality of TV programs and publications in regional newspapers and magazines in the Moksha and Erzya languages (on a 5-point scale)

СМИ / Media	Оценка качества / Evaluation of the quality
<i>Телепередачи / TV shows</i>	
ГТРК «Мордовия» / GTRK «Mordovia»	4,3
Мордовия-24 / Mordovia-24	4,1
НТМ — Народное телевидение Мордовии / NTM – National Television of Mordovia	4,0
10-й канал — ТелеСеть Мордовии / Channel 10 – TV network of Mordovia	3,9
<i>Публикации / Publications</i>	
Мокша / Moksha	4,7
Сятко / Syatko	4,7
Мокшень правда / Mokshen pravda	4,3
Эрзянь правда / Erzyan pravda	4,2
Эрзянь Мастор / Erzyan Mastor	3,8

Таблица 3. Оценка экспертов относительно уровня информативности и интереса телепередач и публикаций в региональных газетах и журналах на мокшанском и эрзянском языках

Table 3. Experts' assessment of the information level and content level regarding the interest of TV programmes and publications in regional newspapers and magazines in the Moksha and Erzya languages

СМИ / Media	Количество, чел. / Number, people
<i>Телеканалы / TV channels</i>	
ГТРК «Мордовия» / GTRK «Mordovia»	24
НТМ – Народное телевидение Мордовии / NTM – National Television of Mordovia	13
10-й канал – ТелеСеть Мордовии / Channel 10 – TV network of Mordovia	11
Мордовия-24 / Mordovia-24	1
<i>Региональные газеты и журналы / Regional newspapers and magazines</i>	
Эрзянь правда / Erzyan pravda	16
Мокшень правда / Mokshen pravda	15
Сятко / Syatko	14
Мокша / Moksha	9
Эрзянь Мастор / Erzyan Mastor	6

Результаты сравнительного анализа ответов групп респондентов позволили установить несоответствие между незначительным уровнем потребления населением информационного продукта на национальных языках и представлениями лингвистов-профессионалов о его востребованности. Большинство экспертов довольно высоко оценили качество контента региональных СМИ на языках титульных этносов. Вполне возможно, что эксперты, постоянно находясь в информационном пространстве, в котором создается или исследуется медийный продукт на мордовских языках, переносят собственную вовлеченность на всех потребителей медиаконтента.

Обобщая вышеизложенное, можно выделить ряд предложений для привлечения интереса более широкой аудитории к продукции республиканских СМИ на мордовских и татарском языках. Для этого,

по нашему мнению, необходимо изменить концепцию формирования программ и передач на языке коренных народов республики, предоставить им более рейтинговое эфирное время, а читательскую аудиторию привлечь востребованными рубриками, подборками для различных возрастных групп, интересными творческими проектами, продолжить трансляции программ образовательного цикла, позволяющих всем желающим овладеть мордовской и татарской речью. Необходимо расширить присутствие национальных языков в социальных сетях, видеохостингах и телеграм-каналах. При этом контент не должен носить формальный или официальный характер. Для выявления причин низкого уровня потребления информации на языках титульных этносов региона необходимо дальнейшее проведение глубоких и целенаправленных исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Куршева Г. А. Историческая память как основа сохранения культурного кода мордовского (мокшанского и эрзянского) народа // Центр и периферия. 2019. № 3. С. 17–21. EDN: EVBDRO
2. Пивкина С. В., Пыреськина Е. М. Региональные аудиовизуальные СМИ и аудитория: дискурс, взаимосвязь, влияние (на примере радиопрограммы «Вайгель» («Голос») Республики Мордовия) // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования : сборник трудов Междунар. науч.-практ. конф. (8–9 октября 2020 г., г. Белгород). Белгород : Изд-во НИУ «БелГУ», 2020. С. 280–284. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44255599> (дата обращения: 07.02.2024).
3. Грановская Н. А., Лаптева И. В. Национальное вещание региональных телестудий в теологии сохранения этнокультурных традиций (на примере ГТРК «Мордовия») // Центр и периферия. 2022. № 3. С. 45–50. EDN: SBVJPT
4. Ржанова С. А. Функциональный аспект финно-угорской прессы Мордовии // Вестник урovedения. 2014. № 3 (18). С. 70–75. EDN: TVQKUD
5. Дзялошинский И. М. Современное медиaproстранство России : учеб. пособие для студентов вузов. М. : Изд-во «Аспект Пресс», 2015. 312 с. URL: <https://www.dzjalosh.ru/08-Uchebniki-Posobiya/Rossiiskoe-Mediaprostranstvo.pdf>. (дата обращения: 31.01.2024).
6. Никитина Э. В. Этнические процессы в глобальном информационном пространстве // Информационное общество. 2014. № 5–6. С. 77–83. EDN: UNAVCN
7. Родняков А. В., Руськина Е. С. К вопросу о поддержке миноритарных финно-угорских языков // Финно-угорский мир. 2013. № 3 (16). С. 120–121. EDN: SCDDAX
8. Дементьева К. В. Регион как площадка для развития процессов глокализации: особенности медиapодвижения и медиapовестки // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2021. № 3. С. 90–95. EDN: CHLRKF
9. Головнёв А. В., Белорусова С. Ю., Киссер Т. С. Веб-этнография и киберэтничность // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58). С. 100–108. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-1\(58\)-100-108](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-1(58)-100-108)
10. Новоженина О. В. Интернет как новая реальность и феномен современной цивилизации // Влияние Интернета на сознание и структуру знания. М. : ИФ РАН, 2004. С. 195–215. URL: <https://clck.ru/3CzCs6>. (дата обращения: 20.02.2024).
11. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 423 с. URL: http://teatr-lib.ru/Library/Bahtin/esthetic/#_Toc225599049 (дата обращения: 21.02.2024).
12. Баранова В. В. Калмыцкий онлайн: ревитализация, особенности языка и эффективность коммуникации // Лингвистический форум 2019: коренные языки России и мира : тезисы докладов Междунар. конф. (4–6 апреля 2019 г., г. Москва). М. : Институт языкознания РАН, 2019. С. 91.
13. Орехов Б. В., Галлямов А. А. Башкирский интернет: лексика и прагматика в количественном аспекте // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2012. Т. 1, № 11 (18). С. 502–509. URL: <http://nevmenandr.net/personalia/dialogue2012.pdf>. (дата обращения: 16.01.2024).
14. Грейдан А. В., Пономарева Л. Г. Коми-пермяцкий язык в интернете // Языки малочисленных народов России: устное vs. письменное : тезисы докладов Междунар. науч. конф. (4–6 декабря 2017 г., г. Санкт-Петербург). СПб., 2017. С. 20–22. URL: https://ouipiir.ru/sites/default/files/docs/tezisy_dokladov_.pdf (дата обращения: 25.01.2024).
15. Pischlöger C. Udmurtness in Web 2.0: Urban Udmurts Resisting Language Shift // Finnisch-Ugrische Mitteilungen Band 38, Hamburg : Helmut Buske Verlag, 2010. p. 143–161. URL: <https://clck.ru/3BuNPW> (дата обращения: 18.01.2024).
16. Махмутов З. А. Языковой ландшафт татарского Интернета. Казань : Изд-во «Артифакт», 2015. 36 с. URL: <https://clck.ru/3BuPsg> (дата обращения: 12.02.2024).
17. Хилханова Э. В. Интернет и миноритарные языки России: символическое присутствие или инструмент ревитализации? (на примере бурятского языка) // Монголоведение. 2019. Т. 11, № 4. С. 967–988. <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2019-4-967-988>
18. Януш О. Б. Языковая политика онлайн в региональных измерениях // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 4. С. 30–53. EDN: DMPGCK
19. Дементьева К. В. Стагнация печатных СМИ региона и перспективы их развития // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2022. № 4. С. 94–97. EDN: PBIEOJ

Поступила 09.07.2024; одобрена после рецензирования 13.08.2024; принята к публикации 20.08.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

И. А. Пакшина – кандидат культурологии, ведущий научный сотрудник редакционно-издательского отдела Научного центра социально-экономического мониторинга (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, д. 39а), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3050-2127>, iraida-69@mail.ru

Е. Н. Маскаева – старший научный сотрудник редакционно-издательского отдела Научного центра социально-экономического мониторинга (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, д. 39а), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8889-3170>, elena-maskaeva@mail.ru

Ethnolanguages in the Media Space of the Republic of Mordovia

Iraida A. Pakshina
Elena N. Maskaeva

*Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution,
Saransk, Russia*

Introduction. The transformation of the information space entails changes in the communication practices of the speakers of various ethnic cultures. Internet resources combined with traditional media provide new, previously unknown opportunities for the presentation and broadcasting of cultural values and unique features of ethnic groups. This situation actualizes the need to study the level of the use of media products in the languages of various ethnic groups. One of the objectives of the study is to assess the media use of the residents of the Republic of Mordovia in the languages of the titular ethnic groups.

Materials and Methods. The methodological basis was the data of sociological studies. The article summarizes the results of a representative questionnaire "Interethnic, ethno-confessional relations, language situation and migration processes in the Republic of Mordovia" conducted in 2022 and 2023, and a survey of experts "Ethnolanguage situation in the Republic of Mordovia" conducted in September 2023.

Results and Discussion. The results of the study of the language preferences of the population allow stating the predominant demand for Russian-language media products among the majority of the respondents. The audience of television, radio broadcasts, and printed materials in Moksha, Erzya, and Tatar languages is a small proportion of the respondents of Mordovian/Tatar nationalities. The main reasons for the rejection of media in the Moksha and Erzya languages were the lack of knowledge of the languages and lack of interest in the content of media products in the Mordovian languages. It is revealed that the content of media resources in a minority language is mostly indifferent to the native speakers themselves, who make up the target audience. The largest proportion of the respondents who found it difficult to answer was also noted among Moksha and Erzya population.

Conclusion. In order to attract the interest of a wider audience to the products of the republican media in the Mordovian/Tatar languages, it is advisable to conduct a marketing study of the preferences of consumers of media resources. It is necessary to change the concept of forming programs and broadcasts in the language of the indigenous peoples of the Republic, provide them with more rated airtime, and attract the readership with popular headings, collections or pages for various age groups, interesting and creative projects, continue broadcasting educational cycle programs that allow everyone to master Mordovian/Tatar language. It is advisable to expand the presence of national languages in the most popular Internet resources. At the same time, the content should not be formal or official. The materials of the article may be useful for researchers and government representatives interested in the problems of preserving, popularizing and promoting media resources in the languages of the titular ethnic groups.

Keywords: languages of the titular ethnic groups, minority languages, media resources in the national language, consumers of communication media, media space of the region, demand for national media products, Republic of Mordovia

Funding: The study was carried out as part of the implementation of the research project "Monitoring the ethnolanguage situation in the Republic of Mordovia" of the Thematic plan of the Scientific Center for Socio-Economic Monitoring.

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Pakshina I.A., Maskaeva E.N. Ethnolanguages in the Media Space of the Republic of Mordovia. *Finno-Ugric World*. 2024;16(3):334–347. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.03.334-347>

REFERENCES

1. Kursheva G.A. Historical Memory as a Basis of Cultural Code of Mordovian (Moksha and Erzya) People Preservation. *Center and Periphery*. 2019;(3):17–21. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: EVBDRO
2. Pivkina S.V., Pyreskina E.M. Regional Audiovisual Media and Audience: Discourse, Relationship, Influence (on the Example of the Radio Program "Weigel" ("Voice") of the Republic of Mordovia). The Discourse of Modern Mass Media in Theory, Social Practice and Education: Proceedings of International Conference. Belgorod; 2020. p. 280–284. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44255599> (accessed 07.02.2024).
3. Granovskaia N.A., Lapteva I.V. National Broadcasting of Regional TV Studios in the Teleology of Preserving Ethnic and Cultural Traditions (on the Example of State TV & Radio Company "Mordovia"). *Center and Periphery*. 2022;(3):45–50. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: SBPJPT
4. Rzhanova S.A. Functional Aspect of the Finno-Ugric Press of the Republic of Mordovia. *Bulletin of Ugric Studies*. 2014;(3):70–75. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: TBQKUD
5. Dzialoshinskii I.M. [The Modern Media Space in Russia: Handbook for University Students]. Moscow: Aspect Press; 2015. (In Russ.) Available at: <https://www.dzyalosh.ru/08-Uchebniki-Posobiya/Rossiiskoe-Mediaprostranstvo.pdf>. (accessed 31.01.2024).
6. Nikitina E.V. Ethnic Processes in the Global Information Space. *Information Society*. 2014;(5–6):77–83. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: UNAVCN
7. Rodniakov A.V., Ruskina E.S. On the Support for Minority Finno-Ugric Languages. *Finno-Ugric World*. 2013;(3):120–121. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: SCDDAX
8. Dementieva K.V. The Region as a Platform for the Development of Glocalization Processes: Features of Media Promotion and Media Reports. *Vestnik Voronezhskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. 2021;(3):90–95. (In Russ.) EDN: CHLRKF
9. Golovnev A.V., Belorussova S.Yu., Kisser T.S. Web-Ethnography and Cyber-Ethnicity. *Ural Historical Journal*. 2018;(1):100–108. (In Russ., abstract in Eng.) [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-1\(58\)-100-108](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-1(58)-100-108)
10. Novozhenina O.V. [The Internet as a New Reality and Phenomenon of Modern Civilization]. *Vliianiye Interneta na Soznanie i Strukturu Znaniia*. Moscow; 2004:195–215. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3CzCs6>. (accessed 20.02.2024).
11. Bakhtin M.M. [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow; 1979. (In Russ.) Available at: http://teatr-lib.ru/Library/Bahtin/esthetic/#_Toc225599049 (accessed 21.02.2024).
12. Baranova V.V. [Kalmyk Online: Revitalization, Language Features and Communication Effectiveness]. Linguistic Forum 2019: Indigenous Languages of Russia and Beyond: Abstracts of the Reports of the International Conference. Moscow; 2019:91. (In Russ.)
13. Orekhov B.V., Galliamov A.A. Bashkir Internet: Lexis and Pragmatics in a Quantitative Aspect. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. 2012;1(11):502–509. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://nevmenandr.net/personalia/dialogue2012.pdf> (accessed 16.01.2024).
14. Greidan A.V., Ponomareva L.G. [Komi-Permian Language in the Internet]. *Iazyki Malochislennykh Narodov Rossii: Ustnoe vs. Pismennoe: Tezisy Dokladov Mezhdunarodnaya Nauchnaya Konferenciya*. St. Petersburg; 2017]. p.20–22. (In Russ.) Available at: https://ouipiir.ru/sites/default/files/docs/tezisy_dokladov_.pdf (accessed 25.01.2024).
15. Pischlöger C. Udmurtness in Web 2.0: Urban Udmurts Resisting Language Shift. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen Band 38*, Hamburg; 2010]. p. 143–161. Available at: <https://clck.ru/3BuNPW> (accessed 18.01.2024).
16. Makhmutov Z.A. [The Linguistic Landscape of the Tatar Internet]. Kazan; 2015. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3BuPsg> (accessed 12.02.2024).
17. Khilkhanova E.V. The Internet and Minority Languages of Russia: Symbolic Presence or a Revitalization Tool? (a Case Study of the Buryat Language). *Mongolian Studies*. 2019; 11(4):967–988. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2019-4-967-988>
18. Yanush O.B. Online Language Policy in Regional Dimensions. *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2023;(4):30–53. (In Russ., abstract Eng.) EDN: DMPGCK
19. Dementieva K.V. Stagnation of Print Media in the Region and the Prospects for their Development. *Vestnik Voronezhskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. 2022;(4):94–97. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: PBIEOJ

Submitted 09.07.2024; revised 13.08.2024; accepted 20.08.2024.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

I. A. Pakshina – Cand.Sci. (Cult.), Leading Research Fellow, Editorial and Publishing Department, Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution (39a B. Khmel'nitsky St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3050-2127>, iraida-69@mail.ru

E. N. Maskaeva – Senior Research Fellow, Editorial and Publishing Department, Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution (39a B. Khmel'nitsky St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8889-3170>, elena-maskaeva@mail.ru

Формирование сценических традиций национального балета Мордовии на примере творчества композитора Н. Кошелевой

Елена Николаевна Антипкина
Юрий Алексеевич Кондратенко
Варвара Сергеевна Святогорова

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Введение. В статье рассматривается история формирования традиций национального балета Мордовии, способных противостоять современным процессам глобализации и унификации, приводящим к размыванию этнической культуры. Сценическая судьба балета отражает приоритеты национальной политики России, призванные способствовать укреплению единства многонационального народа при сохранении его этнокультурного многообразия. Цель исследования – выявить особенности постановок сценических версий национальных балетов на театральной сцене Мордовии на примере творчества композитора Н. В. Кошелевой. Созданная ею балетная музыка остается единственным материалом для создания балетных спектаклей в музыкальном театре республики. При этом ее произведения не были предметом специального комплексного исследования в контексте истории театрального искусства Мордовии.

Материалы и методы. Эмпирическим материалом послужили национальные балеты, созданные композитором Н. В. Кошелевой, а также спектакли из репертуара Государственного музыкального театра им. И. М. Яшужева и Мордовской республиканской детской хореографической школы. Теоретической основой стали работы ученых в области музыкального театра, профессионального музыкального и хореографического искусства Мордовии. Методология исследования обусловлена спецификой анализируемого материала. Она основана на историко-теоретическом подходе, методах сравнительного анализа и искусствоведческой интерпретации художественных произведений, что обуславливает применение музыковедческих и балетоведческих подходов к анализу материала.

Результаты исследования и их обсуждение. Национальный балетный театр опирается на богатую хореографическую традицию народа, которая в соединении с традицией классического балета позволила создать уникальный пластический язык. В ходе исследования установлено, что в процессе написания балетной музыки на национальный сюжет композитор Н. В. Кошелева не просто цитирует напевы и мелодии народных песен и танцев мордвы, но и вносит свой индивидуальный творческий компонент.

Заключение. Результаты исследования свидетельствуют о том, что национальный балет Мордовии представляет синтез этнической танцевальной традиции и классического балета. Он формировался в тесном взаимодействии с отечественными балетными и композиторскими школами. Подтверждением этого является балетное творчество композитора Н. В. Кошелевой. Материалы могут быть использованы в процессе дальнейшего изучения истории балетного искусства Мордовии в частности и истории искусства Мордовии в целом.

Ключевые слова: национальный балет, творчество композитора Н. Кошелевой, Алёна Арзамасская, Мордовская легенда, балетная музыка

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Антипкина Е. Н., Кондратенко Ю. А., Святогорова В. С. Формирование сценических традиций национального балета Мордовии на примере творчества композитора Н. Кошелевой // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 3. С. 348–360. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.03.348-360>

Введение

Яркой этнической составляющей современной музыкально-театральной культуры Поволжья является национальный балет Республики Мордовия. В целом следует отметить, что становление национальной хореографии и театральной музыки происходило в русле сходных для большинства республик, которые входили в состав РСФСР, процессов государственного и культурного развития второй половины XX в., что ясно прослеживается в выборе тем, образном строе сочинений, жанровых приоритетах, стилистических исканиях. Этот период – важный этап становления национального профессионального хореографического и музыкального искусства.

В 2025 г. музыкальный театр Мордовии отметит свое 90-летие. В этой связи приобретают особую актуальность исследования, посвященные истории театра и его современности. Однако до сих пор эта область остается малоизученной. Требуется дополнительное исследование архивные, музейные материалы, позволяющие восстановить картину развития и периодизацию истории музыкального театра. Необходимо также рассмотреть тенденции развития театрального репертуара не только прошлого времени, но и настоящего. В отличие от оперного, балетное искусство республики не может похвастаться большим объемом специальных исследований. Это обусловлено тем, что за 90-летнюю историю театра было создано всего лишь два национальных балета – «Алёна Арзамасская» и «Мордовская легенда». Обе балетные партитуры созданы композитором Н. В. Кошелевой. Они по праву являются национальным достоянием Мордовии, вобравшими в себя все сферы самобытной традиционной мордовской культуры, а также синтезом жанров высокого профессионального искусства. В таком контексте изучение театральных постановок на музыку композитора важно не только для театроведения, но и для истории культуры Мордовии.

Обзор литературы

Теоретическим и методологическим материалом статьи послужили исследования отечественных балетоведов и искусствоведов.

В своей работе мы опирались на труды искусствоведов А. Г. Бурнаева и Ю. А. Кондратенко. Особым значением обладают исследования, нацеленные на раскрытие музыкально-стилистических особенностей балетной музыки Н. В. Кошелевой, музыковедов Н. И. Бояркина, Л. Б. Бояркиной, А. И. Макаровой и О. В. Радзецкой.

В исследованиях о музыкальном театре Мордовии большим научным потенциалом обладают работы театроведов В. С. Брыжинского и Ю. А. Кондратенко, исследующих национальный репертуар театров Мордовии, в частности спектакли на музыку Н. Кошелевой [1–3]. Также необходимо отметить исследования музыковеда Л. Б. Бояркиной, которая изучает особенности музыкального стиля композитора в общем контексте формирования и развития театральной музыки в мордовском крае [4–6].

В периодической печати Мордовии выходили рецензии в газетах «Советская Мордовия», «Известия Мордовии», «Юность» и др. на отдельные национальные спектакли в репертуаре театра Мордовии, но они чаще всего играют источниковедческую роль в исследовании заявленной темы, поскольку не содержат теоретико-аналитической части (статьи в газетах) [7–10].

В музыковедении Мордовии творчество Н. Кошелевой традиционно рассматривается сквозь призму историко-фольклорного и музыкологического анализа. Особенности интонирования и стилистические тенденции музыки Н. Кошелевой были предметом анализа музыковеда А. И. Макаровой [11; 12]. Акцент на фольклорных истоках творчества содержится и у Н. И. Бояркина [13]. «Фольклоризм» хоровых произведений композитора, рассматриваемый исключительно в контексте сочинительской традиции Мордовии, был предметом изучения Л. В. Киняжиной [14]. О. В. Радзецкая анализирует музыкальный почерк и стиль Н. Кошелевой, при этом особенно выделяет лирико-героическое начало в произведениях композитора, что вновь возвращает к анализу фольклорных основ творчества, базирующихся на лиро-эпическом фольклоре мокши и эрзи [15–17].

Интересен подход И. Е. Молоствовой, рассматривающей специфику этнического пластического мышления в процессе создания сюиты по мотивам творчества Степана Эрзи [18].

В контексте музыковедческих исследований особое место занимают публикации О. В. Радзецкой о балете «Алёна Арзамасская», при этом основной акцент автор делает не столько на театральном бытовании этого произведения, сколько на его стиль и композицию [15–17].

Вне контекста вышеупомянутых исследований остаются новые произведения композитора (например, балет «Мордовская легенда»), а также вопросы постановки и особенности хореографических редакций двух балетных спектаклей на музыку Н. Кошелевой. Отчасти этот пробел восполняют труды А. Г. Бурнаева, рассмотревшего предысторию создания балета «Алёна Арзамасская» в музыкальном театре Мордовии [19].

Материалы и методы

В исследовании применяются историко-теоретический подход, методы сравнительного анализа и искусствоведческой интерпретации. Историко-теоретический метод способствует изучению зарождения и развития балета на территории республики в особый плат профессионального искусства Мордовии. Метод сравнительного анализа позволяет сопоставить основные этапы становления и развития хореографического искусства финно-угорских народов и работы хореографов на театральной сцене Мордовии, а также выявить общие и уникальные черты национального балета. Метод искусствоведческой интерпретации дает возможность проанализировать образный строй, композицию и форму, сюжетную основу национальных балетов.

Эмпирическим материалом для статьи послужили спектакли из репертуара Государственного музыкального театра им. И. М. Яшуева и Мордовской республиканской детской хореографической школы, которые основывались на национальной хореографической культуре Мордовии, пластических элементах ритуальных народных танцев мордвы и традиции

классического балета. Особое внимание в работе уделяется национальным балетам композиторов Мордовии, в частности творчеству Н. В. Кошелевой.

Результаты исследования и их обсуждение

В конце 1930-х гг. молодые люди, пришедшие во вновь открытую мордовскую театральную студию, принесли с собой традиции мордовского танца. На концерте 1937 г., посвященном Чрезвычайному съезду мордовского народа, национальной группой артистов музыкального театра (Г. Вдовиным, М. Девятайкиной, С. Рябовой, Е. Тягушевой, А. Шаргаевой) впервые был исполнен профессиональный эрзянский танец «Кеняркс» («Радость»). В июле 1942 г. в программе концерта мордовской музыки, поэзии и драматургии была исполнена «Песенно-танцевальная сюита» для оркестра, хора и танцоров М. И. Душского. Сам композитор рассматривал эту работу как шаг на пути к созданию национальной оперы. Сюита состояла из популярных мордовских песен – «Косо, косо да Утяша?» («Где, где Утяша?»), «Вирь чиресэ» («На опушке леса»), «Самсон леляй» («Дядя Самсон»), «Вай верьга, верьга» («Вай, высоко, высоко летят утки») и двух плясок, которые были поставлены балетмейстером театра П. Н. Литони совместно с артистом И. Аржадеевым. В сюите солировали солисты балета Т. Л. Михайлова и И. Аржадеев.

Развитию профессиональной театральной хореографии Мордовии способствовала деятельность Л. И. Колотнева. Его хореография в первых национальных спектаклях Л. П. Кирюкова «Литова» и «Несмеян и Ламзурь» стала примером творческого переноса национального танцевального языка в профессиональное искусство (примером этому являлись национальные пляски «Пакся озкс» – «Праздник освящения поля» и «Киштема» – «Пляска») [3]. Именно с «Литовы» началась профессиональная национальная театральная хореография.

Работа над национальным балетом велась с конца 30-х гг. В это время начинается подготовка к постановке «Дана» (либретто Н. Эркая и М. Дысковского, музыка И. Ильина и Б. Трошина) по мотивам лиро-эпической

поэмы Н. Эркая «Песнь о Раторе». Работа над хореографическим текстом была поручена балетмейстеру и солисту балета Мордовского театра оперы Колотневу. Однако постановка так и не была осуществлена ввиду того, что композиторы не смогли представить партитуру балета.

В 1960–1970-е гг. национальному репертуару в театре по-прежнему уделялось большое внимание. В этот период во всех музыкальных спектаклях на национальную тему присутствовал мордовский народно-сценический танец. В основе хореографии этих спектаклей лежали обрядово-праздничные танцы, придававшие постановкам своеобразный национальный колорит. Наиболее интересными и оригинальными стали сюжетные танцы, например, «Богомазы» и «Встреча Мастера с героями своих скульптур» («Чародей»), «В подводном царстве Ведявы» («Серебряное озеро»), «Праздник весны» («Невеста Грома»), «Слава землекормилице!» («Ветер с Понизовья»).

Однако все это время композиторы республики не обращались к балету как самостоятельному жанру. Конечно, были танцевальные сцены, хореографические сюиты в музыкальных спектаклях, но вот созданных для балетного спектакля партитур не было. Настоящим первопроходцем, закрывшим «белое пятно» в одном из жанров театральной музыки Республики Мордовия, стала маститый и многогранный композитор Н. Кошелева. Речь идет именно о балетной музыке, которая многие десятилетия не интересовала композиторов республики. Нельзя не согласиться с тем, что «творчество Н. В. Кошелевой можно рассматривать как один из ярких этнокультурных феноменов в музыкальном искусстве Мордовии» [17, с. 75].

Идея создать музыку для балета пришла Н. Кошелевой еще в годы учебы в Казанской государственной консерватории. К окончанию обучения в 1979 г. она завершила программную сюиту для симфонического оркестра «Алёна Арзамасская», раскрывающую идейно-драматический конфликт и содержание будущего балета. Четыре части единого стройного цикла (Вступление. Народный праздник. *Adagio* Алёны. Казнь), в центре которого образ простой крестьян-

ской женщины, поразившей врагов силой и стойкостью своего духа. Так начала выстраиваться структура сюжета балетного спектакля на национальную тему, повествующего об истории крестьянки Алёны из Арзамаса.

К образу отважной героини из народа обращались в разное время поэты, композиторы, драматурги, художники. Так, в 1939 г. Кириллов создал национальную драму на эрзянском языке «Литова», получившую три редакции, одна из которых имела стихотворный вариант. Музыка к спектаклю написал преподаватель музыкально-теоретических дисциплин Музыкально-драматического училища, московский композитор М. Душский, но популярность это произведение получило благодаря музыке Л. Кирюкова [15]. В 1980 г. сюжет «Литовы» получил новую жизнь в произведении композитора Г. Вдовина «Ветер с понизовья» (либретто М. Фроловского).

Произведение, ставшее дипломной работой Н. Кошелевой, заинтересовало балетную общественность, и в июне 1985 г. возникла идея воплотить его в сценическую жизнь, приурочив постановку к 500-летию вхождения мордовского народа в состав Российского государства. В музыкальном театре решили поставить хореографическую сюиту из пяти сцен под названием «Алёна Арзамасская». Артист балета Александр Бурнаев написал небольшое либретто к сюите, хореографию сочинили Александр Бурнаев и Евгений Дементьев.

Работа над первым в истории мордовского музыкального театра национальным балетом по разным причинам растянулась на многие годы. Полная партитура двухактного спектакля была завершена к 2001 г., но со временем она претерпела ряд структурных изменений, что обусловлено созданием нескольких вариантов либретто балета «Алёна Арзамасская». Первоначальный вариант либретто составил казанский музыкант и педагог Семён Гурария. Сюжет обращался к одному из эпизодов крестьянской войны, предводителем которой был Степан Разин, к событиям, имевшим место в Темниковском уезде. В документах того времени упоминалась его сторонница – старица Алёна из Арзамаса, которая собрала отряд восставших под городом Темниковым

и успешно боролась с царскими войсками, присланными для подавления народного бунта. Алёна была захвачена в плен, после пыток объявлена ведьмой и сожжена на городской площади.

К работе над спектаклем приступил главный балетмейстер Государственного музыкального театра им. И. М. Яушева Валерий Миклин. Его не устроили первоначальная драматургия и порядок музыкального материала. Балетмейстер стремился отойти от изобразительного по своей сути биографического повествования первого либретто С. Гурария и Н. Кошелевой, построенного на последовательном воспроизведении жизненного пути реального исторического лица, о котором сообщают документы XVII в.: свадьба Алёны, гибель ее мужа, уход героини в монастырь, бегство в повстанческую армию, ее пленение и казнь. В результате появилось новое либретто Юрия Кондратенко и вторая редакция партитуры. В диалоге рождалась концепция нового спектакля. Н. Кошелева бережно относилась к созданному ею музыкальному материалу, отстаивала его целостность, но хореографические законы диктовали иные правила. При всей глубине музыкальной драматургии партитуры, новые задачи постановщика заставили отказаться от первоначального замысла композитора.

В итоге появилась редакция музыки, которая в большей степени соответствовала новому сценарию. За основу замысла был взят ряд событий, завершающих жизненный путь Алёны Арзамасской, поскольку в них ярче всего мог быть раскрыт внутренне противоречивый образ героини: взятие города Темникова повстанцами, предательство Алёны купцами и городскими старшинами, «последняя битва» с собой, которая завязывается в стенах монастырской тюрьмы и, наконец, сожжение Алёны. По сценарию спектакль должен был завершаться символической победой героини над ее врагом князем Долгоруковым, когда над костром появлялся огромный силуэт Алёны, перед которым расступаются ее враги. В конечном итоге в таком виде история реального человека превратилась в повествование об образе, который многие поколения жил в народных преданиях. Подчеркивали эту

идею два новых главных героя – девушка Прасковья и стрелец Фёдор. Их история стала своеобразным зеркальным отражением реальной жизни самой Алёны, а появление в финале спектакля Прасковьи с луком сожженной героини, превращает историю Алёны в завершение рассказа о событиях прошлых дней, пережитых теми, кто последовал за крестьянкой из Арзамаса.

Н. Кошелева искусно интегрировала в классический балет мотивы мордовского фольклора. Танцевально-пластическая партитура позволила синтезировать классический танец с народным танцем кшtimas, фольклорно-песенным материалом и обрядами мордвы. Однако работа В. Миклина над постановкой была приостановлена в 2004 г. Завершено было лишь несколько балетных номеров. К созданию сценической версии балета вернулись только в 2011 г. Новый балетмейстер театра Алексей Батраков начал подготовку к постановке своей версии спектакля. Вновь было отредактировано либретто (А. Батраков и Ю. Кондратенко) и появилась еще одна редакция музыки (в ходе постановки было написано несколько новых номеров, изменился их порядок в партитуре).

Новый вариант либретто спектакля – своеобразный компромисс между двумя предыдущими вариантами музыкальной и сценарной драматургии. Он отчасти биографичен и обращает нас к началу истории (конфликт Фёдора Сидорова и князя Долгорукова, свадьба Алёны, гибель ее мужа Кузьмы), а затем переносит в конец ее жизненного пути (взятие Темникова, предательство, пленение и гибель). Ядром драматургии становится картина четвертая – пребывание Алёны в монастырской тюрьме. Вся глубина образа героини и многогранность ее характера последовательно раскрываются в череде видений прошлого, в молитве и стойкости во время пыток. Это дало возможность полнее раскрыть глубинные мотивы поступков героини. Итогом этой внутренней борьбы служит момент сожжения, когда героиня словно преображается, не прося пощады, сама ступает в костер. Ее вера в справедливость становится верой каждого из нас.

Если говорить о третьей редакции либретто, то в целом ее можно считать возвращае-

нием к варианту 2001 г. [3]. Повествование сосредоточено на финале истории Алёны Арзамасской (взятие города Темникова повстанцами, предательство и пленение героини, а затем – казнь). Отличие заключалось в том, что пришлось внести некоторые эпизоды, так как хореограф-постановщик стремился использовать музыкальный материал с минимумом сокращений и нарушений порядка номеров. Таким образом, имеющиеся противоречия были разрешены: к партитуре 2011 г. был адаптирован сюжет 2001 г. По сути, либретто изменялось ради сохранения музыкального материала.

Н. Кошелева – композитор, в чьем творчестве неразрывно связаны классическое профессиональное мастерство и народные традиции. Все фольклорные материалы, использованные в балете, можно разделить на две группы: это песни и танцевальные мотивы, взятые из арсенала фольклора без изменений, и элементы, вошедшие в музыкальную ткань произведения в трансформированном виде. Основопологающей чертой обращения композитора к фольклору является содержательная переработка, переосмысление, переоценка аутентичного материала и последующее претворение этнического на мировоззренческом и образно-эмоциональном уровнях.

Во вступлении к прологу композитор представляет три основных лейтмотива балета:

– тема-характеристика народа, измученного гнетом мурз, помещиков и духовенства. В процессе развития она полифонизируется, уплотняется за счет включения оркестровых голосов и достигает кульминации (*tutti*);

– тема-характеристика активно-действенного народа. Он является тематической основой музыкального развития батальных сцен. Данный лейтмотив также выполняет функцию героизации образа Алёны;

– тема-характеристика образа Алёны – плавная, напевная мелодия. Данная тема в заключительной сцене звучит как победный гимн.

Отрицательные персонажи балета также имеют свои музыкальные характеристики. Особенно ярко звучит лейтмотивная тема

Ю. Долгорукова – грозная, синкопированная, звучащая в оркестровом исполнении. Она сопровождает героя на протяжении всего музыкального пути.

Музыкальная драматургия балета строится на противопоставлении сил Добра (образ Алёны) и Зла (образ царского воеводы Долгорукова). Все это получает отражение в прологе, где композитор демонстрирует два противостоящих друг другу музыкальных лейтмотивов балета. Первый – тема Алёны (сурово-сдержанная и одновременно печально-нежная, с оттенком скорби). Второй – тема образа угнетателей народа (грозная и властная). Автору удалось создать не только образ народной воительницы, но и живой, красочный символ простой мордовской женщины, вызывающей глубокое уважение. Композитор подчеркивала, что хотела показать героиню балета женственной и человеческой [20].

Балет Н. Кошелевой написан в классических традициях и включает два действия и пять картин (в редакции 2011 г.). Первую картину открывает народный праздник, посвященный окончанию тяжелых полевых работ. Именно здесь мы слышим мелодии традиционной пляски кштимы, в которой композитор использует приемы исполнителей плясовых наигрышей. Важное место занимает проведение темы в сжатом виде и дробление сильных долей такта [15].

Adagio Алёны – это размышление героини о жизни, своем народе, предчувствие страшных испытаний. В музыке используются традиционные плачи, полные страдания и горести мелодии. Умело введенные в музыкальную ткань произведения, они вызывают у слушателя неподдельное сочувствие и сопереживание. Насыщены страхом и злобой мелодии, написанные композитором для князя Долгорукова.

В двух картинах первого акта композитор цитирует две мордовские народные песни – «Вирьса» (с мокшанского языка «В лесу»), являющаяся основой музыкально-тематического развития среднего лирического раздела «Танца невесты и подружек» в первой картине первого акта, протяжная песня «Вирь чиресэ» (с эрзянского языка «На опушке

леса») исполняется оркестром во второй картине первого акта.

Во втором действии Н. Кошелева раскрывает трагический исход жизни и борьбы Алёны. Смятение, порывистые возгласы струнных, прерывающиеся грозными ударами оркестра – все это передает эмоциональное состояние Алёны перед гибелью, затем мучительно-трагическое звучание тремоло литавр. Резкие хроматические интонации перебивают его. Алёны больше нет, но память вечна. Интерпретации массовых сцен, использование «колокольности» являются традиционными в истории музыки (опера «Борис Годунов» М. П. Мусоргского, творчество С. В. Рахманинова).

Особенно яркое оригинальное впечатление создает введение в партитуру финальных сцен балета хора без слов и вокализа сопрано. Звучание молитвенного хора производит сильное эмоциональное впечатление на зрителя и слушателя. Творческая находка автора помогает подчеркнуть весь трагизм происходящих событий и создает впечатление поющих ангелов.

Для создания предельно конкретных образов композитор Н. Кошелева особое внимание уделяет оркестровке: персонифицированные тембры, интересные сочетания, перекличка оркестровых голосов.

Н. Кошелева посещала репетиции, активно работала с дирижером-постановщиком С. Киссом. За несколько дней были дописаны несколько новых номеров, что позволило усилить драматургию финала спектакля. Долгожданная премьера спектакля состоялась 6 октября 2012 г. спустя более чем 10 лет после начала работы над балетом.

Первый национальный балет Мордовии получился зрелищным. Спектакль не просто воссоздавал национальный колорит, он был важнейшей движущей силой его драматургии. В сцене казни Алёны в балете использовали спецэффекты и видеоинсталляции. В этой работе проявились неотъемлемые черты творческого почерка Н. Кошелевой – национальный колорит, опора на богатейшие фольклорные традиции, чудесный мелодичный дар.

Премьера стала событием культурной жизни, вызвала неоднозначные оценки как критиков, так и зрителей. Отметим не-

достатки постановки и композитор. В интервью газете «Известия Мордовии» она подчеркнула, что рада тому, что балет увидел своего зрителя и поблагодарила всех причастных к этому событию, однако, несмотря на старания Сергея Кисса, ввиду недоукомплектованности оркестра «... музыка звучит не так, как задумывалась. Спектакль получился не таким, как виделся мне изначально. Наверное, пока это не удалось передать через хореографию, но надеюсь, труппа сможет кое-что исправить, усилив некоторые моменты и более четко расставив смысловые акценты» [19].

В 2012 г. кафедрой культурологии, этнокультуры и театрального искусства был проведен круглый стол «Национальная тема в хореографическом искусстве Мордовии», полностью посвященный анализу премьерного спектакля. Ученые Института национальной культуры, балетмейстеры, артисты балета и журналисты обменялись мнениями по поводу увиденного. Была отмечена успешность постановки первого национального балетного спектакля и его важность для развития профессионального хореографического искусства республики. Однако авторы заявили, что работа балетмейстера А. Батракова нуждается в критике. Виталий Иевлев, директор Мордовской республиканской детской хореографической школы, довольно резко заметил, что «... в данной постановке нет пластического материала для воплощения образов, заложенных в музыкальной драматургии... Музыка прекрасная и достойная, но поставленное хореографом не совпадает с музыкой. Балет – это прежде всего танец, а не хождение из кулисы в кулису» [19, с. 48]. Бедность, если не сказать убогость, хореографической лексики отметили многие выступившие. Журналист Мила Мельникова писала: «... пластическое прочтение как-то не вполне совпадает с музыкальным звучанием. ... многие балетные роли не столько танцевальные, а больше пантомимические. Видимо, хореограф-постановщик Алексей Батраков считает, что зрителя не нужно утомлять разнообразием хореографической лексики, проще “перевести” содержание на язык бытовых жестов и “говорящей” мимики» [9]. Хореограф Наталья Атитанова

обратила внимание на тот факт, что в Мордовии продолжает оставаться актуальной проблема полноценного воплощения национальной тематики средствами балетного искусства и предложила воспользоваться опытом института национальной культуры в создании национальных хореографических спектаклей [21].

Марина Логинова, профессор кафедры, заявила: «Выразительность балета – это не только проникновенное наполнение смыслом каждого движения, паузы, взгляда, но и взаимопереливы музыки, танца, сценографии, костюма... Все эти составляющие жили во время спектакля отдельно» [21, с. 50]. Искусствовед, член Союза художников России Надежда Лысова в качестве достижения отметила, несомненно, музыку Н. Кошелевой и сценографию: «Художнику В. Фурсову удалось не просто оформить сценическую площадку, но и создать многозначительный образ всего действия. Прекрасно написаны все три задника... интересна и идея с написанным на прозрачной ткани суперзанавесом, и решение кулис» [21, с. 50]. Художник Галина Макушина в качестве позитивного момента сценического оформления отметила уместность живописной декорации с использованием современных проекционных технологий [21].

Совершенно неудачной признана костюмная сценография, предложенная известным мордовским модельером Галиной Лосевой. Надежда Лысова полагает, что главная ошибка кроется в непонимании модельером сути театрального костюма, в его безликости и неуместном использовании ряда современных материалов [21], культуролог и этнограф Варвара Святоголова, полностью соглашаясь с коллегой, отметила непонимание сути и народного костюма, инверсии элементов обрядовой одежды, крайнюю неопрятность и небрежность по отношению к костюму и то, что в целом народные массы выглядели как персонажи спектакля «На дне» [21].

Главный балетмейстер театра, хореограф-постановщик Алексей Батраков, напротив, был уверен в том, что ему удалось воплотить все задуманное, что трудности обусловлены количеством и качеством балетной труппы, ожиданиями зрителя: «...современный

зритель требует какие-то новые тенденции в развитии танца, я стремился совмещать классическую и народную традиции в современной хореографии. В итоге родилась такая эклектичная по стилю пластика» [21, с. 46].

В 2021 г. театр вновь обратился к истории Алёны из Арзамаса. Было принято решение возобновить балет в новой хореографии, постановка которой была осуществлена Натальей Атитановой. Сценическая премьера спектакля состоялась 5 сентября, но первыми его зрителями стали жители города Темникова, которые увидели версию спектакля 22 августа того же года в рамках фестиваля «Летний театральный сезон в Темникове». Впервые сценическая версия истории Алёны была исполнена там, где и разворачивались события жизни реальной старицы из Арзамаса.

В основе замысла авторов мордовских балетов во все времена (от либретто А. Морозова до Ю. Кондратенко), как показывает история создания национальных балетов в Республике Мордовия, лежала идея соединения фольклорно-мифологической составляющей и темы борьбы народа с темными силами, которые ассоциируются либо с собирательным образом монгольского наместника, опустошавшего подвластные территории, либо с конкретным образом князя Долгорукова, руководившего подавлением восстания разинцев на территории темниковского уезда. В чистом виде фольклорно-мифологическая основа была реализована лишь в постановке «Мордовской легенды».

Вскоре после премьеры 2012 г. в стенах Мордовской республиканской хореографической школы родилась идея создать детский спектакль на национальную тему. Директор школы Виталий Иевлев предложил разработать либретто Юрию Кондратенко, а хореографическую концепцию нового спектакля дал на разработку Наталье Мельник.

В 2013 г. авторы пришли к решению создать историю по мотивам мордовского фольклора, не привязывая сюжет к какому-либо конкретному литературному первоисточнику. В либретто представлено несколько групп персонажей. К фольклорной линии сюжета относятся мифологические персонажи: духи водных источников ведявы и богиня-хранительница пчелиных ульев

Нешке-пире-ава. Их появление уводит повествование в стародавние времена, когда жизнь людей была тесно связана с природой и ее духами-покровителями. В фольклорно-мифологической традиции божества наделялись амбивалентными чертами: они не добры и не злы, они могли помочь человеку, а могли и наказать. Таковы ведявы в либретто. Они определяют будущее девушек, при этом безучастны к их чувствам. Для главной героини Васельги их предсказание не сулит ничего хорошего, и в самый трагичный момент они просто забирают ее в свой мир, оставляя влюбленного в нее Виртяна без невесты.

Как и в мифологическую эпоху, поведение богов зависит от самих людей, от их поступков и взаимоотношений с теми природными стихиями, которым покровительствуют древние божества. Когда один из героев Виряс тревожит покой пчел – это вызывает гнев Нешке-пире-авы. Этот поступок приводит к трагедии: дарующая людям ценный мед богиня обращает на них свой гнев.

Еще одна группа персонажей – Васельга и Виртян, а также их друзья. Авторы сюжета стремились представить жизнь людей во всем ее многообразии. В традиционной культуре с помощью обрядов миры богов и людей взаимодействуют друг с другом. Ритуальная сторона жизни мордвы показана посредством обряда, обращаясь к которому (первая картина), авторы не претендовали на точное воспроизведение какого-либо конкретного обряда, черты его собирательные. Повседневная сторона жизни представлена в развернутых жанрово-бытовых сценах (шуточная пляска ряженных, история с поиском венков и шуточные танцы вокруг борти с медом). Они изображают мир людей с его простыми чувствами и поступками.

История любви Васельги и Виртяна – центральная линия сюжета. Их чувства развиваются здесь и сейчас, на наших глазах. Поэтому мы сопереживаем героям, понимая, что каждый может испытать подобное, но, конечно, в других обстоятельствах.

От замысла до завершения либретто изменялась судьба Васельги. Интересно, что героиня получила свое имя только

в момент постановки балета. Его предложила композитор Н. Кошелева. Изначально, по предложению А. И. Брыжинского, ей хотели дать имя Ведьявка, что связывало бы девушку с миром ведяв.

Первый вариант истории имел благополучный финал, любовь героев торжествовала. Но балетмейстер предложил иное развитие событий: героиня погибала и ее забирали в свой мир ведявы. Новый финал был оправдан. Он отсылал к мифу о вечном возвращении, вновь возвращал нас к мифологическим временам, превращая всю историю в легенду: «Придя в себя Виртян понимает, что девушка была права. На берегу он находит лишь венки Васельги, превратившейся в ведяву. Она исчезла, но голос возлюбленной слышится ему в шорохе камыша на берегу реки да ивы, которая склонилась над водой».

Когда либретто было готово, возник вопрос о музыкальном материале для будущего спектакля. В. Иевлев не задумываясь обратился к автору музыки первого национального балета Н. Кошелевой. Он не видел в качестве композитора спектакля никого другого. Так, первая постановка балета «Алёна Арзамасская» вдохновила на создание еще одной балетной партитуры Н. Кошелевой «Мордовская легенда».

Н. Кошелева писала серьезный балет, а не партитуру с музыкой для «самых маленьких». В постоянном контакте с балетмейстером она сочиняла один номер за другим. Музыка рождалась на одном дыхании. Поэтому столь легки и прозрачны, словно вода, музыкальные номера с ведявами. На зрителя несется большой пчелиный рой в сцене с Нешке-пире-авой. Прекрасны и миниатюрны танцы детей. Композитор-песенник Н. Кошелева просто не могла плохо написать чудесные девичьи хороводы и пляски. Умение создавать музыкальные жанровые картины всегда было достоинством балетной музыки композитора.

Однако самое главное для любой балетной партитуры – это музыкальный материал для больших балетных форм. Дуэты и адажио раскрывают нам внутренние движущие мотивы героев. Хореография и музыка здесь должны быть искренними, поэтому не терпят фальшивых чувств и переживаний,

а у Н. Кошелевой музыка всегда искренна и проникновенна.

Как и первый мордовский балет, «Мордовская легенда» прошла нелегкий путь от замысла до зрительного зала (спектакль ждал своей постановки долгих восемь лет). 20 ноября 2020 г. состоялась премьера балета на сцене Государственного музыкального театра им. И. М. Яушева, на сцену вместе с артистами балетной труппы вышли воспитанники Мордовской республиканской хореографической школы, в стенах которой и родилась идея спектакля.

Отрадно, что руководство Мордовии спустя десятилетие после премьеры первого национального балета по достоинству оценило работу композитора: 27 марта 2022 г. Н. Кошелевой вручена премия Главы РМ за музыку к балету «Алёна Арзамасская», а артистке балета Государственного музыкального театра им. И. М. Яушева Е. Перепёлкиной – за «лучшую балетную партию» (исполнение роли Алёны в этом спектакле).

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что стилеобразующим началом для хореографии Мордовии является этническая, фольклорная

культура, традиционные верования, выраженные через пластическую форму обрядового танца. Национальный балет Мордовии объединил европейскую академическую школу балета и современную хореографию, основанную на национальных традициях.

Н. Кошелева – яркий национальный композитор, творчество которого неразрывно связано с культурой родного народа. Она обладает удивительной способностью соединять в своем творчестве характерные для фольклора мокши и эрзи лиро-эпические и героико-исторические сюжеты. В ее музыке получают новую жизнь старинные обряды и драматические сцены истории, мифологические образы, персонажи сказок. Все это получило яркое воплощение в балетах «Алёна Арзамасская» и «Мордовская легенда», являющиеся украшением национального репертуара Государственного музыкального театра им. И. М. Яушева.

Творчество Н. Кошелевой носит лирический характер, ей свойственны теплота и сердечность музыкального высказывания. Это предопределило в творчестве в целом и балетной музыке в частности органичность сочетания тонкости лиризма и эпичности масштаба.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брыжинский В. С. Музыкальный театр // Мордва : очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа / сост. С. С. Маркова. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2012. С. 480–493.
2. Батраков А. А., Кондратенко Ю. А. Алёна Арзамасская (либретто) // Из личного архива Ю. А. Кондратенко.
3. Кондратенко Ю. А. Основные тенденции развития балета Мордовии на современном этапе // Человек в мире этнической культуры : материалы Всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участием. Саранск, 2014. С. 99–102. EDN: RYXXNR
4. Бояркина Л. Б. Кошелева Нина Васильевна // Мордовская музыкальная энциклопедия; под общ. ред. Н. И. Бояркина. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2011. С. 144–145.
5. Бояркина Л. Б. Становление театральной музыки в Мордовии // Финно-угорский мир. 2015. № 2. С. 77–84. EDN: SLLMZD
6. Бояркина Л. Б. Театральная музыка // Мордовская музыкальная энциклопедия; под общ. ред. Н. И. Бояркина. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2011. С. 319–325.
7. Вечканов С. Прекрасная Литова // Советская Мордовия. 1959, октябрь. Саранск, 1959.
8. Мизерская З. Невеста Грома // Советская Мордовия. 1967, март. Саранск, 1967.
9. Мельникова М. Алёна Арзамасская опять сгорела в костре теперь на сцене Мордовского театра оперы и балета // Известия Мордовии. 2012, 15 октября. URL: <https://113rus.ru/news/40768> (дата обращения: 02.10.2022).
10. Бялик Б. А. Алёна Арзамасская // Юность. 1970. № 12. С. 68–72.
11. Макарова А. И. «Алёна Арзамасская» Н. Кошелевой – первый мордовский балет // Музыка. Искусство, Наука, Практика. 2016. № 3. С. 43–50. EDN: WWMJGX
12. Макарова А. И. Н. Кошелева. Балет сказка «Мордовская легенда» // Диалоги: Статьи. Беседы. Интервью. Саранск, 2023. С. 22–28.
13. Бояркин Н. И. Становление мордовской профессиональной музыки. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1986. 160 с.

14. Музыкальная культура финно-угорских народов : проблемы изучения, сохранения и преемственности : материалы II Всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участием (23 сентября, 2015 г., г. Саранск.) / сост. С. А. Исаева. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2015. 116 с.
15. Радзецкая О. В. Алена Арзамасская в музыкальном искусстве Мордовии: история легенды // Музыкальная академия. 2016. № 3. С. 45–48. URL: <https://clck.ru/3CVxR6> (дата обращения: 10.10.2023).
16. Радзецкая О. В. Музыкальное искусство Мордовии как этнокультурный феномен : дис. ... д-ра искусствоведения. Саранск, 2014.
17. Радзецкая О. В. Культуротворческие контексты балета Н. В. Кошелевой «Алёна Арзамасская» // Финно-угорский мир. 2013. № 3. С. 75–79. URL: <https://clck.ru/3CW2n3> (дата обращения: 24.12.2023).
18. Молостцова И. Е. Пластические миры мордовского композитора Н. В. Кошелевой // Регионология. 2013. № 4. С. 315–316. URL: <https://regionsar.ru/ru/node/1218> (дата обращения: 17.10.2023).
19. Бурнаев А. Г. Алена Арзамасская в балетном искусстве Мордовии // Центр и периферия. 2014. № 1. С. 86–93. EDN: SCPWTD
20. Кошелева Н. В. Балет «Алёна Арзамасская» // Театры России. 2013. № 2. С. 112–124. URL: https://imlight-books.ru/files/saransk_web_compressed.pdf (дата обращения: 10.10.2023).
21. Круглый стол «Национальная тема в хореографическом искусстве Мордовии» // Феникс : научный ежегодник кафедры культурологии. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2012. С. 44–54.

Поступила 09.07.2024; одобрена после рецензирования 13.08.2024; принята к публикации 20.08.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Е. Н. Антипкина – кандидат философских наук, доцент кафедры театрального искусства и народной художественной культуры Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8706-0679>, elana19@mail.ru

Ю. А. Кондратенко – доктор искусствоведения, доцент, заведующий кафедрой театрального искусства и народной художественной культуры Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), заслуженный деятель искусств Республики Мордовия, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-9635-4466>, yurkondr@gmail.com

В. С. Святогорова – кандидат культурологии, доцент кафедры театрального искусства и народной художественной культуры Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-6589-9018>, mikargina@mail.ru

Formation of the Stage Traditions of Mordovian National Ballet through the Work of Composer N. Kosheleva

Elena N. Antipkina
Yuri A. Kondratenko
Varvara S. Svyatogorova

*National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia*

Introduction. This article explores the history of the formation of the stage traditions of the national ballet of Mordovia, which can resist contemporary processes of globalization and unification that lead to the erosion of ethnic culture. The stage history of the ballet reflects the priorities of Russia's national policy, which aims to strengthen the unity of the multinational people while preserving its ethnocultural diversity. The aim of the research is to identify the features of the staging of national ballets on the theatrical stage of Mordovia, using the work of composer N. V. Kosheleva as an example. Currently, her ballet music remains the only material available for creating ballet performances in the republic's musical theater. However, her works have not been the subject of a comprehensive study within the context of the history of Mordovian theatrical art.

Materials and Methods. The empirical material included national ballets created by composer N. V. Kosheleva, as well as performances from the repertoire of the I. M. Yaushev State Musical Theater and the Mordovian Republican Children's Choreographic School. The theoretical basis consisted of the works of scholars in the field of musical theater and professional musical and choreographic art of Mordovia. The research methodology is determined by the specificity of the material being analyzed. It is based on a historical-theoretical approach, methods of comparative analysis, and art-historical interpretation of artistic works, which justifies the use of musicological and balletological approaches to material analysis.

Research results and Discussion. The national ballet theater relies on the rich choreographic tradition of the people, which, when combined with the tradition of classical ballet, allowed the creation of a unique plastic language. The study found that in the process of composing ballet music based on a national plot, composer N. V. Kosheleva does not simply quote the tunes and melodies of the folk songs and dances of the Mordovians, but also adds her individual creative component.

Conclusion. The research results indicate that the national ballet of Mordovia represents a synthesis of ethnic dance traditions and classical ballet. It was formed in close interaction with domestic ballet and composer schools. This is confirmed by the ballet work of composer N. V. Kosheleva. The results of this study can be used for further research into the history of Mordovian ballet art in particular and the history of Mordovian art in general.

Keywords: national ballet, works of composer Nina Kosheleva, Alena Arzamasskaya, Mordovian legend, ballet music

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Antipkina E.N., Kondratenko Yu.A., Svyatogorova V.S. Formation of the Stage Traditions of Mordovian National Ballet through the Work of Composer N. Kosheleva. *Finno-Ugric World*. 2024;16(3):348–360. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.03.348-360>

REFERENCES

1. Bryzhinsky V.S. [Musical Theatre]. In: *Mordva : Ocherki po Istorii, Etnografii i Kulture Mordovskogo Naroda*. Saransk; 2012. p. 480–493. (In Russ.)
2. Batrakov A.A., Kondratenko Yu.A. [Alena Arzamasskaya (libretto)]. From the Personal Archive of Yu.A. Kondratenko. (In Russ.)
3. Kondratenko Yu.A. [The Main Trends in the Development of the Ballet in Mordovia at the Present Stage]. *Man in the World of Ethnic Culture: Proceedings of the All-Russian Conference with International Participation*. Saransk; 2014. p. 99–102. (In Russ.) EDN: RYXXNR
4. Boyarkina L.B. [Kosheleva Nina Vasilevna]. In: *Mordovian Musical Encyclopedia*. Saransk; 2011. p. 144–145. (In Russ.)
5. Boyarkina L.B. Formation of Theater Music in Mordovia. *Finno-Ugric World*. 2015;(2):77–84. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: SLLMZD
6. Boyarkina L.B. [Theatrical Music]. In: *Mordovian Musical Encyclopedia*. Saransk; 2011. p. 319–325. (In Russ.)
7. Vechkanov S. [Beautiful Litova]. *Soviet Mordovia*. 1959, October. Saransk; 1959. (In Russ.)
8. Mizerskaya Z. [A Bride of Thunder]. *Soviet Mordovia*. 1967, March. Saransk; 1967. (In Russ.)
9. Melnikova M. [Alyona Arzamasskaya was Burned at the Stake Once Again, this Time on the Stage of the Mordovian Opera and Ballet Theater]. *Izvestia Mordovii*. 2012, October 15. (In Russ.) Available at: <https://113rus.ru/news/40768> (accessed 02.10.2022).
10. Bialik B.A. [Alena Arzamasskaya]. *Yunost*. 1970;(12):68–72. (In Russ.)
11. Makarova A.I. Alyona Arzamasskaya by N. Kosheleva – the First Mordovian Ballet. *Music. Art, Research, Practice*. 2016;(3):43–50. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: WWMJGX
12. Makarova A.I. [N. Kosheleva. Ballet Fairy Tale "Mordovian Legend"]. *Dialogues: Articles. Conversations. Interviews*. Saransk; 2023. p. 22–28. (In Russ.)
13. Boyarkin N.I. [Formation of Mordovian Professional Music]. Saransk; 1986. (In Russ.)
14. [Musical Culture of the Finno-Ugric Peoples: Problems of Study, Preservation and Continuity: Proceedings of the II All-Russian Conference with International Participation]. Saransk; 2015.
15. Radzetskaya O.V. [Alena Arzamasskaya in the Musical Art of Mordovia: the History of the Legend]. *Muzykalnaya akademiya*. 2016;(3):45–48. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3CVxR6> (accessed 10.10.2023).
16. Radzetskaya O.V. [The Musical Art of Mordovia as an Ethnocultural Phenomenon: Dissertation for the Degree of Doctor Art History]. Saransk; 2014. (In Russ.)
17. Radzetskaya O.V. [Cultural and Creative Contexts of the Ballet by N.V. Kosheleva "Alena Arzamasskaya"]. *Finno-Ugric World*. 2013;(3):75–79. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3CW2n3> (accessed 24.12.2023).
18. Molostvova I.E. [Plastic Worlds of the Mordovian Composer N.V. Kosheleva]. *Regionology*. 2013;(4):315–316. (In Russ.) Available at: <https://regionsar.ru/ru/node/1218> (accessed 17.10.2023).
19. Burnaev A.G. Alena of Arzamass in the Ballet Art of Mordovia. *Center and Periphery*. 2014;(1):86–93. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: SCPWTD
20. Kosheleva N.V. [Ballet "Alena Arzamasskaya"]. *Theaters of Russia*. 2013;(2):112–124. (In Russ.) Available at: https://imlight-books.ru/files/saransk_web_compressed.pdf (accessed 10.10.2023).
21. Roundtable "National Theme in the Choreographic of Mordovia". *Phoenix: Yearbook of the Department of Cultural Studies*. Saransk; 2012:44–54. (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 09.07.2024; revised 13.08.2024; accepted 20.08.2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

E. N. Antipkina – Cand.Sci. (Philos.), Associate Professor, Department of Theater Art and Folk Art Culture, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8706-0679>, elana19@mail.ru

Yu. A. Kondratenko – Dr.Sci (Arts), Head of Department of Theater Art and Folk Art Culture, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-9635-4466>, yurkondr@gmail.com

V. S. Svyatogorova – Cand.Sci. (Cult.), Associate Professor, Department of Theater Art and Folk Art Culture, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-6589-9018>, mikargina@mail.ru

Часовня Рождества Христова Лявозерского саамского погоста

Марк Михайлович Шахнович

*Центр гуманитарных проблем Баренц региона КНЦ РАН,
Апатиты, Россия*

Евгений Борисович Коливатов

*Независимый исследователь,
Мурманск, Россия*

Введение. Статья посвящена уникальному объекту – часовне Лявозерского погоста на озере Чесыньяр, обнаруженной в Ловозерской тундре. Памятники православной культуры саам Мурманской области редко изучались специалистами. Цель исследования – ввести в научный оборот информацию о существующих документах по истории часовни, результатах экспедиционных работ по ее обследованию; продолжить дискуссию о времени строительства и этапах истории.

Материалы и методы. Исследование основывалось на архивных документах и материалах экспедиций. В основе исследования лежит принцип историзма с применением сравнительно-исторического метода.

Результаты исследования и их обсуждение. Часовня найдена в 2002 г. В 2016 и 2019 гг. проходили экспедиции по ее изучению. Первое документальное сообщение конкретно об этом памятнике относится к 1828 г. После смены места зимнего погоста семиостровских саамов часовня не была перемещена вместе с жилищами и осталась «в лесу». С возникновением Лявозерского погоста она под именованием Рождества Христова снова появляется в официальных документах. В 1895 г. часовня расширена и отремонтирована. В 1930-е гг. она была заброшена.

Заключение. При анализе архивных документов высказывается предположение о строительстве часовни в 1681 г. Прослеживается ее история до 1930-х гг. По мнению авторов, сформировавшийся в региональной литературе тезис о «двоеверии» саамов требует пересмотра. Факт существования в Ловозерской тундре православной часовни говорит об устойчивом христианском мировоззрении коренного населения этой части Кольского полуострова.

Ключевые слова: Русская Лапландия, Ловозерская тундра, Семиостровский погост, православная часовня, саамы

Финансирование: исследование выполнено в рамках госзадания по теме НИР FMEZ-2024-002 «Динамика социокультурного облика Кольского Севера в контекстах истории освоения арктического фронта России».

Благодарности: выражаем искреннюю признательность за помощь Ю. Кожевниковой, М. Кучинскому, Д. Ермолаеву.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шахнович М. М., Коливатов Е. Б. Часовня Рождества Христова Лявозерского саамского погоста // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 3. С. 361–372. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.03.361-372>

Введение

Научное исследование культовых мест аборигенов Восточной Лапландии ограничивалось преимущественно сакральными языческими объектами [1]. Данный «исследовательский перекосяк» можно объяснить сформировавшимся в XIX в. стереотипом о том, что духовная культура саам вплоть до 1950-х гг. опиралась преимущественно на древние дохристианские верования с «поверхностным налетом» воцерковления. Так, финляндский этнограф М. А. Кастрен в 1858 г. пишет о низкой, по сравнению с финнами, степени религиозности саам и их всеобъемлющем суеверии [2]. Для объективной оценки мировоззрения русских саамов нужен углубленный анализ различных аспектов проблематики с привлечением этнографических и исторических материалов.

Круг памятников, связанных с православной культурой саам, не ограничивается только поздними семейными и общинными могильниками около погостов. В него можно включить также часовни (погостные, тоневые, памятные), могилы местночтимых подвижников, памятные и поклонные кресты. В настоящее время почти все они находятся в археологизированном состоянии с разной степенью сохранности. К сожалению, перечисленные объекты редко привлекали внимание специалистов и натурно изучались эпизодично¹.

Обзор литературы

Саами (лопари) – коренной этнос арктической части Северной Европы. Российские этнографы стали изучать его недавно, не ранее первой половины XIX в. [5]. Число известных и обследованных памятников этого народа Русской Лапландии не велико, поэтому важна каждая новая находка, связанная с его историей.

Часовням Русского Севера и Карелии, их специфике в контексте политики го-

сударства по отношению к православным общинам на периферии Российской империи посвящен ряд работ авторов начала XXI в. [6–8]. Часовни Русской Лапландии, находящиеся в саамских погостах, ранее не изучались.

Материалы и методы

В данной статье мы хотим подробнее остановиться на уникальном православном памятнике в Ловозерской тундре – часовне Лявозерского погоста на озере Чесыньяр². Предварительные итоги ее изучения ранее уже были представлены авторами [9]. В данной статье вводятся в научный оборот новые документальные источники и результаты четырех экспедиций, проведенных энтузиастами-краеведами в начале XXI в., продолжается дискуссия о его датировании и этапах истории. Впервые рассматриваются материалы XIX в. из фонда И-17 «Благочиние Мурманского округа Олонецкой епархии» Государственного архива Мурманской области и фонда И-29 «Архангельская духовная консистория» Государственного архива Архангельской области. В качестве основных методов работы выступили историко-описательный и сравнительный.

Результаты исследования и их обсуждение

Часовня в православной традиции – это безалтарное культовое здание, предназначенное для индивидуального или коллективного богослужения без проведения литургии. Они строились преимущественно по личной инициативе мирян (обетные, поминальные), но обязательно с разрешения правящего епископа, в сакральных и общественно значимых местах, требующих усиленной молитвы: над источниками и захоронениями праведников, при кладбищах и дорогах и т. п.³ В часовнях могли проводиться важные христианские

¹ Например, антрополого-этнографическое обследование в 1976 и 1978 гг. кладбищ первой половины XX в. в Чальмны-Варрэ, Пулозеро, Варзино [3], работы в Сонгельском саамском погосте в 1998 г. экспедиции ЦГП КНЦ РАН [4].

² Используется и написание Часыньяр.

³ «Часовни устраивались подобно крестам на дорогах в отвращение разных народных бедствий и в благодарное воспоминание милости Божией, явленной людям». См.: Никольский К. О. О часовнях // Церковные ведомости / изд. при Св. Синоде. СПб., 1889. № 10. С. 254.

обряды (крещение, отпевание, как исключение – венчание). Они относятся к малым формам православной архитектуры и чаще всего представляют собой строения небольших размеров и простой «клетской» конструкции. При крупных деревнях на Русском Севере нередко возводились большие многоуровневые и разноширокие, изыскано декорированные многокамерные деревянные часовенные здания [10].

Правильность совершения богослужений и характер осуществляемых в них обрядов часто не контролировались приходскими священниками. Например, в русских и карельских приходах Европейского Севера в часовнях хранили votивные приношения, вплоть до конца XIX в. в деревенские праздники около них нередко проводили общественные действия с явным языческим смыслом (календарные жертвоприношения): убивали, готовили и съедали жертвенное животное, варили пиво и т. п. [11].

С началом жесткого противодействия государства старообрядческому движению (последняя треть XVII в.) отношение властей к часовням резко меняется с лояльного на запретительное. В 1679 г. царским указом запрещается их возведение без разрешения церковных иерархов. В первой трети XVIII в. вышло несколько царских и синодальных ограничительных указов о часовнях: о воспрещении их строительства в Санкт-Петербурге (25 ноября 1707 г.), о разборе всех существующих часовен и запрещении постройки новых (28 марта 1722 г.), запрещении строительства новых и подновления ветхих (10 июня 1734 г.)⁴. Епископы понимали все негативные последствия жестких мероприятий для религиозных устоев православных сельских общин и пытались донести это до Синода.

В 1853 г. стало допускаться строительство часовен «с тем, чтобы в сих последних православные причты по временам отправляли славословия», а в 1865 г. архиереи получили право самостоятельно санкционировать их постройку. В 1883 г. старообрядцам разрешили подновлять принадлежавшие им старые молитвенные здания и часовни. На окраинах Российской империи официальные запретительные постановления относительно часовен редко соблюдались и в целом были малоэффективны [6; 7].

Часовни Русской Лапландии. Начало распространения христианства на территории Кольского Севера следует связать с проникновением первых промысловых коллективов мурман и корел в северное Беломорье и на побережье Баренцева моря в XI–XIII вв. Миссионерская деятельность среди местного населения (лопь, терфинны, квены) стала проводиться по инициативе новгородского архиепископа Геннадия в конце XV в. и продолжалась новгородским митрополитом Макарием в первой трети XVI в. Однако только во второй половине XVII в. жители саамских погостов стали более активно втягиваться в общую церковную жизнь края [12].

В ситуации значительной удаленности большинства поселений на Севере от малочисленных церквей можно предположить, что часовни как простейшая форма церковного строительства изначально существовали в местах расселения православного народа. Однако первое документальное сообщение о возведении часовни (над могилой прп. Трифона) относится ко второй половине XVI в. [13]. В Русской Лапландии и Беломорье часовни ставились чаще всего коллективами промысловиков на многолетних морских тонях, по обету, односельчанами

⁴ «В России строгие правила о часовнях, запрещение постройки их, явились в царствование Императора Петра I-го. С одной стороны, тогда особенно обнаружилось упорное неповиновение раскольников православной церкви и тайное богослужение их в часовнях, с другой стороны, тогдашнее внутреннее управление Россией было таково, что трудно и почти невозможно уследить правительству, открыть все раскольнические места Богослужения, отличить их собрания в часовнях от собраний в часовнях лиц православных; вследствие этого, при решительном намерении Императора остановить распространение раскола и даже истребить его, явились указы, требовавшие без всякого ограничения, чтобы разобраны были все часовни как раскольнические, так и православные, и недозволявшие постройку никаких часовен. <...> Между тем часовни служат в пользу раскольников и их учения; ибо они, по своему невежественному упрямству и умовредной прелести, отчуждаясь от церквей, приходят в часовни, как в некоторую мольельню, и отправляемое там моление почитают за церковное, что не следует». См.: Никольский К. О часовнях // Церковные ведомости / изд. при Св. Синоде. СПб., 1889. № 10. С. 256–257.

над могилами праведников и найденных утонувших, в староверческих поселениях [14; 15].

В лопарских погостах Кольского уезда (Воронежский, Семиостровский, Ловозерский, Масельский, Екостровский, Бабенский, Нотозерский, Соельский) первые восемь часовен были построены зимой 1681–1682 гг. во время миссионерской поездки кольского священника Алексея Симонова [15]. В конце XIX в. в шести саамских приходах, в зимних погостах, стояли десять часовен простой «клетской» конструкции, возведенных местными общинами: в Нотозерском приходе – две, Ловозерском – три, Понойском – две, Пазрецком, Кильдинском и Понойском – по одной. Небольшие бревенчатые здания имели скромное внутреннее убранство. Священники проводили в них богослужение один-два раза в год⁵. Существовала практика, когда при перемещении поселения на новое место, что происходило в среднем раз в 40–50 лет, часовни разбирались и перевозились вместе с другими постройками.

В центральной части Кольского полуострова, в Ловозерской тундре, до наших дней сохранилось здание часовни Лявозерского православного погоста. Ее находка в начале XXI в. стала значимым событием в изучении истории Православия Русской Арктики [9].

История изучения часовни. Впервые целенаправленными поисками часовни в 1985 г. занялся А. Б. Комаров, выбрав для поиска район верховьев реки Харловка. В 2002 г. И. В. Вдовин дважды осуществил экспедиционные выезды к предположительному месту нахождения Рождественской часовни. Только вторая поездка, организованная в мае, принесла положительный результат. Часовню обнаружили в густом березняке на восточном берегу небольшого озера Чесыньявр, в 47 км к северо-востоку от п. Ловозеро⁶ (рис. 1). В 2002 г. была про-

ведена ее фотофиксация (купол и крыша здания еще сохранялись) (рис. 2, 3), описаны уцелевшие церковные предметы и надписи XX в. на бревнах стен. Первично собранная информация приобрела особую ценность после обрушения часовенной крыши [9]. Экспедиционные работы 2002 г. вызвали общественный интерес, способствовавший активизации изучения этой православной святыни. В последующие годы продолжались изыскания по сбору документальных материалов по истории часовни.

Рис. 1. Местонахождение часовни Рождества Христова на озере Чесыньявр

Fig. 1. Location of the Chapel of the Nativity of Christ on Lake Chesynyavr

Источник: https://www.etomesto.ru/map-atlas_marksa/.
Source: https://www.etomesto.ru/map-atlas_marksa/.

В 2016 и 2019 гг. в кратких экспедициях И. В. Вдовина к часовне принимал участие иеромонах Никодим (Коливатов). С его помощью были атрибутированы самодельные богослужебные предметы, предварительно датированные началом XX в.: деревянный аналой из реек, подсвечник – лист железа (43 × 23 см) с семнадцатью приваренными втулками для установки свечей, деревянное основание небольшой иконы. В 2016 г. под

⁵ «В каждом погосте находится вместо церкви часовня, в виде четырехугольного амбара, крытая на два ската, с крестом наверху. Внутренняя передняя стена часовни обставлена иконами, перед которыми стоят деревянные подсвечники и висят лампы; иконы увешаны лентами, платками и пеленами». См.: Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. 1896. Вып. 3. Архангельск: Тип-я Д. Горянова. С. 202; «Часовня – простой сруб с крышей на два ската. Внутри тесно и скудно. Образа без окладов, местной живописи. Перед ними позолоченная лампада и пропасть птичьих яиц на подвесках – приношения усердствующих лопарей». См.: Немирович-Данченко В. И. Страна холода. Виденное и слышанное. СПб.: Издание книгопродавца М. О. Вольфа. 1877. С. 301.

⁶ В ряде случаев, по наименованию соседнего крупного озера, ее называют Контозерской часовней.

полом в центре часовни были обнаружены пять камней, которые, скорее всего, можно рассматривать как «закладные». Это позволяет предположить, что в этом месте устраивался престол, и в редкие приезды священников служилась Божественная Литургия [9]. Кроме того, в 2019 г. архитектором-реставратором О. В. Бересневым произведены натурные обмеры здания, с составлением чертежей и детальным описанием его конструктивных особенностей.

Рис. 2. Часовня на озере Чесыньявр. Вид с северо-запада

Fig. 2. The Chapel on Lake Chesnyavv. View from the northwest

Источник: автор изображения И. В. Вдовин, 2002.
Source: Photo by I. V. Vdovin, 2002.

Рис. 3. Часовня на озере Чесыньявр. Вид с юго-запада

Fig. 3. The Chapel on Lake Chesnyavv. View from the southwest

Источник: автор изображения И. В. Вдовин, 2002.
Source: Photo by I. V. Vdovin, 2002.

История часовни. Первое письменное сообщение о нашем памятнике относится к 1828 г. В клировых ведомостях Кольского благочиния священник Воскресенского собора города Колы Иоанн Дьяконов сообщает: «От Понойского прихода по зимнему тракту в 500 верстах при Семиостровском погосте часовня во имя Рождества Иисус Христов, маленькая. А от города Колы в 200 верстах. По фундаменту, стенами и крышей еще прочна. Жители при часовне из собираемых кошелевковых доходов по части иногда доставляют в местную церковь. Построена при заведенных частными людьми рыбных промыслах»⁷.

Он же упоминает часовню и в 1834 г.: «Семиостровской же называемой Лявозерской, при коем часовня во имя Рождества Христова»⁸ (рис. 4). К 1840 г. относится первое описание ее размеров и внутреннего убранства: «Часовня сия от города Колы отстоит в 295 верстах, местоположением имеет лес. От зимнего Лявозерского погоста в 1,5 версте. Длина часовни 5,5 аршина, а широта 5,5 аршина же, а высота 2,5 аршина. Одно окно. Из икон: 1. Рождество Христово, 2. Неопалимая Купина, 3. Благовещенье Пресвятой Богоро-

Рис. 4. Местонахождение часовни Рождества Христова на озере Чесыньявр Военно-дорожная карта Европейской России, 1888

Fig. 4. Location of the Chapel of the Nativity of Christ on Lake Chesnyavv. Military road map of European Russia, 1888

Источник: https://www.etomesto.ru/map-atlas_marksa/.

Source: https://www.etomesto.ru/map-atlas_marksa/.

⁷ Государственный архив Мурманской области (далее ГАМО). Ф. И-16. Оп. 1. Д. 15. Л. 17 об. Информация предоставлена Д. А. Ермолаевым.

⁸ Ермолаев Д. А. Мурманский календарь: 7 января. Контозерскую часовню построили при рыбных промыслах // Комсомольская правда. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.murmansk.kp.ru/daily/26180.3/3067934/> (дата обращения 12. 01. 2024)

дицы в киоте за стеклом, 4. Григорий Богослов, 5. Иоанн Златоуст. Часовня строением не прочна и неприлична. Утварью скудна. Больше ничего при ней не находится»⁹.

Таким образом, часовня в первой половине XIX в. имела внешние размеры в плане примерно 4 × 4 м, высота 1,8 м. Это совпадает с обмерами основного объема в 2019 г.: 4,2 × 4 м, высота по крышу 2 м, с крышей – 3–3,1 м, с куполом и крестом – около 4,1–4,2 м. (рис. 5).

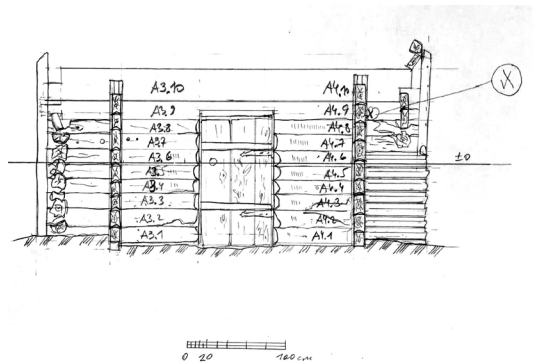

Рис. 5. Часовня на озере Чесыньяр. Чертеж
Fig. 5. The Chapel on Lake Chesynyavr. Drawing

Источник: автор чертежа О. В. Береснев, 2019.
Source: The drawing by O. V. Beresnev, 2019.

Неслучайный состав пребывавших в часовне икон важен для понимания ее посвящения и особенностей богослужения. Первая икона Рождества Христова связана с наименованием часовни. Вторая – Непалимая Купина – особая «икона-оберег», спасавшая от огня деревянное, на долгое время остававшееся без внимания, здание. Третья икона Благовещение Пресвятой Богородицы, вероятно, относится к приходскому храму, к которому часовня была тогда приписана (к Благовещенской церкви в городе Кола), или к большому церковному празднику, после которого саамы уходили к морю. Именно эта икона находилась в застекленном киоте, что указывает на ее дарственный характер [9].

При описании внутреннего убранства маленькой лопарской часовни упоминаются образа вселенских учителей и святителей

Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Они, скорее всего, были небесными патронами строителей или возобновителей часовни. Впрочем, эти иконы могли быть перенесены из другого храма как списанные «за ветхостью».

Семиостровские саамы долгое время не объединялись в самостоятельный приход, поэтому удаленная часовня несколько раз меняла свою административную принадлежность. Изначально она входила в состав Понойского прихода, затем поочередно Кольского и Ловозерского. В начале XIX в. часовня территориально относилась к Семиостровскому лопарскому погосту. В этот период на озере Лявозеро, что находится в 4 км к северу от озера Чесыньяр, семиостровские саамы основали отдельное поселение – выселок. Часовня использовалась зимой, когда они занимались здесь рыбным промыслом. Косвенно это подтверждается ее посвящением Рождеству Христову, которое праздновалось 25 декабря по старому стилю [9]. Богослужения проводились от случая к случаю и только к концу XIX в. установилось регулярное требоисправление.

К середине XIX в. часовня оказывается не в границах жилого участка, а «в лесу», потому что границы лопских погостов были неустойчивыми, а сами поселения за свою историю неоднократно меняли свое месторасположение.

В архивных источниках часто упоминается о бедности Рождественской часовни и скромности ее убранства. В 1831 г. священник села Поной Дамиан Андрианов сообщает, что от часовни «прибыли в церковный кошелек никакой не получается, содержание же имеет скудное от подаяния в кошелек». «Кошелькового сбора от сей часовни поступило 1 руб., а свечного не поступило» – докладывает епархиальному руководству в 1853 г. кольский священник Алексей Алексеевский¹⁰.

Низкие доходы от продажи свечей сохранялись и в конце XIX в. В одном из отчетов за 1896 г. мы находим: «Лявозерская часовня во имя Рождества Христова находится близ Лявозерского погоста в 5-ти верстах, а от

⁹ Государственный архив Архангельской области (далее ГААО). Ф. 29. Оп. 4. Т. 2.

¹⁰ ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 6, Л. 57 об; Д. 49; Д. 24. Л. 59–59 об.

Ловозерского погоста в 70 верстах. <...> В ней кроме нескольких икон, ни ризницы, ни богослужебных книг не имеется. Служба совершается 25 декабря ежегодно. Свеч в годичное время продается 9 ф. на сумму 13 р. 50 к. Кружечного сбора в отчетном году было 1 руб. Разных пожертвований поступило 10 руб. Приходно-расходная книга есть, выдана из Арх. Дух. Консistorии в 1889 г. за № 8, значит по ней денег к будущему 1897 г. 65 руб. 84 коп. <...> Кроме 25 декабря, служба совершается на первой неделе Великого поста»¹¹.

В конце XIX в. Рождественская часовня была расширена. Настоятель Ловозерского прихода священник Николай Шмаков 28 декабря 1894 г. обратился к благочинному с просьбой разрешить пристроить к ней сени. Лес был готов пожертвовать зажиточный оленевод Фома Николаевич Мелентиев¹², родившийся в Лявозерском погосте и бывший смотрителем часовни¹³. К началу января 1896 г. работы были завершены¹⁴. Сени с двускатным покрытием были ниже основного строения (высота пристройки составляла около 140 см, а с крышей – 240 см) и вытянуты (250 × 290 см). Внешняя входная стена со временем значительно «разъехалась». После ремонта часовня была обшита тесом и покрашена «белилами»¹⁵. На крыльце висели два небольших колокола¹⁶. Вероятно, к этому времени относится и купол, простоявший более ста лет до начала XXI в. По описям начала XX в. часовенное убранство оставалось скромным. Утварь помещалась в два небольших ящика, где хранилась до приезда священника [9].

С начала XX в. Лявозерский погост постепенно пустеет, в 1926 г. в нем насчитывается всего восемь жителей. В начале 1930-х гг. он

исчезает из списков населенных пунктов¹⁷. На часовенных стенах появляются надписи, сделанные редкими охотниками и оленеводами, например: «1933 года 31 июня здесь косил Филиппов Даниил Харитонович. Больше не думаю косить здесь» (рис. 6). Подобную практику оставления надписей на стенах можно наблюдать и сегодня в промысловых избушках.

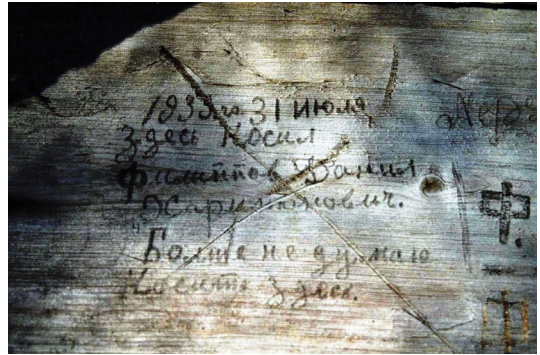

Рис. 6. Часовня на озере Чесыньявр. Надпись на стене

Fig. 6. The Chapel on Lake Chesynyavr. The inscription on the wall

Источник: автор изображения И. В. Вдовин, 2016.
Source: Photo by I. V. Vdovin, 2016.

В контексте истории часовни интересно вырезанное на стене сеней клеймо (рис. 7). Тамга, которую можно увидеть на замененном бревне, указывает на относительно позднее время его происхождения. В списке саамских клейм А. Я. Комшилова 1927 г. оно отсутствует¹⁸. По сообщению местных жителей, этот знак принадлежит семье Шаршиных [9]. Возможно, они участвовали в ремонтных работах конца XIX в.¹⁹

Время строительства часовни. Относительно времени возведения часовни на

¹¹ ГАМО, Ф. И-17. Оп. 1. Д. 149. Л. 56 об.

¹² ГААО, Ф. И-17. Оп. 1. Д. 135. Л. 399.

¹³ Он часто жертвовал на церковное строительство и помощь малоимущим. Особенно он запомнился современникам благотворительностью для ветеранов Первой мировой войны и их семей, оставшихся без кормильцев. См.: ГАМО, Ф. И-17. Оп. 1. Д. 160, Л. 65 об.

¹⁴ ГААО, Ф. И-17. Оп. 1. Д. 148. Л. 67.

¹⁵ ГАМО, Ф. И-17. Оп. 1. Д. 203. Л. 56; Д. 160. Л. 65.

¹⁶ ГАМО, Ф. И-17. Оп. 1. Д. 149. Л. 157.

¹⁷ Географический словарь Кольского полуострова // Мурманский филиал географо-экономического науч.-исслед. ин-та ЛГУ. Ленинград, 1939. Т. 1. С. 60.

¹⁸ Комшилов А. Я. Лопарские клейма // Доклады и сообщения Мурманского общества краеведения. Вып. I. Мурманск, 1927. С. 46–62.

¹⁹ По информации М. Г. Кучинского, фамилия происходит от прозвища человека.

Рис. 7. Часовня на озере Чесыньявр. Тамга
Fig. 7. The Chapel on Lake Chesynyavr. Tamga

Источник: автор изображения И. В. Вдовин, 2016.
Source: Photo by I. V. Vdovin, 2016.

озере Часыньявр есть два предположения. Первое – она срублена в конце XVIII в. саамами семиостровского погоста, вероятно, мужчинами семьи Шаршиных. В этот период возникает Лявозерский выселок, со временем увеличившийся до отдельного погоста. По второй гипотезе, опирающейся на документ 1682 г., – «Кольского острога соборного священника Алексея Симонова тетради с отчетом о поездке его по государеву указу по Лопским погостам для уничтожения у лопарей язычества и воссоединения их к православной церкви» [14] – часовня построена на сто лет ранее.

По заданию царя Феодора Алексеевича кольский священник Алексей Симонов предпринял продолжительную поездку по лопарским погостам, в ходе которой опрашивал саамов об их вероисповедании, крестил некрещеных, разъяснял им основы православия. В ряде поселений по его указанию лопари ставили часовни, которые имели «зимние» посвящения, так как инспекционная поездка проходила в период с ноября по январь [9].

В сохранившемся отчете священника отмечается, что в Воронском погосте «свои богомерския жертвища оне лопари разорили», «а для молитвы и для чести и поклонения святых икон поставили оне лопари часовню во имя Рождества Иисуса Христа» [15, с. 107]. Из текста понятно,

что события происходят в поселении на реке Воронья, а не у семиостровских саамов, о которых рассказывается далее.

В Семиостровском зимнем погосте после разрушения языческого святилища была поставлена часовня «во имя Пресвятыя Богородицы честнаго ея собора» [15, с. 107]. Этот праздник отмечается в первый день после Рождества Христова и является главным торжеством периода поспразднства. По церковным правилам часовня в Семиостровском погосте имеет то же посвящение, что и в Воронинском, и праздничные иконы у них будут одинаковыми. В этой ситуации становится понятна и замена в последующем наименования часовни. Посвящение Собору Пресвятой Богородицы отразилось в официальных документах, а местные саамы определяли его по основной иконе Рождества Христова [5].

Семиостровский погост, в начале XVII в. называвшийся Норенским, в писцовой книге Алая Михалкова локализован на Лявозере: «Погост Норенской стоит на леве озере» [17, с. 448]. Возможно, Алексей Симонов в своем отчете упоминал именно часовню на озере Часыньявр, находящемся в 4 км к югу от Лявозера.

Уместно отметить, что гидроним «Часыньявр», переводящийся с саамского языка как «Часовенное озеро» или «Озеро у часовни», указывает на древность часовни [5].

Упоминания о часовне в источниках XVIII в. пока не обнаружены. Возможно, архивные документы этого периода еще не стали объектом должного внимания специалистов. Кроме того, нужно учесть, что архив консистории Архангельской и Холмогорской епархии был уничтожен пожаром летом 1793 г., а документы Кольского благочиния сгорели вместе с Воскресенским собором при нападении англичан на город Кола в 1854 г. [18].

Заключение

Подведем предварительные итоги данного исследования истории Часыньяврской часовни. По нашему мнению, возможной датой ее строительства следует считать 1681 г. Сначала она была посвящена Собору Пресвятой Богородицы, но жители

погоста воспринимали ее как Христо-Рождественскую.

После перемещения семиостровского зимнего погоста на южный берег Лявозеро часовня оказывается удаленной от поселения и частично теряет свою роль религиозного центра округа. С возникновением Лявозерского погоста она как Рождественская снова появляется в официальных документах, и в ней вновь осуществляется требоисправление. В 1895 г. здание часовни было перестроено – возведен новый купол, пристроены сени, поменены бревна стен и настил крыши. После административного закрытия поселения в Лявозеро в 1930-е гг. она была заброшена, но изредка посещалась [9].

В настоящее время здание часовни после разрушения крыши разобрано и перевезено на хранение в Ловозеро. Остается надежда, что и с вероятными лакунами реликвия будет возвращена на историческое

место Лявозерского погоста. Более точное понимание вопроса, в какой период была возведена часовня, произойдет только после осуществления профессиональных археологических исследований по изучению остатков саамского погоста и непосредственно места часовни на озере Чесыньярв. Для ответа на вопрос, что сохранилось от первоначальной постройки в дошедшем до нас часовенном здании, необходимо его комплексное изучение.

По нашему мнению, сформировавшийся в региональной литературе устойчивый тезис о «двоеверии» саамов и преобладающем в нем языческом начале требует пересмотреть с привлечением письменных и археологических источников Нового и Новейшего времени. Факт многолетнего существования в Ловозерской тундре православной часовни свидетельствует об устойчивом христианском мировоззрении коренного населения этой части Кольского полуострова.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шахнович М. М., Кулькова М. А. Опыт идентификации саамских сакральных объектов Русской Лапландии: «Братья» полуострова Средний Мурманского побережья Баренцева моря // Труды Кольского научного центра. 2020. № 6-19. Т. 11. С. 163–179. EDN: JMFRCQ
2. Кастрен М. А. Этнографические замечания и наблюдения Кастрена о лопарях, карелах, самоедах и остяках, извлеченные из его путевых воспоминаний 1838–1844 гг. // Этнографический сборник ИРГО. СПб., 1858. 320 с.
3. Гохман И. И., Лукьянченко Т. В., Хартанович В. И. О погребальном обряде и краниологии лопарей // Полевые исследования Института этнографии. М. : Наука, 1978. С. 51–67. EDN: UIBGNV
4. Гуцол Н. Н. Современное состояние памятников культуры восточных саамов в Кольском районе Мурманской области // Природопользование в Евро-Арктическом регионе: опыт XX века и перспективы. Апатиты : Изд-во. КНЦ РАН, 2004. С. 441–458. EDN: UYWXNR
5. Хартанович М. Ф., Хартанович М. В. Лапландские (саамские) коллекции в Кунсткамере Императорской академии наук XVIII в. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. № 3. Т. 16. С. 511–518. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2022-16-3-511-518>
6. Иванова А. И. Северные часовни в церковно-правовом пространстве России во второй половине XVII – начале XX в. // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 3. Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера. Архангельск : Поморский университет, 2008. С. 486–497.
7. Пулькин М. В. Православный приход и власть в середине XVIII – начале XIX века (по материалам Олонецкой епархии). Петрозаводск : КНЦ РАН, 2009. 422 с. URL: <http://resources.krc.karelia.ru/krc/doc/publ2010/Prihod.pdf> (дата обращения: 17.01.2024).
8. Пермиловская А. Б. Часовня в традиционной культуре Русского Севера // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 4. Т. I. С. 248–254. URL: <https://clck.ru/3Cqxqf> (дата обращения: 20.01.2024).
9. Коливатов И. Н., Шахнович М. М. К истории саамской часовни на озере Часыньярв // Православие и наука в Арктике. Апатиты : КНЦ РАН. 2023. С. 45–53. EDN: IPVBOV
10. Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Л. : Стройиздат, 1972. 120 с. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/derevjann/text.pdf> (дата обращения: 28.01.2024).
11. Конкка А. П. Жертвоприношения животных на летних календарных праздниках карел (материалы к описанию обряда) // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 77–95. EDN: TQZUZT

12. Никонов С. А. О начале христианизации саамов Кольского полуострова во второй четверти XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 3 (77). С. 60–69. EDN: AXVOYT
13. Описи церковного имущества Кольского Печенгского монастыря и Воскресенского собора города Колы XVIII – середины XIX веков / сост. и авт. статей Д. А. Ермолаев, С. А. Никонов. Мурманск, 2013. 430 с. URL: https://www.murmanarchiv.ru/images/stories/opis-18_02.pdf (дата обращения: 23.01.2024).
14. Старицын А. Н. Староверческое движение в Поморье во второй половине XVII – первой трети XVIII в. (Опыт изучения и локализации поселений староверов) : моногр. СПб. : Петроглиф, 2023. 500 с.
15. Кучинский М. Г. Миссия Алексея Симонова // Этнографическое обозрение. 1998. № 6. С. 104–111. URL: <https://eo.iea.ras.ru/issue/12930/> (дата обращения: 23.01.2024).
16. Кучинский М. Г. Саами Кольского уезда в XVI–XVIII вв. Модель социальной структуры. Каутокейно : Саамская высшая школа. 2008. 308 с. URL: <https://clck.ru/3Cr6tA> (дата обращения: 18.01.2024).
17. Харузин Н. Н. Русские лопари (очерки прошлого и современного быта) // Известия императорского общества любителей естественной антропологии и этнографии. Т. X. М. : Товарищество скоропечатни А. Левенсон. 1890. 472 с.
18. Кожевникова Ю. Н. Документы по истории приходов Кольского Севера в фонде Кемского духовного правления Национального архива Республики Карелии // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2022. Вып. 22. № 2. С. 109–119. URL: <https://doi.org/10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.008>

Поступила 09.07.2024; одобрена после рецензирования 06.08.2024; принята к публикации 13.08.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

М. М. Шахнович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона КНЦ РАН (184200, Российская Федерация, г. Апатиты, мкр. Академгородок, д. 40а), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0771-675X>, marksuk62@mail.ru

Е. Б. Коливатов, иеромонах Никодим – независимый исследователь, evgkolev@mail.ru

Chapel of the Nativity of the Lovozersky Sami Churchyard

Mark M. Shakhnovitch

*Barents Centre of the Humanities, Kola Science Centre
of the Russian Academy of Sciences,
Apatity, Russia*

Evgeniy B. Kolivatov

*Independent Researcher,
Murmansk, Russia*

Introduction. The article considers the discovery of a unique object in the Lovozero tundra – the chapel of the Lyavozersky churchyard on Lake Chesnyavr. Monuments of Orthodox Sami culture in the Murmansk region have rarely been studied by specialists. The purpose of the study is to introduce into the research circulation the information about existing documents on the history of the chapel, the results of expeditionary work on its survey, and to continue the discussion about the time of construction and the stages of history.

Materials and Methods. The research was based on archival documents and expedition materials. The research is based on the principle of historicism using the comparative historical method.

Results and Discussion. The chapel was found in 2002. Expeditions to study it took place in 2016 and 2019. The first documentary report specifically about this monument dates back to 1828. After the change of the site of the winter churchyard of the Semiostrovsky Sami, the chapel was not moved along with the dwellings and remained "in the forest". With the formation of the Lovozersky churchyard, it reappears in official documents, already being called the Chapel of the Nativity. In 1895, it was expanded and renovated. It was abandoned in the 1930s.

Conclusions. When analyzing archival documents, it is suggested that the chapel was built in 1681. Its history can be traced back to the 1930s. According to the authors, the thesis of the "dual faith" of the Sami, which has been formed in the regional literature, requires revision. The fact of the existence of an Orthodox chapel in the Lovozersky tundra speaks about the stable Christian worldview of the indigenous population of this part of the Kola Peninsula.

Keywords: Russian Lapland, Lovozero tundra, Semiostrovsky churchyard, Orthodox chapel, Sami

Funding: The research was carried out within the framework of the state task on the topic of research FMEZ-2024-002 "Dynamics of the socio-cultural appearance of the Kola North in the context of the history of the development of the Arctic frontier of Russia".

Acknowledgments: We express our sincere gratitude for the help to Y. Kozhevnikova, M. Kuchinsky, D. Ermolaev.

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Shakhnovitch M.M., Kolivatov E.B. Chapel of the Nativity of the Lovozersky Sami Churchyard. *Finno-Ugric World*. 2024;16(3):361–372. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.03.361-372>

REFERENCES

1. Shakhnovich M.M., Kulkova M.A. Experience in Identifying Sami Sacred Objects in Russian Lapland: "Bratya" of the Srednii Peninsula, Murmansk Coast of the Barents Sea. *Transactions Kola Science Centre*. 2020;11(6-19):163–179. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: JMFRQC
2. Kastren M.A. [Ethnographic Notes and Observations of Castren on the Lapps, Karelians, Samoyeds and Ostyaks, Extracted from his Travel
3. Gokhman I.I., Lukyanchenko T.V., Hartanovich V.I. [About the Funeral Rite and Craniology of Lapps]. *Polevye Issledovaniya Instituta Etnografii*. Moscow; 1978. p. 51–67. (In Russ.) EDN: UIBGNV
4. Hutsol N.N. [The Current State of Cultural

- Monuments of the Eastern Sami in the Kola Region of the Murmansk Region]. *Prirodopolzovanie v Evro-Arkticheskom regione: opyt XX veka i perspektivy*. Apatity; 2004:441–458. (In Russ.) EDN: UYWXR
5. Khartanovich M.F, Khartanovich M.V. Lapponian (Sami) Collections in 18th – Century Kunstkamera of the Imperial Academy of Sciences. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2022;16(3):511–518. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2022-16-3-511-518>
 6. Ivanova A.I. [Northern Chapels in the Ecclesiastical and Legal Space of Russia in the Second Half of the 17th – Early 20th Centuries]. In: *Pomor Readings on Semiotics of Culture*. Vol. 3. Sacred Geography and Traditional Ethno-Cultural Landscapes of People of the European North. Arkhangelsk; 2008. p. 486–497. (In Russ.)
 7. Pulkin M.V. [Orthodox Parish and Power in the Mid-18th – Early 19th Centuries (Based on Materials from the Olonets Diocese)]. Petrozavodsk; 2009. (In Russ.) Available at: <http://resources.krc.karelia.ru/krc/doc/publ2010/Prihod.pdf> (accessed 17.01.2024).
 8. Permilovskaya A.B. The Chapel in the Traditional Culture of the Russian North. *Yaroslavskij Pedagogicheskij Vestnik*. 2010;1(4):248–254. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3Cqxqf> (accessed 20.01.2024).
 9. Kolivatov H.N., Shakhnovich M.M. On the History of the Sami Chapel on Chasynyavr. *Pravoslavie i nauka v Arktike*. Apatity; 2023. p. 45–53. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: IPVBOB
 10. Orfinsky V.P. [Wooden Architecture of Karelia]. Leningrad; 1972. (In Russ.) Available at: <http://www.booksite.ru/fulltext/derevjann/text.pdf>.
 11. Konkka A.P. [Animal Sacrifices at the Karelian Summer Calendar Holidays (Description of the Ritual)]. *Obryady i verovaniya narodov Karelii*. Petrozavodsk; 1988. p. 77–95. (In Russ.) EDN: TQZUZT
 12. Nikonov S.A. About the Christianization of the Saami of the Kola Peninsula in the Second Quarter of the 16th Century. *Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 2019;(3):60–69. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: AXVOYT
 13. [Inventory of the Church Property of the Kola Pechenga Monastery and the Resurrection Cathedral of the City of Kola in the 18th – mid 19th Centuries]. In: D.A. Ermolaev, S.A. Nikonov (ed.). Murmansk; 2013. (In Russ.) Available at: https://www.murmanarchiv.ru/images/stories/opis-18_02.pdf (accessed 23.01.2024).
 14. Staritsyn A.N. [Old Believer Movement in Pomerania in the Second Half of the 17th – First Third of the 18th Century (Experience in Studying and Localizing Old Believers Settlements): Monograph]. St. Petersburg; 2023. (In Russ.)
 15. Kuchinsky M.G. Alexey Simonov’s Mission. *Etnograficheskoe Obozrenie*. 1998;(6):104–111. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://eo.iea.ras.ru/issue/12930/> (accessed 23.01.2024).
 16. Kuchinsky M.G. [Sami of the Kola District in the 16th–18th Centuries. Model of Social Structure]. Kautokeino; 2008. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3Cr6tA> (accessed 18.01.2024).
 17. Kharuzin N.N. [Russian Lapps (Essays on Past and Modern Life)]. *Izvestiya Imperatorskogo Obshchestva Lyubitelej Estestvoznaniya, Antropologii i Etnografii*. T. X. St. Petersburg; 1890. p. 472. (In Russ.)
 18. Kozhevnikova Y.N. Documents on the History of the Parishes of the Kola North in the Fund of the Kem Spiritual Collegium of National Archives of Republic of Karelia. *Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian Studies*. 2022;22(2):109–119. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.008>

Submitted 09.07.2024; revised 06.08.2024; accepted 13.08.2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

M. M. Shakhnovich – Cand.Sci. (Hist.), Research Associate Barents Centre of the Humanities, Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences (40a Akademgorodok, Apatity 184200, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0771-675X>, marksuk62@mail.ru

E. B. Kolivatov, hieromonk Nikodim – Independent Researcher, evgkolev@mail.ru

МОРДОВСКИЙ ТАНЕЦ В КАРТИНЕ ХУДОЖНИКА А. А. РЫБИНОЙ- ЕГОРОВОЙ

MORDOVIAN DANCE IN A PAINTING BY THE ARTIST A. A. RYBINA-EGOROVA

Картина «Мордовский танец» (90 x 63 см, холст, масло) (рис. 1) написана в 2011 г. местным мордовским художником Алёной Александровной Рыбиной-Егоровой (рис. 2). В основу художественного полотна положен женский образ танцующей молодой эрзянки в этническом костюме мордвы-эрзи. Представленная героиня одета в праздничную расшитую рубаху, подпоясанную широким поясом с кистями-помпонами, обута в лыковые плетеные лапти с холщевыми онучами, на голове – кокошник с платком и разноцветными лентами, на грудные массивные украшения в виде бус и пулагай/пулай (слово «пуло» переводится как хвост) – набедренная деталь в комплексе этнического женского костюма.

В живописной картине «Мордовский танец» художник Рыбина-Егорова представила красивый сценический симбиоз этнического эрзянского костюма с современными народными пластическими характеристиками. Она взяла за основу не пластику тяжеловесного этнического костюма мордвы-эрзи, а предложила на суд зрителя уже имеющийся сценический костюм, с его облегченной формой, выполненный художником-модельером Е. С. Морозовой для ансамбля танца «Мордовочка» (МГУ им. Н. П. Огарева) и танцевальной группы «Лейне» (Мордовская государственная филармония).

В картине «Мордовский танец» все связано с этническим танцем: и пластика костюма, и женская статика, и мелкие хореографические движения, даже цветовая гамма бордово-красно-

Рис. 1. А. А. Рыбина-Егорова. Мордовский танец. 2011.

Fig. 1. A. A. Rybina-Egorova. Mordovian dance. 2011.

белого цвета с жаром пламени оранжевого огня, отдельные вкрапления черных шерстяных кистей пулая, а также мимика эрзянки, ее улыбка говорят о сдержанно-живом темпераменте танцовщицы. Эрзянка исполняет сложный сольный народный танец, она танцует с наклоном корпуса влево, мелко переступая ногами, руки разведены в стороны и подняты вверх на уровне головного убора, кисти рук у нее собраны в кулачек, словно после щелчка пальцами.

Эрзянка, изображенная на картине художника, не стоит на месте, она будто бы перемещается, т. е. в нашем воображении движется вперед, шагает навстречу зрителю. В картине представлены развивающиеся кисти пулая, они словно от дуновения ветра разлетаются по сторонам, т. е. дик-

туют о вращательных движениях и поворотах корпуса. Весь этот пластический спектр этнического костюма подчеркивается движением низа рубахи, а также лент головного убора и дополняется элементами эротического содержания, применяемыми в мордовском этническом танце, как колыхание красивой и объемной женской груди с движениями и звуком нагрудных и набедренных украшений.

В картине молодого художника Рыбиной-Егоровой мы находим не только отражение женской этнической пластики периода языческой культуры мордвы, но и авторские сценические краски народных эрзянских танцев Березниковского («Уточки Старых Найман») и Кочкуровского («Кочкурка») районов Республики Мордовия в постановке балетмейстера ансамбля национального танца «Мордовочка» (МГУ им. Н. П. Огарева), финно-угроведа, профессора, доктора искусствоведения А. Г. Бурнаева.

В картине «Мордовский танец» присутствует синтетичность пластических характеристик народного костюма, а также представляется сравнительный анализ отдельных бытовых элементов народного танца, которые находятся не только в сочетании пластики этнического костюма, но и мозаичности движений. В художественном представлении может рассматриваться ритмическая особенность дробных выстукиваний ногами, а также другие телодвижения. По-видимому, художник Рыбина-Егорова досконально изучила работы Ф. В. Сычкова на этническую мордовскую тему и взяла

за основу некоторые стилистические краски для своей картины «Мордовский танец».

Например, картина Ф. В. Сычкова «Подруги за работой» (1935), где две молодые девушки мокшанки в этнических костюмах (Ковылкинского района Республики Мордовия) прядут пряжу, сидя на традиционной скамейке с пряслицами, и держат в руках веретено. Их мимика (улыбка на лице) диктует зрителю о женской румяной красоте. Пластика этнического костюма девушек передается статикой крупных складок на подоле верхней праздничной одежды «рукават», также как и головной убор, собранный в виде накрученной чалмы из цветастого полусалка, и белая льняная рубаха с набедренными шумящими и звенящими украшениями. В картине «Трактористки-мордовки» (1938) художник изобразил двух молодых мордовок-мокшанок на современных фабричных стульях как бы тех же подружек (1935), но более веселых, сидящих совершенно свободно. Эти мордовки «новой формации» с более богатыми праздничными костюмами.

Свободу в пластике и движениях тела мы не найдем в картине «Учительница-мордовка» (1937). В ней отображается этнический раздел особой мордвы, где мокшанская красавица статично сидит на скамье с неповторимым обаянием, изысканностью головного лопатообразного убора, нагрудных и набедренных украшений, в белой рубахе с красно-розовым «рукават». Аналогичная палитра красок этнического костюма передана Ф. В. Сычковым в картине «Эрзянка» (1952). Здесь присутствуют и другие оттенки

Рис. 2. А. А. Рыбина-Егорова

Fig. 2. A. A. Rybina-Egorova

эмоциональности женского образа, где свободная пластика тела сочетается с некой статностью женской фигуры в полный рост. В картине «Школьница-отличница» (1934) есть другие пластические краски. Они выражены в ярком и живом образе сидящей, широко улыбающейся девочки-мокшанки, держащей в руках раскрытую книгу. В этом образе передан энергетический посыл к движению в изучении чего-то нового, развитию индивидуального знания.

У художника Ф. В. Сычкова мы также находим женский образ молодой эрзянки, изображенной на панно «Праздник урожая» (1938). Девушка в этническом костюме (Кочкуровского района Республики Мордовия) со своей статикой разведенных в стороны рук (правая согнута в локте и поднята вверх, держит стакан молодого вина, а левая отведена в сторону с открытой ладонью наружу) передает зрителю не сам танец, а сдер-

жанный эмоциональный посыл к сольному песенному танцу, который отражается и в пластике тела, и мимике женского лица исполнительницы.

Рыбина-Егорова – молодой художник, она как живописец и график работает в разных жанрах и направлениях, таких как портрет, деревенский пейзаж, натюрморт, фантазийно-символическая композиция. В своих живописных картинах автор открывает для зрителя красоту человеческого характера, передает состояние души и представляет на их суд свои эмоциональные переживания, даже чувственность.

Творчество сопряжено с неизменной фантазией, которая вызывает у зрителя позитивные эмоции и впечатления, наполняющие человеческую душу незримой энергией и теплотой. Картина «Мордовский танец» отвечает всем приведенным параметрам, она была представлена 2011 г. на городских выставках и фестивалях народного творчества не только в Саранске («Тепло родного очага», «Большая Волга», «Шумбрат Мордовия»), но и в Москве («Увиденное» в ЦДХ). Тематика работ художника самая разнообразная, также как и техника исполнения. Виден скрупулезно-кропотливый труд автора над каждым художественным произведением. В живописи Рыбина-Егорова не останавливается на достигнутых результатах, она соединяет сразу несколько направлений и находит их соприкосновение с современной действительностью. Представляя свое творческое кредо, художник находится в постоянном поиске чего-то нового и неизученного.

Александр Гаврилович Бурнаев –

доктор искусствоведения, профессор кафедры театрального искусства и народной художественной культуры Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68),
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2295-9699>,
burnaevag@mail.ru

Alexander G. Burnaev –

Dr.Sci. (Arts), Department of Theater Arts and Folk Art Culture, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation),
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2295-9699>,
burnaevag@mail.ru

МАРИЙСКАЯ ВЫШИВКА: | MARI EMBROIDERY: ТРАДИЦИИ, | TRADITIONS, ИССЛЕДОВАНИЯ, | RESEARCH, CREATIVE ТВОРЧЕСКИЙ ПОИСК | EXPLORATION

Рецензия на книгу: Кудрявцев В. Г., Павлова А. Н. Искусство марийской вышивки. Йошкар-Ола : Издательский дом «Марийское книжное издательство», 2023. 256 с.: ил.

Book review: Kudryavtsev V.G., Pavlova A.N. The art of Mari embroidery. Yoshkar-Ola: Publishing House "Mari Book Publishing House", 2023. 256 p.

Марийская вышивка на протяжении длительного времени привлекает внимание не только ученых, но и краеведов-любителей, мастеров народного творчества. В российских музеях сформировался богатый фонд вышитых предметов традиционного орнаментального искусства, который пополняется благодаря творческой деятельности народных мастериц и современных профессиональных художников. Необходимо отметить, что осмысление генезиса искусства марийской вышивки служит основой для глубокого понимания духовной традиции этноса:

*Видно, так уж мир устроен,
Что всего для нас дороже
Не сама холстина жизни,
А такая вроде малость,
Как узор на уголочке,
Кем-то вышитый любовью
Что и холст весь украшает
И ласкает нашу душу .*

В 2023 г. в Издательском доме «Марийское книжное издательство» была опубликована книга доктора искусствоведения В. Г. Кудрявцева и доктора исторических наук А. Н. Павловой «Искусство марийской вышив-

ки». Издание состоит из 3 глав и приложений, включает богатые черно-белые и цветные иллюстрации, которые дополняют его содержание. Дизайн книги разработан на высоком профессиональном уровне В. В. Безденежных в соответствии с цветовой гаммой марийской вышивки. Рецензентом издания выступила доктор культурологии, профессор Г. Е. Шкалина.

Авторы на протяжении длительного времени занимаются изучением различных аспектов марийской народной культуры и профессионального изобразительного искусства, что нашло отражение в ряде опубликованных ими работ. К их числу относятся «Семантика марийского костюма» (2008), «Художественная культура марийского народа: народное творчество, деревянное зодчество, изобразительное искусство» (2017), «Марийское народное искусство» (2019) и др.

Во введении рассматривается история изучения марийской вышивки, первые сведения о которой в письменных источниках относятся к XVII–XVIII вв. Раздел включает краткие очерки, посвященные основным иссле-

дователям марийской вышивки XIX – начала XXI в., проиллюстрированные портретами исследователей и фотографиями экспедиционных материалов. Наряду с широко известными публикациями Т. Е. Евсеева, Т. А. Крюковой, Г. И. Соловьёвой и др. отмечены работы современных исследователей Н. А. Большой, Т. Л. Молотовой, А. А. Песецкой, Т. Б. Никитиной, С. Я. Алибекова. Как справедливо отмечают авторы книги, марийская вышивка и сегодня продолжает оставаться в центре изучения специалистов различных сфер гуманитарных наук: археологии, этнологии, искусствоведения, культурологии.

Первая глава «Орнаментальное творчество» раскрывает место и роль этого феномена в народной культуре. На основе современных концепций происхождения орнамента исследователи приходят к выводу о том, что он играл огромную роль в сохранении и передаче информации в традиционном обществе, приобщении к этнической картине мира через овладение изобразительной культурой и техническими приемами вышивания.

¹ Спиридонов А. Югорно. Песнь о вещем пути. Эпос мари: опыт синтеза. Йошкар-Ола, 2002. С. 37.

Истоки орнаментального искусства мари восходят к концу I тыс. н. э. Этим временем датируется исследованный Т. Б. Никитиной Русенихинский могильник, расположенный в Воскресенском районе Нижегородской области, где обнаружены вышитые металлической нитью фрагменты кожаной и шерстяной одежды (с. 35).

В проведенном В. Г. Кудрявцевым и А. Н. Павловой исследовании образы марийской вышивки проанализированы в мифологическом и историко-культурном контексте, также выделено множество заложенных в них смыслов. Справедливо указано, что особенностью марийского орнамента является доминирование геометрических символов (ромб, меандр, свастика, крест, спираль, восьмиконечная розетка и т. д.), имеющих древние истоки не только в финно-угорском, но и в общемировом культурном пространстве. В орнаментальном творчестве мари происходит геометризация зооморфных образов водоплавающих птиц, лося, оленя, коня, медведя, глухаря, бабочки и др., включенных в древнюю мифологическую картину мира (рис. 1, 2).

Наряду с широко известными орноморфными и зооморфными образами авторам удалось выделить графическое воспроизведение медведя в жертвенной позе – один из древнейших образов в северной Евразии: «Одно из немногочисленных изображений медведя, вероятно, присутствует в вышивке женского платка вуйвидыш царевokokшайских мари. В основе орнаментальной полосы бордюра лежит повторяющаяся трехчастная композиция, включающая изображения двух медведей в жертвенной позе, обращенных к Мировому дереву или столбу. Образ медведя в жертвенной позе, известный в пермском зверином стиле, угадывается в широко распространенном мотиве марийской вышивки» (с. 76).

Рис. 1. Нагрудная вышивка женской рубашки Царевококшайских мари. Фрагмент. Из коллекции Старокрещенского Дома ремесел Оршанского района Республики Марий Эл

Fig. 1. Embroidery on the chest of a women's shirt from the Tsarevokokshaysk Mari. Fragment. From the collection of the Starokreshchensky House of Crafts, Orshansky District, Republic of Mari El

Рис. 2. Нагрудная вышивка женской рубашки Царевококшайских мари. Фрагмент. Из коллекции Национального музея Республики Марий Эл имени Т. Евсеева

Fig. 2. Embroidery on the chest of a women's shirt from the Tsarevokokshaysk Mari. Fragment. From the collection of the National Museum of the Republic of Mari El named after T. Evseev

Значительное место отводится анализу растительных мотивов, в том числе Мирового дерева. С. А. Нурминский отмечал, что весь сказочный мир мари вертится вокруг леса и его обитателей, поэтому в единый бинарный образ объединяются изображения животных и растений. Авторы выделяют наиболее характерные композиции с симметричным расположением «древа». Как самостоятельный орнамент оно используется редко, но обычно является связующим звеном в трехчастной (геральдической) композиции с изображениями животных и птиц (с. 84).

Вторая глава «Вышивка – живопись иглой» посвящена проявлению творческого начала в этом виде художественной деятельности и раскрытию самобытных технических приемов. Отмечается, что «природосообразность» марийской культуры способствовала выработке наиболее рациональных технологических способов обработки текстильного материала и исполнения швов. Процесс создания конопляных нитей и тканей являлся основой счетной вышивки. Выработанные приемы окрашивания шерстяных и шелковых нитей определили колористическую гамму и традиции исполнения. Большое внимание уделено выполнению вышивки приемами «роспись», «косая стежка», «набор», а также появившимся позднее декоративным швам («стебельчатый», «веревочка», «крест» и др.). Располагая скромными материально-техническими возможностями, марийские мастерицы довели свое ремесло вышивания до уровня высокого искусства. Колористическую гамму марийского костюма составляли три цвета: белый, красный (терракотовый, бордовый), черный (темно-синий), дополнительно использовались вкрапления желтого (охра) и зеленого цветов.

Сакральное значение вышитых изделий также стало предметом изучения В. Г. Кудрявцева и А. Н. Павловой. Являясь неотъемлемой частью костюма,

вышивка располагалась в соответствии с семантикой предметов одежды и их частей, что проиллюстрировано и раскрыто в текстовой части рецензируемого издания. Большое внимание уделено особенностям орнаментации головных уборов замужних женщин (сорока, шымакш, шарпан, нашмак), а также женских и мужских рубах, где использовались древние зооморфные и орнитоморфные образы (с. 131). Особое внимание авторы уделяют оберегам, используемые в орнаментации мужской и женской одежды. Обрядовый костюм мари выполнял не только эстетические, но и защитно-магические функции.

Глубинные образы нашли воплощение в вышивке свадебного костюма невесты. В свадебных обрядах мари важную роль играло покрывало (вүргенчик), вышивка которого отличалась сложностью и полизначностью, включала наиболее архаичные символы. В главе рассматриваются особенности символического решения свадебных платков (солык), обрядовых покрывал-скатертей, используемых во время культовых церемоний, также поясных полотенец и проч., отмечены роль и место вышитых предметов в традиционных ритуалах (рис. 3).

Рис. 3. Сцена свадьбы.

Из экспозиции Национального музея Республики Марий Эл имени Т. Евсеева

Fig. 3. Scene of a wedding. From the exhibition of the National Museum of the Republic of Mari El named after T. Evseev

Исследование завершается анализом образов вышивки в современной художественной культуре. Искусство народных мастериц в настоящее время осваивается в учебных заведениях, домах ремесел и студиях декоративно-прикладного искусства. Отмечается вклад артелей фабрики строчевышитых изделий «Труженица» и отдельных мастериц в сохране-

ние и развитие традиций вышивки в советский период. На рубеже XX–XXI вв. искусство народной вышивки получило развитие во многих городах и районах республики. Большой вклад в сохранение и популяризацию марийской народной вышивки внесли П. И. Ласточкина, Л. В. Веткина, Н. Е. Майкова, И. А. Степанова, Л. Н. Фёдорова, Ф. Н. Шестакова и др. Произведения народных мастеров являются важным фактором сохранения этнической идентичности в условиях глобализации.

В заключении хочется отметить, что начертание символа или знака, элементов, мотивов и композиций в традиционном обществе подразумевало избразительную основу, которая как артефакт этнической культуры содержала в себе сакральный смысл. И сам смысл предметов народного творчества с вложенной в них информационной нагрузкой сегодня вовлекается в широкий коммуникативный процесс. В современную эпоху многочисленные знаки культуры подвергаются широкой визуальной и смысловой трансформации. Однако, сохраняя свои знаковые функции, народный орнамент становится органичной частью современности и раскрывает как определенный бренд этническую традицию.

Помыткин Иван Александрович –

аспирант кафедры культуры и искусств
Института национальной культуры и межкультурной коммуникации
Марийского государственного университета
(424002, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, ул. Кремлевская, д. 44),
ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-6413-780X>,
i-pom1@yandex.ru

Ivan A. Pomytkin –

Postgraduate student (PhD), Department of Culture and Arts, Institute of
National Culture and Intercultural Communication, Mari State University
(44 Kremlevskaya St., Yoshkar-Ola 424002, Russian Federation),
ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-6413-780X>,
i-pom1@yandex.ru

**ВКЛАД Т. А. КОСКИ
В СОХРАНЕНИЕ
МУЗЫКАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ
(К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ)**

**T. A. KOSKI'S
CONTRIBUTION
TO THE PRESERVATION
OF MUSICAL CULTURE
(ON THE 100th
ANNIVERSARY
OF HER BIRTH)**

Финансирование: финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (№ 124022000077-1).

Funding: The financial support for the research was carried fulfillment of the state order (No. 124022000077-1).

12 сентября 2024 г. исполняется 100 лет со дня рождения этномузыковеда, члена Союза композиторов Карелии Тертту Арвовне Коски (1924–1990) (рис. 1). Тертту родилась в Хельсинки (Финляндия)¹, спустя восемь лет вместе с родителями она переехала в СССР (Петрозаводск). С этого момента вся ее жизнь уже была связана с Карелией, с ее многонациональной культурой. В 1946 г. Тертту окончила теоретическое отделение Петрозаводского музыкального училища им. К. Э. Раутио и до 1955 г. проработала в ансамбле «Кантеле», затем около десяти лет – в Республиканском доме народного творчества.

В 1964 г. она была зачислена музыковедом в секцию фольклора в Институт языка, литературы и истории (ИЯЛИ) Карельского филиала Академии наук СССР (ныне Карельский научный центр РАН). В ИЯЛИ к этому времени уже начала формироваться традиция изучения музыкального фольклора народов Карелии, для этого была особенно важна орга-

Рис. 1. Тертту Арвовна Коски, 1975
Fig. 1. Terttu Arvonna Koski, 1975

низация архива фонограммных записей. В 1956 г. по решению Президиума КФ АН СССР создается кабинет звукозаписи (ныне Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН), штат которого должен был состоять из двух сотрудников. Первой заведующей в 1957 г. становится выпускница Московской государственной консерватории, до этого закончившая исторический факультет МГУ, С. Н. Кондратьева. При этом в Институте

много внимания стали уделять записи и изучению музыкального, песенного фольклора Карелии и сопредельных регионов. Сотрудники ИЯЛИ приглашали в кабинет звукозаписи карельских композиторов, устраивали совместные обсуждения готовящихся музыкальных сборников. Фольклорный материал становился основой авторских музыкальных произведений. Самые известные крупные художественные коллективы (ансамбль «Кантеле», Петровский и Поморский хоры), также как и маленькие объединения, создававшиеся практически в каждой деревне, использовали для своих программ материал, хранившийся в ИЯЛИ. В 1962 г. был опубликован сборник карельских народных песен², в 1966 г. изданы «Русские народные песни Поморья»³. Тертту Арвовна продолжила дальнейшее изучение музыкального фольклора. Тертту Арвовна являлась не только знатоком теории музыки, но и носителем финского языка, что оказало большую помощь

¹ Композиторы и музыковеды Карелии. Петрозаводск : Карелия, 1987. С. 46–47.

² Карельские народные песни / сост. и вступ. ст. Л. М. Кершнер. М. : Гос. муз. изд-во, 1962. 130 с.

³ Русские народные песни Поморья / сост. и соб. С. Н. Кондратьева. М. : Музыка, 1966. 271 с.

в ее собирательской и научной работе, в подготовке сборников по карельскому и ингерманландскому фольклору.

Деятельность Т. А. Коски как научного сотрудника была связана с изучением, отбором, расшифровкой музыкальных и поэтических текстов, написанием предисловий, комментариев, подготовкой научного аппарата фольклорных сборников (рис. 2). Она выступала с докладами на многих конференциях по проблемам финно-угроведения в Петрозаводске, Таллине, Москве, Сыктывкаре и других городах.

Тертту Арвовна неоднократно принимала участие в научных экспедициях по сбору фольклорного материала. Первый раз она выехала в село Ведлозеро Пряжинского района вместе с музыковедом С. Н. Кондратьевой в 1959 г., еще не работая в ИЯЛИ. Здесь были записаны как русские, так и карельские разножанровые песни. В 1967 г. она собирала устное народное творчество карелов-ливвиков Олонецкого района, посетив деревни Онькулица, Юргилица, Судалица, Ильинское, Тулокса, Тукса, Мегрега. В этом же году она записывала информантов в Петрозаводске. В 1977 и 1979 гг. Т. А. Коски с Н. А. Лавонен посетили северных карелов Лоухского района (поселок Кестеньга, деревни Софпорог и Тунгозеро), где зафиксировали не только песенную, но и обрядовую культуру, различные фольклорные жанры.

В 1968 г. под руководством фольклориста Э. С. Киуру состоялась экспедиция к ингерманландцам, проживающим в Ленинградской области (деревни Криворучье, Поги, Глинки, Краполье, Мишино, Дубки, Ротка), в которой принимала участие Э. П. Кюльмяса.

Тертту Арвовна являлась активным участником экспедиционных выездов под руководством А. П. Разумовой, цель которых – фиксация музыкального фольклора русского Поморья и Пу-

Рис. 2. Тертту Арвовна Коски за расшифровкой аудиозаписей, 1980

Fig. 2. Terttu Arvovna Koski for transcribing audio recordings, 1980

дожья. В 1964 г. они посетили населенные пункты Шуерецкое и Черная Река; в 1969 г. – Пудож, Колодозеро, Шашино; в 1970 г. – Шижня, Нюхча, Беломорск; в 1971 г. – Сумпосад и Колежма; в 1972 г. снова побывали в Нюхче, одном из центров бытования поморской песенной традиции.

Результатом всех этих полевых выездов стали музыкальные сборники, посвященные традициям разных народов и жанров. Формирование любого сборника начиналось с проведения кропотливой и трудоемкой работы по расшифровке записанных в экспедициях текстов, их нотировке и отбору наиболее полных и интересных вариантов.

Первый сборник «Русские народные песни Карельского Поморья» был издан и снабжен богатым научным аппаратом в 1971 г. в Ленинграде⁴. Одним из составителей и автором вступительной статьи и нотировок была Т. А. Коски. Преподаватель Петрозаводской консерватории, музыковед Т. В. Краснопольская высоко оценила этот труд, подчеркнув, что «народные песни, собранные как золотой песок по крупицам и заключенные в умную, толковую книгу», сразу же снова ушли в народ⁵. Сборник включал 219 разножанровых

песен от лирических жестоких романсов, свадебных причитаний и святочных величаний до былин, баллад и исторических песен. Они были записаны в десяти населенных пунктах, в том числе до этого не исследованных. Все тексты сопровождалась нотными расшифровками, и это являлось большим плюсом сборника, поскольку не только расширяло читательскую аудиторию, но и имело важную практическую ценность для музыкальных коллективов. Опубликованный материал, включающий редчайшие записи, показал, что основой самобытной музыкальной поморской культуры является протяжная лирическая песня. При этом для данной традиции характерны старинная игровая и скорая песни, а также эпические жанры, которые свидетельствуют о том, что в северном Карельском Поморье существовала своя эпическая традиция. Во введении Тертту Арвовной подробно охарактеризованы песенные традиции Поморья, рассмотрены различные виды распевов протяжных песен, в том числе многоголосный распев, выделив тонкий кружевной орнамент песен деревни Гридино в сравнении с широким, раздольным распевом песен Черной Речки. Она уделила внимание «частым» песням, утешным, кадрильным, репертуару игровых песен. Были рассмотрены обрядовые песни – величальные свадебные и святочные колядки; проанализированы музыкальные особенности свадебных причитаний. Тертту Арвовна описала манеру пения отдельных исполнительниц и особенности небольших певческих коллективов, что можно было сделать, лишь самой приняв участие в собирании материала. Известный музыковед В. А. Лапин отмечает «кропотливый труд Т. А. Коски, нотировавшей магнитофонные записи. Музыканты могут оценить, какая это трудоемкая работа – более 230 страниц подчас сложнейших многоголосных нотировок!»⁶.

⁴ Русские народные песни Карельского Поморья / сост. А. П. Разумова, Т. А. Коски, А. А. Митрофанова. Л.: Наука, 1971. 452 с.

⁵ Краснопольская Т. В. Песни северного Поморья // Север. 1972. № 7. С. 125.

⁶ Лапин В. А. Русские народные песни Карельского Поморья // Советская этнография. 1973. № 6. С. 173–176.

Еще одним итогом совместных полевых выездов фольклориста А. П. Разумовой и музыковеда Т. А. Коски стала книга «Русская свадьба Карельского Поморья»⁷. В этом издании представлено сравнительное описание свадебного ритуала и последовательно приуроченных к нему свадебных песен и причитаний двух поморских сел Колежмы и Нюхчи. Всего в 50–70-х гг. XX в. было записано 150 поэтических текстов причитаний, из которых для публикации отобраны тридцать семь. Все девятнадцать причетов Колежмы поются на один напев (в Нюхче напев иной, но тоже один), при этом в каждом из них есть три версии и все они опубликованы. Т. А. Коски подробно анализирует особенности причетных и песенных напевов свадебного ритуала двух поморских сел. Напевы свадебных песен она относит к двум ветвям единого мелодического стиля, а политекстовые напевы обоих сел «имеют общую для них музыкально-ритмическую форму, типичную для севернорусской причети»⁸.

Как уже отмечалось выше, Т. А. Коски участвовала во многих научных конференциях. Один из ее докладов посвящен напевам свадебных причитаний Карельского Поморья. Она указывает, что напевы причитаний в деревнях Сумпосад, Нюхча, Колежма, Шижня исполняются, как правило, хором в гетерофонном стиле. В деревне Сумпосад напев причитания распет одногласно. Импровизационное начало, характерное для традиции жанра, проявляется только в одиночном исполнении причитаний. При этом каждая деревня имеет свой плачевный напев и различную манеру исполнения. В качестве общих черт напевов причети дан-

ного ареала она отмечает слоговую мелодику волнообразного рисунка в объеме терции или кварты; развитую многословную мелодику, расширяющую диапазон напева до кварты-квинты и основывающуюся на типичных плачевых попевах; бесцезурную композицию; одночастотную музыкально-ритмическую структуру с распетыми ударными слогами десяти-, двенадцатислогового тонического стиха⁹.

В 1974 г. вышла в свет книга, посвященная песенной традиции ижоры и ингерманландцев, принадлежащих прибалтийско-финской языковой группе финно-угорских народов¹⁰. Сборник «Народные песни Ингерманландии» стал первым научным изданием песенной поэзии этих народов. Подтверждением его уникальности и значимости явилось дополненное переиздание 2020 г.¹¹ Сборник подготовлен на основе архивных материалов КарНЦ и фонограммархива ИЯЛИ, которые практически сложились из собственных записей составителей и впервые вводились в научный оборот. Представлены все разновидности песенного творчества двух народов. В первый раздел включены песни калевальской метрики: эпические, календарные, свадебные, колыбельные, а также заговоры, заклинания и причитания ижоры. Второй раздел знакомит с более поздними рифмованными песнями, которые бытовали в основном у ингерманландцев (пирилейки, рэнтюшка и др.). Музыкальное приложение, подготовленное Т. А. Коски, содержит 91 нотную расшифровку напевов, а также статью, в которой дается их характеристика. Она пишет, что представлено «два стиля мелодики, соответствующие двум этническим

группам населения: ижорские – стиль архаичных обрядовых напевов, и напевы ингерманландских финнов, связанные с городской музыкальной культурой XIX в.»¹².

В результате полевых выездов к карелам были подготовлены еще два сборника с нотными приложениями. Первый составлен совместно с фольклористом А. П. Степановой и издан в 1976 г.¹³. Он посвящен жанру, одному из самых древних и неизученных в то время, обрядового причитания с потаенным языком и выразительными поэтическими средствами. Такой обрядовый материал особенно труден для фиксации на магнитофонную ленту. В книге отражена причетная традиция всех этнолокальных групп карелов, тогда она впервые вводилась в научный оборот. Сборник снабжен нотным приложением, в котором 44 номера. Каждая исполнительница представлена одним, характерным для ее исполнения напевом, который является основой для сопровождения всех ее причетаний. Вся работа по отбору и расшифровке напевов, по оформлению нотного приложения проделана музыковедом ИЯЛИ Т. А. Коски. Известные ученые И. Н. Рюитель и К. В. Чистов отмечали в своей рецензии, что «исключительную сложность представляла расшифровка звукозаписей текстов и особенно напевов причитаний. Судя по тщательной передаче различных подробностей исполнения (звуковысотные колебания, нечистые звуки, метроритмические модификации и т. д.), видно, что расшифровка мелодий сделана умелой рукой человека с опытным слухом <...> Опубликованные мелодии – настоящее богатство для исследователей»¹⁴. Рецензенты сожалели, что Т. Ко-

⁷ Русская свадьба Карельского Поморья / изд. подгот. А. П. Разумова, Т. А. Коски. Петрозаводск : Карелия, 1980. 221 с.

⁸ Там же. С. 203.

⁹ Коски Т. А., Разумова А. П. Напевы свадебных причитаний Карельского Поморья // Проблемы изучения музыкального фольклора русского и финно-угорских народов Карелии и земель Северо-Запада: тезисы докладов. М., 1977. С. 26–27.

¹⁰ Народные песни Ингерманландии / сост. Э. С. Киуру, Э. П. Кюльмясу. Л. : Наука, 1974. 513 с.

¹¹ Народные песни Ингерманландии / подгот. В. П. Миронова, Н. Л. Шибанова. 2-е изд., перераб. и доп. Петрозаводск : Е. А. Барбашина, 2020.

¹² Там же. С. 270.

¹³ Карельские причитания / изд. подгот. А. С. Степанова, Т. А. Коски. Петрозаводск : Карелия, 1976. 534 с.

¹⁴ Рюитель И. Н., Чистов К. В. Карельские причитания // Советская этнография. 1978. № 5. С. 178–181.

ски не решилась более основательно прокомментировать свои записи. В сопроводительной статье преподавателя Петрозаводского филиала Ленинградской государственной консерватории А. Г. Гомона (ныне Петрозаводская государственная консерватория) обсуждались теоретические аспекты музыкальных особенностей карельских причитаний.

Итогом собирательской и исследовательской работы Т. А. Коски стал сборник карельских частушек, который был издан в 1985 г.¹⁵ К этому времени Тертту Арвовна уже год была на заслуженном отдыхе. В сборнике «Карельские частушки» ею был выполнен не только музыковедческий, но и текстовый раздел, включающий переводы частушек на русский язык. Эта книга до настоящего времени остается единственным научным сборником по указанной теме. Для него Тертту Арвовна подобрала весь материал, классифицировала его, выявила без малого сотню различных версий напевов, сделала нотировку, написала вступительную статью. В результате собственной собирательской деятельности и работы в Научном архиве КарНЦ РАН Тертту Арвовна определила ареал бытования карельской частушки: это Южная и Средняя Карелия, граница про-

ходит примерно в районе Тунгуды-Юшкозера; севернее, где больше сказывается финское влияние, она в чистом виде не встречается. В сборник вошли ранее не публиковавшиеся записи от 87 исполнительниц на карельском и русском языках. Во вступительной статье Тертту Арвовна кратко рассмотрела историю собирания, тематику, поэтику и мелодику частушки, отметила особенности карельской частушки: они, в сравнении с русскими, поются в очень спокойной манере, не имеющей ничего общего с плясками, более размеренны по ритмике и темпу. Она пишет, что частушки возникли в карельской среде под влиянием русской частушки, но мелодика вобрала в себя интонации карельских эпических песен и причитий. Как музыковед Т. А. Коски отмечает восходящие квинтовые интонации в начале напевов, двузвучные внутрислоговые мелодические обороты, нисходящее мелодическое движение и минорное наклонение частушек. Всего в сборнике представлено 87 напевов, которые разделяются на две группы (карельских текстов с авторскими переводами на русский язык гораздо больше). При этом, как указывает автор во вступительной статье, напевы каждой груп-

пы соотносятся между собой как близкие мелодические версии.

В 1983 г. Тертту Арвовна становится членом Союза композиторов Карелии. Как этномузыковед Т. А. Коски внесла значительный вклад в изучение устной поэзии народов Карелии. Она собирала фольклорный материал, расшифровывала его с магнитофонной ленты, переводила на русский язык, нотировала тексты. С участием Тертту Арвовны подготовлены несколько сборников, в которых опубликован музыкальный фольклор разных жанров нескольких народов. Она сделала нотировки русских поморских песен и свадебных причитаний. Впервые в соавторстве издан сборник песенного фольклора ижоры и ингерманландцев с нотным приложением; нотирован самый сложный жанр карельских причитаний. Т. А. Коски подготовила до сих пор единственный в российской фольклористике сборник карельских частушек. Время ее работы в ИЯЛИ с 1964 по 1984 г. было самым ярким и плодотворным в истории Института с точки зрения составления сборников с нотными приложениями и исследования музыкальной культуры различных народов, проживающих в Карелии и Ленинградской области.

Иванова Людмила Ивановна –

научный сотрудник сектора фольклористики и литературоведения (с фонограммархивом) Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (185910, Российская Федерация, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11),
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9549-2674>, ljuchiki@mail.ru

Чикина Наталья Валерьевна –

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклористики и литературоведения (с фонограммархивом) Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (185910, Российская Федерация, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11),
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5419-3758>, tchikina@krc.karelia.ru

Lydmila I. Ivanova –

Researcher, Sector of Folklore and Literary Studies (with phonogram archive), Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences (11 Pushkinskaya St., Petrozavodsk 185910, Russian Federation),
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9549-2674>, ljuchiki@mail.ru

Natalya V. Chikina –

Cand. Sci. (Philolog.), Senior research associate, Folklore and Literary Studies Sector (with phonogram archive), Institute of Linguistics, Literature and History Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences (11 Pushkinskaya St., Petrozavodsk 185910, Russian Federation),
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5419-3758>, tchikina@krc.karelia.ru

¹⁵ Карельские частушки / сост. Т. Коски. Петрозаводск : Карелия, 1985. 127 с.

Рецензируемый научный журнал «Финно-угорский мир **Finno-Ugric World**» основан в 2008 г. и считает своей миссией всемерное распространение знаний о финно-угорских народах, популяризацию языков, литературы, народной культуры и искусств, истории родного края.

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников согласно Номенклатуре специальностей научных работников. Проводится научное рецензирование поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки.

К рассмотрению принимаются оригинальные работы (научные статьи, обзоры, рецензии и отзывы), тематически связанные с проблемами финно-угорского мира. Набор материалов осуществляется по следующим научным направлениям:

5.6. Исторические науки – 5.6.1. Отечественная история; 5.6.4. Этнология, антропология и этнография; 5.6.7. История международных отношений и внешней политики.

5.9. Филологические науки – 5.9.5. Русский язык. Языки народов России; 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (финно-угорские и самодийские); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

5.10. Культурология и искусствоведение – 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Учредителем и издателем журнала является федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва».

С 2012 г. журнал входит в утвержденный Министерством образования и науки Российской Федерации Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

В состав редакционного и экспертного советов входят ученые, организаторы науки, представители государственной власти, национальных общественных объединений, деятели культуры и искусств финно-угорских регионов Российской Федерации, Финляндии, Венгрии, Эстонии, Франции и Литвы.

Журнал индексируется и архивируется в следующих базах данных:

Russian Science Citation Index (RSCI)

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

ERIH PLUS

Directory of Open Access Journals (DOAJ)

OASPA

Ulrich's Global Serials Directory

The peer-reviewed academic journal “**Finno-Ugric World**” was founded in 2008. It seeks to develop Finno-Ugric studies, Finno-Ugric languages, literature, folk culture and arts, and the history of the native land.

The names and content of the journal’s sections correspond to the groups of specialties of academic staff in accordance with the Nomenclature of Specialties of Academic Personnel. The journal follows a double-blind peer review process to maintain its high standard of the editorial expert assessment.

The journal seeks papers and book reviews on various aspects of Finno-Ugric Studies. It covers the following research areas:

5.6. History – 5.6.1. National history; 5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography; 5.6.7. History of international relations and foreign policy;

5.9. Philology – 5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia; 5.9.6. Languages of the peoples of other countries (Finno-Ugric and Samoyedic); 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics;

5.10. Cultural studies and art history – 5.10.1. Theory and history of culture, art.

The founder and publisher of the journal is Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “National Research Ogarev Mordovia State University”.

Since 2012, the journal is included in the List of peer reviewed scientific journals published by the Higher Attestation Commission in which major research results from the dissertations of Candidates of Sciences (Cand.Sci.) and Doctor of Science (Dr.Sci.).

The editorial board includes scholars, academics, representatives of State Bodies, National Public Associations, and representatives of culture and arts of the Finno-Ugric regions of the Russian Federation, Finland, Hungary, Estonia, France and Lithuania.

The journal is indexed and archived:

Russian Science Citation Index (RSCI)

Russian Science Citation Index (RISC)

European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS)

Directory of Open Access Journals (DOAJ)

OASPA

Ulrich’s Global Serials Directory

Главный редактор *Н. П. Макаркин*

Редактор *А. А. Сульдина*

Верстка и дизайн *Н. Е. Коркаева*

Перевод *О. С. Сафонкина*

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей

Перепечатка материалов, размещенных в журнале, допускается только с разрешения редакции

На обложке: 1-я стр. – М. И. Нефедов (1907–1963). Эрзя. 1958. Бронза.

Музей учеников С. Д. Эрзы МГУ им. Н. П. Огарёва. Фото Р. Резепова, 2024 г.

4-я стр. – Сундук парь. Дерево, резьба. XVIII в. Детали костюма молодой женщины эрзянки. Нач. XX вв. Фото взято с сайта Мордовского республиканского музея изобразительных искусств им. С. Д. Эрзы (<https://erzia-museum.ru/>)

Editor in Chief *N. P. Makarkin*

Editor *A. A. Suldina*

Layout design *N. E. Korkayeva*

Translation by *O. S. Safonkina*

The journal is included in the list of Russian peer-reviewed journals to publish research results of the dissertations for the academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences

Editorial opinion may not coincide with the views of the authors of articles

Articles reprinting is allowed only with the permission of the Editors

On the cover: P. 1 – M.I. Nefyedov (1907–1963). Erzya. 1958. Bronze.

Museum of students of S. D. Erzya of National Research Mordovia State University.

Photo by R. Rezepov, 2024.

P.4. – Par chest. Wood, carving. 18th c. Costume details of a young Erzya woman. Early 20th c.

Photo taken from the site of the S. D. Erzya Museum (<https://erzia-museum.ru/>)